

9, 43
70

ОБРАЗОВАНИЕ ПАМЯТИ

801-14
1453

Наука о восприятии, памяти и воспоминании.

Вильяма Валкера Аткинсона,
члена судебной палаты въ Пенсильваніи,
автора „Силы мысли“, „Закона новой мысли“ и т. д.

„Воспринимать подобно воску—удерживать подобно алмазу“.

ПСИХОЛОГИЧЕСКОЕ КНИГОИЗДАТЕЛЬСТВО

ВАНЪ ТАЙЛЬ ДАНИЕЛЬСА

С.-Петербургъ. Невскій пр., 28.

2006

34

„Т-во Художественной Печати“.

2011119999

ОГЛАВЛЕНІЕ.

	СТР.
Глава I. Хранилище за предѣлами сознанія.	11
О великой области духа, лежащей за предѣлами сознанія, являющейся мѣстопребываніемъ памяти-хранилищемъ впечатлѣній, получаемыхъ черезъ посредство чувствъ.—Выясняется отношеніе памяти къ этому великому хранилищу и многочисленными примѣрами и иллюстраціями доказывається, что ничто никогда не забывается и какъ, повидимому, забытые факты могутъ при извѣстныхъ условіяхъ снова быть вызваны въ памяти.—Наши впечатлѣнія находятся скрытыми въ глубокихъ тайникахъ внѣсознательной области разсудка, ожидая момента своего добровольнаго или недобровольнаго воскрешенія.—Изученіе этой главы бросаетъ новый свѣтъ на вопросъ объ образованіи памяти.	
Глава II. Вниманіе и Собираніе.	20
О великомъ психологическомъ законѣ, согласно которому сила первоначальнаго впечатлѣнія является рѣшающей для степени способности помнить и воспоминать, и сила первоначальнаго впечатлѣнія находится въ одинаковомъ отношеніи ко вниманію, которое было удѣлено вызывающему впечатлѣніе субъекту или объекту.—Объясняется, какъ внѣсознательное мышленіе отлагаетъ въ хранилище полученные впечатлѣнія и, какъ тѣ изъ нихъ, которыя тщательнее были уложены, легче могутъ быть найдены и возвращены въ область сознанія. Приводятся примѣры и иллюстраціи и обсуждаются пункты: вниманіе, интересъ и сосредоточенность въ ихъ отношеніи къ образованію памяти.	

Глава III. Воспріятіе впечатлѣній.
 О законахъ, управляющихъ воспріятіемъ впечатлѣній.—Какимъ образомъ впечатлѣнія ясно и отчетливо схватываются и удерживаются.—Различіе между добровольнымъ и недобровольнымъ вниманіемъ.—Какъ воспринимаются чувственные впечатлѣнія.—Какъ чувства приучаются быстро воспринимать и укладывать въ память впечатлѣнія.—Необходимость тщательнаго наблюденія и т. д.—Многочисленныя иллюстраціи доказываютъ удивительно высокую степень чувствительности, наблюдательности и памяти, достигнутую въ разныя эпохи и въ разныхъ странахъ многими лицами при помощи тщательнаго и умѣлаго упражненія.—Замѣчательныя примѣры и интересныя анекдоты иллюстрируютъ обсуждаемый въ этой главѣ вопросъ.

СТР.
29

Глава IV. Воспринимательная способность глаза.
 О воспріятіи впечатлѣній посредствомъ чувства зрѣнія.—Громадная важность приученія глаза къ ясному и отчетливому воспріятію впечатлѣній.—Польза такого обученія въ повседневной и дѣловой жизни.—Польза такого воспитанія для образованія памяти.—Доказывается, что большинство людей скорѣе взираютъ на вещи, чѣмъ „видятъ“ ихъ.—Интересныя примѣры и иллюстраціи, доказывающіе, что эта способность была развита у лицъ, внимательно относящихся къ предмету; также сообщаются правила, лежащія въ основѣ развитія и образованія этой душевной способности.

44

Глава V. Упражненія въ воспріятіи впечатлѣній черезъ посредство глаза.
 О средствахъ, которыми способность тщательно наблюдать и отчетливо видѣть можетъ быть развита и культивирована для того, чтобы учащійся былъ въ состояніи воспринимать и сохранять ясныя и отчетливыя впечатлѣнія отъ попадающихъ ему на глаза предметовъ.—Изучаю-

55

СТР.

щему,—чтобы помочь ему въ „искусствѣ видѣть“,—предлагаются интересныя и полезныя упражненія, которыя (при условіи тщательнаго выполненія) развиваютъ способность наблюденія до удивительной степени силы и не только очень укрѣпляютъ память, но и дѣлаютъ изъ ученика хорошаго наблюдателя, увеличивая его полезность обществу.—Важность этого предмета недостаточно понимается всѣми.

Глава VI. Воспріятіе впечатлѣній черезъ посредство уха и памяти.
 О воспріятіи впечатлѣній посредствомъ слуха.—Польза отъ воспитанія этой способности.—Управляющіе ею законы.—Примѣры удивительнаго улавливанія ухомъ и памятью, и т. д.—Этотъ отдѣлъ предмета обыкновенно пользуется только незначительнымъ вниманіемъ со стороны учащихся, однакоже, нѣкоторые важнѣйшіе пункты въ развитіи памяти зависятъ отъ воспитанія и развитія „слухового вниманія“.—Въ продолженіе долгаго времени религіозныя, философскія и правовыя ученія древнихъ народовъ передавались изъ устъ въ уста; при этомъ, слуховая память совершала подвиги, которые теперь считаются почти невозможными, каковыя, однако, могутъ быть повторены каждымъ, кто посвятитъ дѣлу достаточно вниманія.

65

Глава VII. Упражненія въ воспріятіи впечатлѣній посредствомъ слуха.
 О развитіи воспріятія впечатлѣній слухомъ и о памяти, согласно предвѣдущей главѣ; предлагаются многочисленныя упражненія съ цѣлью развитія и воспитанія способности интеллигентно слушать.—Примѣры очень развитой способности улавливать впечатлѣнія слухомъ показываютъ намъ, что большинство людей лишь несовершенно обладаетъ чувствомъ слуха и удѣляютъ услышанному лишь малое вниманіе, и что эта способность можетъ быть очень развита и укрѣплена умѣлымъ упражненіемъ.

71

Компетентные авторитеты установили тотъ фактъ, что „половина существующей глухоты является результатомъ невнимательности“ и, что половина слабыхъ памятей должна быть сведена къ той-же причинѣ.—Цѣль этихъ упражненій—исправить данный недостатокъ.— Въ этой главѣ содержится цѣнная система того, какъ удерживать въ памяти услышанное на основаніи изложенныхъ древними индусами принциповъ, при помощи которыхъ они передавали потомству свои священныя ученія.

Глава VIII. Сочетаніе мыслей 81

О великомъ законѣ духа, извѣстномъ подъ именемъ ассоціаціи идей, отъ котораго въ большой степени зависитъ способность воспоминанія.— Порядокъ нашихъ мыслей въ такой же степени является результатомъ закона, какъ приливъ и отливъ морской волны.—Наши мысли и сохраненныя впечатлѣнія всегда связаны между собою какимъ-нибудь образомъ, хотя иногда и трудно бываетъ найти соединяющую нить.—Эта глава изслѣдуетъ вопросъ о сочетаніи мыслей (ассоціаціи идей) и обнаруживаетъ различныя формы и законы, которые управляютъ имъ.— На ряду съ вниманіемъ этотъ пунктъ является самымъ важнымъ въ дѣлѣ образованія памяти и самъ предметъ исполненъ интереса и открываетъ большую область мыслей.

Глава IX. Воспоминаніе, припоминаніе, и узнаваніе вновь. 88

Трактуются объ этихъ трехъ свойствахъ духа, которыя часто принимаются за одну и ту-же вещь.—Выясняются различія и каждое выраженіе ясно описывается и объясняется.—Воспоминаніе, (remembrance) это—слово, обозначающее тотъ процессъ памяти (memory), посредствомъ котораго накопленныя впечатлѣнія безъ усилія воли возвращаются въ область сознанія, напр., благодаря сочетанію мыслей, сходству и т. п.—Припоминаніе (recollection) это—слово, которое употребляется для описанія того процесса па-

мяти, посредствомъ котораго какой-нибудь предметъ усилимъ воли воскрешается въ сознаніи.— Узнаваніе вновь—(признаваніе, подтвержденіе, recognition) это такое явленіе памяти, посредствомъ котораго мы при видѣ какой-нибудь вещи или слухѣ о ней узнаемъ, что ее уже прежде видѣли или слышали о ней.

Глава X. Общіе принципы относительно впечатлѣній. 95

О тринадцати общихъ принципахъ, господствующихъ надъ впечатлѣніями.—Эти тринадцать принциповъ практически заключаютъ въ себѣ все о „впечатлѣніяхъ“:—ихъ улавливаніе, сохраненіе, вызваніе вновь; знаніе ихъ даетъ ученику возможность держать весь предметъ, какъ бы на ладони.—Каждый принципъ изложенъ отчетливо и сопровождается объясненіями и иллюстраціями.—Одна эта глава, будучи тщательно изученной, даетъ ученику хорошую подготовку въ теоріи и практикѣ образованія памяти; она могла бы быть расширена настолько, что заняла-бы всю книгу.

Глава XI. Общая система образованія памяти. . . . 107

О рациональной, практической, легко усваиваемой системѣ образованія памяти, которая, по мнѣнію автора этой книги, является лучшимъ и единственно практическимъ методомъ развитія памяти, какъ цѣлаго.—Эта книга представляетъ собою примѣненное къ современнымъ потребностямъ изложеніе системы, употреблявшейся древними въ Индіи, Греціи, Исландіи и другихъ странахъ для воспитанія учащихся, чтобы они усвоили себѣ и сохранили въ памяти легенды, религіозныя книги, философію и законы народовъ; вслѣдствіе чего для этихъ учениковъ было обыденнымъ дѣломъ выучить на память книги, превосходящія объемомъ нашу Библію.— Эта великая система даетъ полныя инструкціи и руководства къ развитію памяти.

Глава XII. Система памяти въ десяти вопросахъ. . . 118

О новомъ и рациональномъ методѣ полученія

изъ внѣсознательнаго хранилища смѣшаннаго состава особыхъ справокъ, накопленныхъ каждымъ лицомъ въ его памяти, но остававшихся до сихъ поръ неиспользованными, вѣдѣствіе отсутствія системы при накопленіи, и незнаніи метода, по которому эти разрозненныя свѣдѣнія могутъ быть собраны.—Эта система, если кто ею обладаетъ и ею пользуется, умножить чрезвычайно полезныя свѣдѣнія, которыми такимъ образомъ можно будетъ располагать и дѣлаетъ человѣка „хорошо освѣдомленнымъ“ о вещахъ, про которыя, повидимому, только очень мало знаешь.—Эта система открываетъ глаза и приводитъ къ замѣчательнымъ результатамъ.— Въ главѣ этой содержится также объясненіе „аналитическаго способа заучивать на память“.

Глава XIII. Память на числа, даты и цѣны. 125

О развитіи памяти въ этихъ очень интересныхъ областяхъ, которыя такъ важны для мужчины и женщины въ повседневной и дѣловой жизни.— Ничто такъ не затрудняетъ ученика, какъ забываніе чиселъ, и неспособность запоминать числа и цѣны повела къ гибели не одного многообѣющаго молодого дѣльца.—Эта глава ясно разъясняетъ вопросъ и даетъ картину плохой памяти въ этой области и указываетъ методъ, съ помощью котораго можно исправить и укрѣпить память.—Предлагаются упражненія и руководства, которыя окажутся очень цѣнными ученику.

Глава XIV. Память на мѣста. 131

Объ умственной способности, которая, будучи хорошо развита, даетъ возможность человѣку почти инстинктивно находить дорогу въ незнакомыя мѣста, и недостатокъ которой приводитъ къ тому, что даже въ мѣстахъ хорошо извѣстныхъ можешь „заблудиться“.—Предметъ этотъ излагается съ цѣлью показать, какъ можетъ быть развита эта способность, исходя изъ важности ея воспитанія и культивированія.—Руководство, примѣры и упражненія предлагаются

въ предѣлахъ, хорошо испробованныхъ и проверенныхъ и тщательное изученіе этой главы должно бы побудить стать на путь большого укрѣпленія своего чувства мѣстности, своей памяти на мѣста и способности „ориентироваться“.

Глава XV. Память на лица (физиономіи) людей 136

О способности запомнить лица тѣхъ людей, съ которыми приходилось встрѣчаться.—Указываются важность обладанія хорошей памятью на лица и непріятности, которыя влечетъ за собою плохая память этого рода.—Эта глава изслѣдуетъ вопросъ, восходя отъ причины къ средству исправленія и тщательное изученіе и примѣненіе изложенныхъ началъ, безъ сомнѣнія, должны привести къ большому развитію и укрѣпленію въ этомъ отношеніи.—Тутъ нѣтъ попытки обучить „хитрому приему“; основная мысль, которой тутъ слѣдуютъ, есть та, что разумное воспитаніе способности должно имѣть слѣдствіемъ укрѣпленіе въ ней, что въ свою очередь явится причиною укрѣпленной памяти этого рода.—Включены и упражненія.

Глава XVI. Память на имена. 141

Объ этомъ очень важномъ отдѣлѣ въ образованіи памяти.—Воспитаніе зрительной памяти.—Эта способность очень важна въ дѣловой и общественной жизни, и слабая память о лицахъ имѣла часто послѣдствіемъ дурныя чувства со стороны тѣхъ, о которыхъ забыли.—Эта способность можетъ быть воспитана и развита такъ же, какъ и другія и въ этой главѣ обсуждается этотъ отдѣлъ воспитанія, указываются причины плохой памяти такого рода и лучшіе методы для ея укрѣпленія путемъ воспитанія и развитія той же способности.—Прибавлены примѣры и упражненія, которые настолько же интересны, насколько и поучительны.

Глава XVII. Искусственныя системы. 149

О многихъ искусственныхъ системахъ воспита-

нія памяти, которыя предлагались публикѣ во всѣ времена и у всѣхъ народовъ; указывается сущность наиболѣе выдающихся системъ и обращается вниманіе на ихъ слабые пункты.—Исторія этихъ системъ переноситъ читателя во времена Симонида, 500 л. до Р. Хр. и показываетъ, какъ старыя системы одѣваются разными „изобрѣтателями“ въ новый нарядъ и предлагаются, какъ новыя.—Эта глава покажется очень интересной тѣмъ, которые охотно изслѣдуютъ самый корень вещей и затѣмъ прослѣживаютъ все развитіе предмета.—Чтеніе этой главы даетъ читателю возможность понять претензіи многихъ предлагаемыхъ въ газетамъ системъ и покажетъ, что „нѣтъ ничего новаго подъ солнцемъ“ поскольку это касается „патентованныхъ системъ заучиванія на память“.

ГЛАВА I.

Хранилище за предѣлами сознанія.

О великой области духа, лежащей за предѣлами сознанія, являющейся мѣстопребываніемъ памяти, хранилищемъ впечатлѣній, получаемыхъ черезъ посредство чувствъ.—Выясняется отношеніе памяти къ этому великому хранилищу и многочисленными примѣрами и иллюстраціями доказывается, что ничто никогда не забывается и, какъ, повидимому, забытые факты могутъ при извѣстныхъ условіяхъ снова быть вызваны въ памяти.—Наши впечатлѣнія находятся скрытыми въ глубокихъ тайникахъ внѣсознательной области разсудка, въ ожиданіи момента своего добровольнаго или недобровольнаго воскрешенія.—Изученіе этой главы бросаетъ новый свѣтъ на вопросъ объ образованіи памяти.

Мы не можемъ составить себѣ яснаго представленія о сущности памяти или о законахъ, которыми управляются способности, вспоминанія и памятованія, если мы не познакоимся съ той великой областью духа, которая извѣстна психологу, какъ внѣсознательная область мышленія. Прежде учили, что духъ сознаетъ все то, что въ немъ происходитъ; но передовое мнѣніе нашего времени признаетъ теперь, что сознаніе образуетъ лишь малую часть всего процесса мышленія. Внѣсознательныя идеи, впечатлѣнія, раздраженія и мысли играютъ очень важную роль въ мірѣ мысли. Теперь придерживаются взгляда, что въ каждомъ сознательномъ дѣйствіи есть многое, что принадлежитъ области внѣсознательнаго. У каждаго сознательнаго дѣйствія есть внѣсознательный фонъ.

За предѣлами сознанія лежитъ великая область внѣсознательнаго. Эта область внѣсознательнаго

заключаетъ въ себѣ много тайнъ, которыя привлекаютъ вниманіе психологовъ и другихъ мыслителей, оказывающихъ результатами своихъ изслѣдованій значительное вліяніе на современное міровоззрѣніе. Высчитали, что менѣе десяти процентовъ мыслительныхъ процессовъ повседневной жизни происходятъ въ площади сознанія, въ то время, какъ всю остальную работу мы производимъ въ великой области внѣсознательнаго. То, что называютъ мышленіемъ, не болѣе какъ верхушки горъ, погруженныхъ подъ водою; большая масса горъ совершенно скрыта подъ водою. Мы, какъ бы въ темнотѣ густого лѣса, наши фонари бросаютъ маленькій кружокъ свѣта около насъ, дальше котораго лежитъ кругъ полутьмы, и еще дальше того — царитъ полная тьма. И въ этой полутьмѣ, и въ этой тьмѣ совершается работа, результатъ которой, если нужно, проталкивается впередъ, въ кружокъ свѣта, который мы называемъ сознаніемъ. Память есть прежде всего функція нашего внѣсознательнаго мышленія. Въ великой области внѣсознательнаго лежитъ хранилище нашей памяти. Съ того момента, когда мы воспринимаемъ впечатлѣніе, до того момента, когда оно вновь является въ области сознанія, внѣсознательныя способности находятся въ работѣ.

Мы воспринимаемъ и откладываемъ въ сторону впечатлѣніе — куда же мы его укладываемъ? Не въ область сознательнаго, потому что иначе мы бы его всегда видѣли передъ собою; — внизу, въ тайникахъ внѣсознательнаго хранилища; оно укладывается тамъ, оно получаетъ мѣсто среди другихъ впечатлѣній, часто одновременно съ такимъ множествомъ другихъ, что намъ кажется почти невозможнымъ найти его опять, когда оно понадо-

бится намъ. Гдѣ же удерживается оно въ продолженіе лѣтъ, которыя часто проходятъ между отложеніемъ въ сторону одного впечатлѣнія и его воскрешеніемъ? Въ этомъ великомъ хранилищѣ внѣсознательнаго! Какой процессъ примѣняется, когда мы хотимъ вновь вызвать впечатлѣніе? Просто исходитъ приказъ отъ воли, поручающей рабочимъ внѣсознательнаго хранилища отыскать отложенное много времени тому назадъ впечатлѣніе и поднести его къ свѣту. Смотря по степени, въ какой эти рабочіе обучены исполнять свою работу и въ какой они привыкли къ своей задачѣ, они успѣваютъ интеллигентно слушаться приказовъ воли. И въ той мѣрѣ, въ какой ихъ обучали тщательно откладывать поручаемыя имъ наизорю вещи и точно отмѣчать мѣсто храненія переданныхъ имъ кладовъ, они настолько способны и расторопны, чтобы по приказу принести эти вещи на свѣтъ.

Сознаніе нельзя понимать, какъ равнозначашее ума. Если мы будемъ смотрѣть на сознаніе и умъ, какъ будто площадь ихъ одинакова, и отвергнемъ понятіе о внѣсознательной области мышленія, то мы не будемъ въ состояніи объяснить себѣ, гдѣ въ продолженіе отдѣльнаго момента сознательности пребываетъ весь остатокъ нашей психики; гдѣ всѣ другія части, которыя необходимы для комплекта ума и которыя слѣдуетъ отличать отъ отдѣльной, какъ разъ теперь находящейся въ употребленіи части. Поле зрѣнія сознанія въ любой отдѣльный моментъ очень ограничено и напоминаетъ смотрѣніе въ телескопъ или микроскопъ, когда тоже видишь только лишь то, что лежитъ въ полѣ зрѣнія инструмента; все же, лежащее за предѣлами его, какъ бы перестало на этотъ моментъ существовать. Умъ постоянно наполненъ идеями, мыслями,

впечатлѣніями и т. д., которыхъ мы совсѣмъ не сознаемъ, пока они не попадутъ въ поле зрѣнія сознанія.

Предполагаютъ, что каждое впечатлѣніе, которое мы воспринимаемъ, каждая мысль, которую мы развиваемъ, заносится гдѣ-то въ книгу этого великаго внѣсознательнаго умственнаго хранилища и, что ничто никогда не забывается вполнѣ. Многія вещи, которыя годами казались забытыми, возвращаются въ область сознанія, если онѣ вызываются туда сочетаніемъ идей, желаніемъ, потребностью или усиленіемъ. Многія впечатлѣнія ума, вѣроятно, никогда не будутъ возвращены въ область сознанія, потому что тамъ нѣтъ въ нихъ никакой надобности, но они останутся въ области безсознательнаго, тихо, но мощно вліяя на наши мысли, идеи и поступки. Другія мысли останутся скрытыми въ глубокихъ тайникахъ ума, въ ожиданіи часа ихъ новаго примѣненія, совершенно также, какъ свѣтъ и теплота остаются скрытыми въ углѣ, въ ожиданіи момента, когда его достанутъ для употребленія.

Мы въ опредѣленное время сознаемъ лишь очень малую часть того, что накоплено въ умѣ. Многія вещи, которыя кажутся забытыми и которыя мы часто старались припомнить, всплываютъ иногда въ сознаніи сами, какъ бы по собственному усмотрѣнію. Часто мы стараемся вспомнить какую-либо вещь, но, повидимому, напрасно, послѣ чего мы бросаемъ нашу попытку, но черезъ нѣкоторое время мысль вдругъ вспыхиваетъ въ свѣтѣ нашего сознанія. Могло бы показаться, будто наше желаніе вспомнить часто приводитъ въ движеніе тихихъ работниковъ внѣсознательной области много времени спустя послѣ того, когда мы почти забыли о

своемъ желаніи, они возвращаются, таща съ торжествомъ за собою желанное впечатлѣніе. Затѣмъ, случайное слово кого-нибудь посторонняго можетъ открыть болѣе обширныя области памяти, о существованіи которыхъ мы давно уже не знали. Часто мы во снѣ видимъ давно забытыя лица, слышимъ и узнаемъ голоса, звукъ которыхъ уже много лѣтъ не раздастся больше. Многія событія, которыя до того совершенно забыты, что никакое усиліе воли не было бы въ состояніи вызвать ихъ въ памяти, все-же, повидимому, удерживаются гдѣ-то въ районѣ внѣсознательнаго и какое-нибудь необычное побужденіе, усиліе или физическое состояніе выносятъ ихъ на поверхность свѣжими и живыми, какъ будто это — вчерашнія впечатлѣнія.

Нѣкоторыя лица говорили въ лихорадочной горячкѣ о вещахъ, ими совершенно забытыхъ, или о которыхъ они по выздоровленію ничего не могли припомнить, которыя, однако, — какъ было установлено разслѣдованіемъ — представляли собою дѣйствительныя происшествія изъ ихъ дѣтства или юности.

Это — фактъ, что утопающій часто вспоминаетъ событія своей прошедшей жизни; и многіе опыты такого рода приводятся въ главныхъ сочиненіяхъ по психологіи. Сэръ Франсисъ Бофоръ сообщаетъ, послѣ того какъ его спасли отъ смерти въ водѣ: „каждое событіе моей истекшей жизни какъ будто проходило въ обратномъ порядкѣ передъ моею памятью, но не въ контурахъ, а каждая картина со всѣми отдѣльными, принадлежащими ей чертами, представляя родъ панорамы всего моего существованія“.

Колериджъ рассказываетъ исторію одной женщины, не умѣвшей ни читать, ни писать, которая

въ лихорадкѣ начала говорить по-латыни, по-гречески, по-еврейски. Были записаны цѣлые листы ея безумнаго бреда и было найдено, что онъ состоялъ изъ разумныхъ по своему характеру предложений, но плохо связанныхъ между собою. Изъ еврейскихъ изреченій лишь немногія могли быть отнесены къ библіи, бѣльшая же часть казалась взятой изъ діалекта равиновъ. Женщина была во всѣхъ отношеніяхъ невѣжественной, такъ что здѣсь не могло быть и рѣчи объ обманѣ; общее мнѣніе гласило, что она была одержима дьяволомъ. Врачъ, не вѣрившій въ существованіе демоновъ, принялся за разрѣшеніе этой загадки и послѣ многихъ усилій узналъ, что она въ девятилѣтнемъ возрастѣ находилась на воспитаніи у священника. Священникъ имѣлъ обыкновеніе ходить по корридорю, находившемуся рядомъ съ кухней, произнося предложенія изъ равинскихъ книгъ, а равно и цитаты изъ латинскихъ и греческихъ отцовъ церкви. Книги его были просмотрѣны и каждая фраза, произнесенная дѣвушкой, была найдена въ нихъ. Лихорадка побудила хранилище внѣпредѣловъ сознанія вынести на свѣтъ нѣкоторые изъ его старѣйшихъ кладовъ.

Карпэнтеръ сообщаетъ исторію одного англійскаго священника, посѣтившаго замокъ, котораго онъ прежде никогда не видалъ и не помнилъ. Но когда онъ подошелъ къ ведущей подъ ворота дорогѣ, сознаніе его почувствовало очень живое впечатлѣніе, какъ будто онъ уже когда-то былъ тутъ и ему казалось, что онъ видитъ не только дорогу подъ воротами, но и ослѣвъ подъ сводами и людей наверху ихъ. Онъ былъ очень возбужденъ этимъ и черезъ нѣкоторое время спросилъ свою мать, не могла-ли бы она дать объясненіе этому

обстоятельству. И мать сообщила ему, что когда ему было всего только восемнадцать мѣсяцевъ, она въ большомъ обществѣ посѣтила, именно, данный замокъ, причемъ, взяла мальчика съ собою въ корзину на ослѣ; нѣкоторые изъ спутниковъ закусыли на крышѣ, надъ воротами, въ то время какъ дѣтя было оставлено внизу съ прислугой и ослиами. И вотъ, по случаю второго посѣщенія, видъ воротъ оживилъ старыя воспоминанія дѣтства, хотя они и представлялись какимъ-то сномъ.

Эберкромбиръ рассказываетъ про одну даму, которая умерла въ деревенскомъ домѣ. Ея совсѣмъ маленькая дочь была привезена къ ней на короткое время изъ Лондона и, послѣ краткаго свиданія была снова отвезена обратно въ городъ. Мать умерла, ребенокъ выросъ и сдѣлался женщиной, не имѣя ни малѣйшихъ воспоминаній о матери. Будучи уже дамою среднихъ лѣтъ, ей случилось попасть въ тотъ самый домъ, гдѣ умерла ея мать и войти въ ту самую комнату, хотя она и не знала, что это была, именно, та комната, гдѣ умерла ея мать. Входя въ комнату, она содрогнулась и на вопросъ друга отвѣтила, что она живо припоминаетъ, какъ она уже прежде была въ этой самой комнатѣ, и помнитъ, что дама, лежавшая въ томъ углу и называвшаяся очень больной, наклонилась надъ ней и плакала. Такимъ образомъ, впечатлѣніе было отложено во внѣсознательное хранилище дѣтскаго мозга и оставалось тамъ неизвѣстнымъ до тѣхъ поръ, пока носительница его не дожила до среднихъ лѣтъ; и тогда, при видѣ комнаты, впечатлѣніе было воскрешено и память выдала свои нѣкоторыя тайны.

Самые лучшіе доводы могутъ быть приведены въ пользу того мнѣнія, что ничто и никогда не

забывается изъ того, что когда-либо произвело впечатлѣніе на нашъ умъ. Ни одно впечатлѣніе, разъ оно занесено въ книгу, не перестанетъ существовать. Оно не потеряно, а только погружается во тьму и существуетъ за предѣлами сознанія, въ которые, однако, оно можетъ быть вызвано обратно посредствомъ волевого акта или сочетанія мыслей, смотря по условіямъ отдѣльнаго случая. Правда, многія впечатлѣнія никогда не будутъ освѣжены ни добровольнымъ усиліемъ, ни произвольною ассоціаціей идей; но все-же впечатлѣніе остается и вліяніе его обнаруживается въ нашихъ поступкахъ и мысляхъ. Еслибы мы могли добраться до глубины внѣсознательнаго мышленья, то мы нашли бы тамъ каждое впечатлѣніе, которое когда-либо получалъ нашъ умъ, запись каждой мысли, которая когда-либо рождалась у насъ, память о каждомъ поступкѣ нашей жизни. Все это мы нашли бы тамъ невидимымъ, но оказывающимъ на насъ тонко проникающее вліяніе. Мы являемся сегодня такими, смотря по тому, что мы вчера думали, говорили, видѣли, слышали, осязали и дѣлали. Человѣкъ есть сумма своихъ вчерашнихъ переживаній. Нѣтъ ни одной мысли, ни одного поступка или впечатлѣнія нашей прошедшей жизни, которые бы не имѣли вліянія на созданіе нашего настоящаго умственнаго и нравственнаго состоянія. Наши сегодняшія мнѣнія и мысли большею частью — результатъ длиннаго ряда маленькихъ переживаній въ прошедшемъ, уже давно забытыхъ и о которыхъ мы, можетъ быть, никогда не вспомнимъ.

Въ другихъ главахъ этой книги мы разберемъ вопросъ о воспитаніи внѣсознательныхъ способностей, имѣющихъ цѣлью пріучить насъ тщательно укладывать впечатлѣнія, запоминать мѣсто ихъ

храненія и быть въ состояніи всякое впечатлѣніе сохранить, быстро находить и выносить на свѣтъ желаемый предметъ по приказу воли. Мы увидимъ, что память поддается безконечному усиленію, развитію и воспитанію. Если мы представимъ себѣ, что ничто вполне не „забывается“ то мы начнемъ понимать великія возможности усиленія искусства воспринимать впечатлѣнія. Мы увидимъ, что чѣмъ отчетливѣе мы будемъ дѣйствовать (напирать) на внѣсознательное мышленіе, чѣмъ тщательнѣе (внимательнѣе) мы будемъ класть въ хранилище впечатлѣніе, тѣмъ легче намъ будетъ вызвать опять это впечатлѣніе въ область сознанія и мы увидимъ, какъ поразительно можно обучить работниковъ внѣсознательной области тому, чтобы они отыскивали и находили то, что мы желаемъ, и какимъ образомъ мы можемъ подчинить ихъ своимъ приказаніямъ совершенно также, какъ живыхъ рабочихъ.

ГЛАВА II.

Вниманіе и собираніа.

О великомъ психологическомъ законѣ, согласно которому сила первоначальнаго впечатлѣнія является рѣшающей для степени способности помнить и вспоминать, и сила первоначальнаго впечатлѣнія находится въ одинаковомъ отношеніи ко вниманію, которое было удѣлено вызывающему впечатлѣніе субъекту или объекту. Объясняется какъ внѣсознательное мышленіе отлагаетъ въ хранилище полученныя впечатлѣнія и, какъ тѣ изъ нихъ, которыя тщательно были уложены, легче могутъ быть найдены и возвращены въ область сознанія. Приводятся примѣры и иллюстраціи и обсуждаются пункты: вниманіе, интересъ и сосредоточенность въ ихъ отношеніе къ образованію памяти.

Въ психологіи есть законъ, согласно которому сила первоначальнаго впечатлѣнія является рѣшающей для степени силы искусственнаго запоминанія или памяти и сила впечатлѣнія находится въ равномъ отношеніи къ тому вниманію, которое было посвящено субъекту или объекту, вызвавшему впечатлѣніе. Переживанія, оставившія въ умѣ наиболѣе прочное и сильное впечатлѣніе,—суть тѣ, на которыя была обращена наибольшая степень вниманія. Нѣкоторые авторитеты идутъ еще дальше и утверждаютъ, что вниманіе къ предмету, лежащему какъ разъ подъ рукой, — является самымъ важнымъ приемомъ мышленія, на какой только способенъ человѣкъ, и что каждый имѣетъ возможность развить въ себѣ извѣстную степень генія, развивая мощь сосредоточеннаго вниманія; эта способность при постоянномъ упражненіи можетъ быть повышена

почти до безконечности. Было сказано, что великія различія, замѣчаемыя между умами разныхъ индивидуумовъ, скорѣе происходятъ отъ разной степени вниманія, нежели отъ разницы въ способности отвлеченно мыслить, и что вниманіе составляетъ лучшую половину силы всякаго разсудка.

Внѣсознательная часть ума отлагаетъ всѣ впечатлѣнія, получаемыя черезъ чувства, все равно, было-ли удѣлено или нѣтъ вниманіе субъекту, или же объекту. Но такъ какъ подобныя впечатлѣнія обыкновенно не вызываются обратно памятью, то они приносятъ намъ очень малую пользу въ области сознанія и на практикѣ они какъ бы даже и не существуютъ для него. Поэтому, ради нашей цѣли, мы можемъ принять такое положеніе, что никакое длящееся впечатлѣніе не воспринимается по меньшей мѣрѣ безъ извѣстной степени вниманія. Въ этомъ смыслѣ мы можемъ сказать, что недостаточно, если предметъ переноситъ черезъ чувства впечатлѣніе на мозгъ, но что, дабы запомнить вещь, нужны вниманіе и сознаніе въ моментъ перваго впечатлѣнія.

Чтобы иллюстрировать разницу между сознательнымъ вниманіемъ и простымъ воспріятіемъ впечатлѣній черезъ чувства, представимъ себѣ, что мы на оживленной улицѣ Чикаго. Тысячи предметовъ представляются нашему взору, тысячи звуковъ передаются мозгу посредствомъ слухового органа, наше чувство обонянія получаетъ впечатлѣнія, наше чувство осязанія тоже работаетъ, такъ какъ люди соприкасаются съ нами, или мы, проходя, задѣваемъ вещи. Среди этой путаницы видовъ, звуковъ, запаховъ и ощущеній, причемъ каждый воспринимающій органъ открытъ и получаетъ впечатлѣнія, мы можемъ быть всецѣло поглощены однимъ опредѣ-

леннымъ видомъ, однимъ звукомъ, или даже одной мыслью, и все остальное, происходящее вокругъ насъ, какъ-будто бы и не существуетъ совсѣмъ. И все, что мы можемъ съ легкостью вспомнить объ этомъ моментѣ, есть та вещь, на которую мы съ напряженнымъ вниманіемъ смотрѣли, то къ чему мы съ полнымъ самозабвеніемъ прислушивались, или особая мысль, занимавшая нашъ умъ въ этомъ моментъ.

Большая часть вещей, которыя мы видимъ, слышимъ или осязаемъ почти всегда непосредственно забываются, потому что мы посвятили имъ лишь малую степень вниманія. Говорятъ, что слабая память означаетъ просто слабое вниманіе и, что привычка равнодушнаго наблюденія является сестрою-близнецомъ недостаточной памяти. Мы обратимся къ этому пункту еще въ другомъ мѣстѣ книги и дадимъ указанія для развитія вниманія.

Существуютъ разногласія насчетъ вопроса можно ли одновременно посвятить вниманіе болѣе чѣмъ одному предмету. Лучшіе авторитеты, повидимому, согласны только въ томъ, что умъ, дѣйствительно, въ одно время можетъ быть занятъ только однимъ предметомъ; но онъ можетъ обращаться отъ одного предмета къ другому взадъ и впередъ, съ удивительною быстротой; это предполагаетъ то условіе что онъ (умъ) одновременно обратилъ свое вниманіе на два или на большее число предметовъ. Про нѣкоторыхъ очень занятыхъ людей рассказываютъ, что они способны дѣлать въ одно время два или больше дѣлъ; но придерживаются мнѣнія, что эти люди просто развили въ себѣ способность съ величайшей быстротой переносить взоръ съ одного предмета на другой. Грэнвиль, говоря объ этомъ утверженіи, замѣчаетъ, что это

представляетъ собою родъ гимнастики на трапеціи, причемъ, артисту грозитъ часто серьезное несчастье и онъ можетъ навсегда лишиться своей способности. Бэнъ, резюмируя вопросъ, говоритъ: „Не слѣдуетъ никогда забывать того факта, что умъ человѣческій всегда можетъ посвятить вниманіе только одному предмету одновременно, хотя онъ можетъ очень быстро переимѣнять направленіе вниманія и, такимъ образомъ, заниматься поочередно двумя или большимъ числомъ предметовъ“.

Если умъ сосредоточивается на одномъ субъектѣ или объектѣ, то онъ часто проходитъ мимо образовъ и звуковъ, которые въ обыкновенное время привлекли-бы его минутное вниманіе. Такъ кто-нибудь поглощенный извѣстнымъ предметомъ, можетъ не замѣчать лицъ, проходящихъ черезъ комнату, или не слышать боя часовъ находящихся отъ него всего въ нѣсколькихъ футахъ.

Пишущій эти строки наблюдалъ за множествомъ людей, когда они читали въ публичной библіотекѣ Чикаго. Они такъ углубились въ свои книги, что другіе могли садиться рядомъ съ ними и опять вставать, тѣ же ничего не замѣчали, не замѣчали и того, что настало время прекратить чтеніе, пока кто-нибудь не рѣшался вѣжливо похлопать ихъ по плечу и попросить оставить мѣсто. Мы знали лицъ, которыя такъ углублялись въ свои „мечтанія при дневномъ свѣтѣ“, что, находясь въ поѣздѣ, они проѣзжали нѣсколько станцій дальше той, гдѣ хотѣли остановиться. Во время битвы полученныя раны нѣкоторое время совсѣмъ не замѣчаются.

О Генри Клэ рассказываютъ, что онъ разъ хотѣлъ говорить лишь короткое время объ одномъ важномъ предметѣ и попросилъ одного коллегу напомнить ему по истеченію установленнаго вре-

мени, чтобы тотъ остановилъ во время рѣчи. Онъ такъ увлекся своей рѣчью, что другъ его никакъ не могъ добиться его вниманія къ себѣ несмотря на то онъ, придя въ отчаяніе, нѣсколько разъ укололъ его длинной булавкой въ ногу. Клэ не замѣтилъ уколовъ и долго еще продолжалъ свою рѣчь, не чувствуя боли, хотя изъ раны текла кровь. Онъ позже констатировалъ, что совершенно не замѣчалъ попытки друга добиться его вниманія, и даже упрекалъ друга, почему тотъ не исполнилъ его просьбы.

Разсказываютъ, что одинъ знаменитый французскій писатель рано утромъ, послѣ рѣзни Вартоломейской ночи, настолько углубился въ свою работу, что ничего не зналъ о кровопротити, произошедшемъ подъ самымъ его окномъ.

Передаютъ, что одинъ итальянскій ученый настолько проникся необыкновеннымъ интересомъ къ своимъ опытамъ, что ничего не зналъ о битвѣ на улицахъ города, и когда онъ вечеромъ вышелъ, то былъ не мало удивленъ, увидѣвъ, что войска Наполеона занимали городъ, а австрійскія войска очистили его.

Разсказываютъ, что Сократъ однажды добровольно отправился въ битву, но, углубившись въ философское размышленіе, остановился и простоялъ нѣсколько часовъ, когда же онъ разрѣшилъ проблему, то увидѣлъ себя одинокимъ на томъ же самомъ мѣстѣ, тогда какъ все войско, пройдя путь нѣсколькихъ часовъ, далеко ушло отъ него впередъ.

Если кто хочетъ обратить все свое вниманіе на одинъ предметъ, то онъ долженъ по возможности выбрать время и мѣсто, когда и гдѣ умъ его будетъ свободенъ отъ всякихъ внѣшнихъ впечатлѣній.

Если бы Вы хотѣли заинтересовать друга важной матеріей, то Вы бы не обратились къ нему, когда онъ занятъ посторонними предметами и Вамъ бы и во снѣ не пришла мысль, обратить его вниманіе на вещь, когда онъ находится среди другихъ дѣлъ. Вы бы подождали, пока Вы не застанете его свободнымъ отъ другихъ интересовъ, увѣренные, что тогда вы найдете въ немъ внимательнаго слушателя. Только такіе люди, которые развили въ себѣ силу сосредоточеннаго вниманія, могутъ отложить на моментъ предметъ совершенно въ сторону и обратить свое нераздѣльное вниманіе на новый предметъ. Естественно, память слѣдуетъ за вниманіемъ и лучше всего помнить тѣ вещи, впечатлѣніе которыхъ было получено, когда умъ былъ свободенъ и не поглощался чѣмъ нибудь постороннимъ.

Нераздѣльное вниманіе даетъ поразительно отчетливыя впечатлѣнія и очень увеличиваетъ силу способностей и даетъ имъ прочность, которой они не обладали бы въ обыкновенное время. Боль становится чувствительной, когда обратить на нее вниманіе.

Замѣчали, что когда вниманіе приковано къ одной части тѣла, эта часть испытываетъ чаще раздраженія, теперь признаютъ, что кровообращеніе въ какомъ-нибудь органѣ или въ части тѣла можетъ быть учащено обращеніемъ усиленнаго вниманія на этотъ органъ. Если мы хотимъ получить наиболѣе полныя и ясныя впечатлѣнія о субъектѣ или объектѣ, то мы должны сосредоточить на немъ наше вниманіе. Сосредоточенность, конечно, можетъ быть увеличена разумнымъ упражненіемъ.

Люди съ большимъ присутствіемъ духа, про-

славилась своею развитою внимательностью, и съ другой стороны—слабоумные и идіоты не способны ни къ какому сосредоточенному вниманію. Такимъ образомъ, умъ великаго человѣка до верху наполненъ сильными, только проникающими впечатлѣніями, которыя онъ вводитъ въ область сознанія въ своей повседневной дѣятельности, въ то время какъ въ распоряженіи человѣка съ недостаточной внимательностью имѣется только маленькій запасъ и онъ, поэтому, не можетъ развить въ себѣ силы и показать, что обладаетъ хорошими источниками.

Что мы знаемъ о вещахъ—это то, что мы о нихъ помнимъ. Разъ это такъ, то знаніе наше вполне зависитъ отъ нашей памяти. А такъ какъ память зависитъ отъ внимательности, то внимательность является главнымъ факторомъ нашего знанія. Всякому выгодно развить свою внимательность. Выучитесь дѣлать въ одно время только одно дѣло, и при этомъ дѣлать это дѣло, какъ можно лучше. Обращая наше вниманіе и нашъ интересъ на одинъ предметъ, мы достигнемъ того, что работа или ученіе будутъ пріятны намъ и мы будемъ въ состояніи хорошо ихъ выполнить.

Мы изучимъ относительно этого предмета все, что только можно изучить. И мы все будемъ помнить, что мы изучили. Честерфильдъ очень вѣрно замѣтилъ: „въ теченіе дня, найдется время для всего, если мы въ одно время будемъ дѣлать только одно дѣло, но не окажется достаточно времени и въ цѣломъ году, если мы попытаемся одновременно дѣлать два дѣла“. И лордъ Бэрлей подтверждаетъ это мнѣніе, говоря: „самый короткій путь къ тому, чтобы сдѣлать много дѣлъ, состоитъ въ томъ, чтобы въ одно время дѣлать только одно дѣло“.

Если мы заняты какимъ-либо дѣломъ, то отдадимся ему всецѣло, если мы отдыхаемъ или играемъ, то не допустимъ, чтобы, хотя одна какая-либо дѣловая мысль тревожила наше сознаніе. Будемъ же любить дѣла, когда мы въ конторѣ, и станемъ ненавидѣть ихъ, когда мы дома.

Кажущимся противорѣчіемъ вышеприведенной теоріи сосредоточеннаго вниманія является тотъ фактъ, что многіе люди лучше всего могутъ размышлять, когда они заняты легкой работой, напр., простымъ шитьемъ, вязаньемъ, разрѣзываніемъ книги, празднымъ просматриваніемъ картинъ, куреньемъ и т. д., но это—несомнѣнное исключеніе и оно подтверждаетъ лишь правило, объясненіе котораго заключается въ томъ, что вниманіе, переходя отъ главной мысли, естественно переносится на болѣе легкое занятіе, требующее очень мало усилій и, вслѣдствіе этого, не отвлекающее много вниманія отъ главнаго пункта. Можетъ быть, легкая работа между размышленіемъ на самомъ дѣлѣ, доставляетъ уму нѣкоторый отдыхъ. Поэтому, если Вы находите труднымъ сосредоточить Ваше вниманіе на субъектѣ или объектѣ, то Вы можете себѣ, взявшись одновременно за какую-нибудь легкую работу. Но пусть эта второстепенная работа будетъ легкой, такъ какъ какое бы то ни было существенное отклоненіе будетъ постоянно раздваивать Ваше вниманіе.

При изученіи субъекта или объекта мы сможемъ достигнуть лучшихъ результатовъ, если направимъ наше вниманіе на разныя подробности поочередно, нежели, если мы вниманіе наше обратимъ на предметъ, какъ на цѣлое. Самое сильное впечатлѣніе о вещи мы получаемъ, благодаря нашей способности расчленять и абстрагировать. Не

употребляя этой способности анализировать, мы можем совершить въ умственномъ трудѣ лишь незначительные успѣхи. Лучше всего мы поймемъ вещь, какъ цѣлое, когда узнаемъ ея отдѣльныя части. Какъ говорить докторъ Герингъ: „анализъ, это—есть мать прогресса“. Если кто-нибудь захочетъ научиться сложному движенію, то онъ долженъ будетъ прежде выучиться выполнять каждую отдѣльную часть даннаго движенія. Когда онъ будетъ знать, какъ дѣлается каждая часть, тогда онъ будетъ въ состояніи совершить движеніе въ его цѣломъ. Этотъ же самый принципъ примѣнимъ и къ предметамъ духовнымъ и къ воспріятію впечатлѣній.

Для тѣхъ, кто не имѣлъ привычки сосредоточиваться или упорно направлять свое вниманіе на одинъ объектъ или субъектъ, попытка усвоить себѣ эту новую привычку окажется трудной. Но, вѣдь, упражненіе дѣлаетъ мастера и черезъ нѣкоторое время Вы найдете, что вниманіе почти автоматически и безъ всякаго усилія направляется, куда нужно. Всѣ желательныя умственныя способности, на которыя было указано въ этой главѣ, могутъ быть такъ усовершенствованы путемъ упражненій, что въ концѣ концовъ онѣ окажутся безсознательно дѣйствующими. Сосредоточенное вниманіе появится, какъ только этого потребуетъ предметъ. Точно также и умственный анализъ. Стоитъ лишь приобрести умственную привычку, и умъ будетъ руководиться ею. Стоитъ провести умственный путь, и умъ тотчасъ же направится по этому пути. Тайна успѣха въ развитіи ума это — упражненіе и постепенное усовершенствованіе.

ГЛАВА III.

Воспріятіе впечатлѣній.

О законахъ, управляющихъ воспріятіемъ впечатлѣній. — Какимъ образомъ впечатлѣнія ясно и отчетливо схватываются и удерживаются. — Различіе между добровольнымъ и недобровольнымъ вниманіемъ. — Какъ воспринимаются чувственныя впечатлѣнія. — Какъ чувства приучаются быстро воспринимать и укладывать въ память впечатлѣнія. — Необходимость тщательнаго наблюденія и т. д. — Многочисленныя иллюстраціи доказываютъ удивительно высокую степень чувствительности, наблюдательности и памяти, достигнутую въ разныя эпохи и въ разныхъ странахъ многими лицами при помощи тщательнаго и умѣлаго упражненія. — Замѣчательныя примѣры и интересные анекдоты иллюстрируютъ обсуждаемый въ этой главѣ вопросъ.

Какъ мы уже объяснили въ одной изъ предъидущихъ главъ, внѣсознательная функція ума воспринимаетъ каждое впечатлѣніе, которое ей подносится и отлагаетъ его въ большое хранилище. Но существуетъ большое различіе въ сущности получаемыхъ впечатлѣній. Одни — очень живы и сильны, другія посредственны, третьи же — очень слабы и неопредѣленны. Сила впечатлѣнія зависитъ отъ интереса, какой имѣлъ къ нему умъ въ моментъ процесса и отъ степени добровольно посвященнаго ему вниманія. Интересная вещь или предметъ, на который было обращено вниманіе, производитъ гораздо болѣе сильное впечатлѣніе, нежели вещь, которая возбудила мало или совсѣмъ не возбудила интереса, вниманія, и данное впечатлѣніе гораздо легче возстанавливается въ памяти, лишь только въ немъ является потребность.

Удерживая наши иллюстраціи внѣсознательнаго хранилища, можно сказать, что вниманіе, посвященное предмету, который посредствомъ чувствъ достигаетъ нашего мозга, — опредѣляетъ мѣру .. объемъ, откладываемаго въ запасъ предмета. И интересъ, пробужденный въ моментъ впечатлѣнія, сообщаетъ послѣднему его окраску. Замѣьте это: вниманіе опредѣляетъ величину; интересъ опредѣляетъ окраску.

Если кто хочетъ достать товаръ, уложенный въ кладовую, то ему гораздо легче будетъ найти большія вещи нежели маленькія, значительно легче найти товаръ красно-огненнаго цвѣта, чѣмъ нейтральнаго колорита. Притомъ, это будетъ совершенно безразлично, расположены-ли товары тщательнаго и систематически, или же небрежно и безпорядочно. Содержаніе кладовой въ порядкѣ значительно облегчаетъ нахожденіе желаемаго предмета, но форма и краска дѣлаютъ предметъ замѣтнымъ самъ по себѣ.

Частое выниманіе товара и возня съ нимъ не только приводятъ къ тому, что хозяинъ кладовой лучше знакомится съ мѣстонахожденіемъ товара, но еще прибавляетъ кое-что къ цвѣту и формѣ послѣдняго, такъ какъ при каждомъ его выниманіи ему удѣляется извѣстная доля вниманія и интереса. Вниманіе объясняли какъ „установленіе предмета въ фокусъ сознанія“. Сознаніе можетъ простираться на цѣлый рядъ объектовъ, совершенно также какъ солнце бросаетъ свои лучи на безчисленные предметы, или же оно (сознаніе) можетъ сосредоточиться какъ въ фокусѣ, на особомъ предметѣ такъ же, какъ солнечные лучи собираются посредствомъ стекла въ одной точкѣ. Такимъ образомъ, легко понять, что степень вниманія является мас-

штабомъ для впечатлѣнія, произведеннаго на наше внѣсознательное мышленіе.

Вниманіе раздѣлено психологами на два вида, именно: на произвольное и сознательное. Произвольное вниманіе это такое, которое осуществляется при минимумѣ усилій или даже, повидимому, безъ всякаго усилія со стороны воли. Сознательное вниманіе это такое, которое связано съ проявленіемъ воли. Низшія животныя и мало развитые люди обладаютъ очень мало или даже совершенно не обладаютъ сознательнымъ вниманіемъ, но произвольное вниманіе находится у нихъ въ полной силѣ. Развитой человѣкъ проявляетъ высокую степень сознательнаго вниманія, способность его развивать таковое являетъ собой одно изъ величайшихъ отличій человѣка отъ низшихъ животныхъ, причемъ, степень сознательнаго вниманія указываетъ на мѣру роста развитія человѣка. Многіе люди едва подвигаются дальше пограничной линіи сознательнаго вниманія.

Произвольное вниманіе есть прирожденное право низшихъ животныхъ и человѣка на разныхъ ступеняхъ ихъ состоянія. Сознательное вниманіе есть результатъ развитія воли. Для низшихъ животныхъ, дѣтей и неразвитыхъ людей предметъ долженъ быть интересенъ, для того, чтобы приковать къ нему ихъ вниманіе долѣе, чѣмъ на одно мгновеніе. Развитой человѣкъ въ состояніи направить свое вниманіе и удержать его на неинтересномъ объектѣ, до тѣхъ поръ, пока онъ не доставитъ его уму относящіяся къ этому желательныя свѣдѣнія. И онъ также въ состояніи перенести свое вниманіе съ очень интереснаго предмета на крайне скучный и неинтересный — и все это только посредствомъ своей силы воли. Правда,

развитой человекъ найдетъ кое-что интересное почти въ каждомъ объектѣ или субъектѣ, что въ гораздо болѣе степени облегчаетъ ему сосредоточить свое вниманіе на этомъ предметѣ, чѣмъ это было бы возможно для неразвитаго человека, не находящаго ничего интереснаго въ томъ же объектѣ или субъектѣ. Развитой человекъ обладаетъ также способностью исключать изъ своего вниманія и изъ области своего сознанія нежелательные субъекты или объекты. Онъ употребляетъ для достиженія этой цѣли свою волю; процессъ этотъ сходенъ съ тѣмъ, при помощи котораго онъ сосредоточиваетъ свое вниманіе на неинтересномъ объектѣ или субъектѣ. Неразвитой человекъ, у котораго едва-едва имѣется сознательное вниманіе, зависитъ почти отъ милости внѣшнихъ впечатлѣній и практически находится въ положеніи ребенка, который, залюбовавшись проходящимъ парадомъ цирка, забываетъ въ эту минуту себя, домъ и родителей и слѣдуетъ за процессіей до тѣхъ поръ, пока не заблудится.

Впечатлѣнія получаютъ посредствомъ пяти чувствъ. Чувства могутъ быть раздѣлены на два класса: на непосредственныя и посредственныя. Непосредственныя чувства, которыя прямо передаютъ впечатлѣнія мозгу и извѣстны въ отдѣльности, какъ осязаніе, вкусъ и обоняніе. При работѣ этихъ чувствъ личность приходитъ въ соприкосновеніе съ предметомъ, вызывающимъ впечатлѣніе, какъ это очевидно относительно осязанія и вкуса и менѣе замѣтно, но не менѣе дѣйствительно, относительно обонянія, при которомъ маленькія частицы, отдѣляющіяся отъ предмета, приходятъ въ соприкосновеніе съ обонятельнымъ нервомъ. Посредственныя чувства, суть такія, ко-

торыя передаютъ мозгу впечатлѣнія и не прямымъ путемъ извѣстны, какъ зрѣніе и слухъ, при этомъ впечатлѣніе достигаетъ мозга путемъ свѣтовыхъ или звуковыхъ колебаній.

Впечатлѣнія, порожденныя непосредственными чувствами, могутъ быть не такъ легко возстановлены въ памяти, въ то время, какъ полученныя отъ посредственныхъ чувствъ могутъ быть быстро освѣжены и чрезъ это при помощи разумнаго упражненія они достигаютъ наивысшей дѣеспособности. Напр. нелегко точно запомнить вкусъ, запахъ или ощущеніе предмета, хотя можно очень точно припомнить время и самый процессъ пробованія, нюханья, щупанья,—такъ что данныя ощущенія возвратятся въ сознаніе при случайномъ повтореніи ихъ. Эта способность возстановлять ощущенія въ сознаніи можетъ быть очень культивированной и развитой, какъ это наблюдается, напримѣръ, у пробователей чая, у знатоковъ винъ, у сортировщиковъ шерсти и т. д., у которыхъ чувства вкуса, обонянія и осязанія очень развиты и воспоминаніе о прежнихъ впечатлѣніяхъ можетъ быть возстановлено ими въ малѣйшихъ деталяхъ, лишь только новое впечатлѣніе достигаетъ мозга.

Но съ помощью напряженнаго воображенія трудно настолько оживить прежнее впечатлѣніе, полученное отъ пробованія, нюханья или ощущенія, чтобы оно, дѣйствительно, возстановилось вполне. Исключенія приводятся нѣкоторыми писателями, которые рассказываютъ объ извѣстныхъ гастрономахъ, эпикурейцахъ, знатокахъ винъ, доставлявшихъ своему уму при помощи ихъ усиленнаго воображенія и памяти отчетливое впечатлѣніе о вкусѣ ихъ любимаго блюда или вина. Загипнотизированнымъ личностямъ тоже, повидимому,

могутъ быть внушены подобныя впечатлѣнія. Но, говоря вообще, трудно представить себѣ въ воображеніи вкусъ, запахъ или прикосновеніе, какъ это возможно сдѣлать относительно картины или звука.

Но никакихъ подобнаго рода трудностей не замѣчается тамъ, гдѣ идетъ дѣло о впечатлѣніяхъ, полученныхъ черезъ органъ зрѣнія или слуха, такъ какъ въ данномъ случаѣ не только можно припомнить всѣ обстоятельства, но и также при помощи воображенія, подкрѣпленнаго памятью, можно нарисовать себѣ пейзажъ или услышать звукъ. У нѣкоторыхъ эта способность очень развита и они могутъ представить себѣ въ умѣ картину или услышать звукъ почти такъ же отчетливо, какъ это наблюдалось при первомъ, дѣйствительномъ случаѣ. Художники и музыканты представляютъ собой примѣры такого явленія.

Отсюда ясно видно, что при образованіи памяти воспріятіе ясныхъ и отчетливыхъ впечатлѣній является очень важнымъ пунктомъ. Память можетъ найти себѣ примѣненіе только въ томъ случаѣ, если желаютъ или обязаны вспомнить о чемъ-либо. Если вы припомните нашу иллюстрацію умственного хранилища съ его разнообразными и разсортированными запасами товаровъ всѣхъ размѣровъ, формъ и цвѣтовъ, то тогда вы сразу увидите, какъ вамъ важно имѣть ваши умственные пакеты и узлы въ такихъ размѣрахъ, формахъ и краскахъ, чтобы, когда они потребуются вамъ, ихъ легко можно было-бы увидѣть и найти ихъ мѣсто-нахожденіе.

Не только чувства должны быть такъ воспитаны, чтобы они могли-бы быстро и отчетливо схватывать впечатлѣнія, при этомъ такъ, чтобы ихъ

можно было бы всегда легко найти, но также и умъ долженъ быть такъ наученъ обращать вниманіе и интересъ на собственную работу, чтобы при пользованіи имъ быстро вспоминались мысли и умственные процессы. Воспріятіе впечатлѣній происходитъ часто двоякимъ путемъ. При чтеніи, на-примѣръ, печатной страницы глаза сообщаютъ впечатлѣніе словъ, предложеній, параграфовъ и страницъ, тогда какъ одновременно съ этимъ другія умственные способности воспринимаютъ впечатлѣніе отъ мысли и взглядовъ автора, впечатлѣніе отъ мысли и пониманія читателя и отъ выводовъ, къ которымъ пришелъ читатель, переваривъ и усвоивъ ходъ мысли автора. Притомъ, данныя впечатлѣнія смѣшиваются съ имѣющимися уже въ умѣ читателя знаніями, свѣдѣніями и мнѣніями. И всѣ эти впечатлѣнія могутъ быть возстановлены въ памяти, смотря по степени развитія памяти у даннаго индивидуума.

Воспитаніе вниманія и интереса дало во многихъ, хорошо извѣстныхъ случаяхъ почти чудодѣйственные результаты, и каждый можетъ при небольшомъ упражненіи сдѣлать въ этомъ отношеніи, такіе успѣхи, которые удивятъ его самага не меньше, чѣмъ его друзей.

Робертъ Гудэнъ, знаменитый французскій заговорщикъ, — лучшіе приемы котораго основывались на его быстрой и точной наблюдательности и на его поразительной памяти, — развилъ долготѣнимъ упражненіемъ какъ свою внимательность и наблюдательность, такъ и свою память. Рассказываютъ, что онъ въ молодые годы быстро проходилъ мимо какого-нибудь магазина въ Парижѣ, бросалъ бѣглый и острый взглядъ на витрину, и затѣмъ отводилъ свои глаза въ другую сторону. Пройдя

дальше, онъ останавливался на нѣсколько минутъ и, стоя съ карандашемъ и бумагою въ рукахъ, старался назвать и описать возможно большее количество изъ цѣлаго ряда только что видѣнныхъ имъ предметовъ. Онъ нашелъ, что постоянное упражненіе настолько обострило его внимательность и наблюдательность, что онъ каждый день могъ запомнить большое количество предметовъ, которые онъ видѣлъ въ окнахъ магазиновъ, изъ чего слѣдуетъ то, что онъ безпрестанно развивалъ какъ способность воспринимать и удерживать впечатлѣнія, такъ и способность возобновлять ихъ въ памяти. Утверждаютъ, что онъ въ одно время былъ въ состояніи пробѣжать мимо большого окна, уставленнаго маленькими предметами и воспринять такое полное, отчетливое и острое впечатлѣніе отъ выставленныхъ предметовъ, что, спустя нѣсколько часовъ, могъ еще назвать и описать каждый товаръ, причемъ, очень рѣдко ошибался. Это развитіе сдѣлало Гудэна тѣмъ, чѣмъ онъ сталъ и помогло ему скопить себѣ большое состояніе. Его умъ, очевидно, сдѣлался въ родѣ фотографической пластинки и записывалъ все, находившееся въ его сферѣ; и все, что ему приходилось дѣлать это было:—вызвать впечатлѣніе и назвать имена предметовъ, какъ онъ ихъ видѣлъ своимъ духовнымъ взглядомъ *М.И.*

Рюдіардъ Киплингъ въ своемъ красивомъ рассказѣ „Кимъ“ описываетъ аналогичное явленіе. Старый учитель Бурганъ Сахинъ воспитывалъ мальчика для тайной службы, при чемъ быстрое и отчетливое усматриваніе вещей означало успѣхъ, а можетъ быть даже—самую жизнь. Старикъ бралъ изъ ящика горсть драгоценныхъ камней, бусъ и т. д. и держалъ ихъ передъ глазами Кима, чтобы

онъ могъ смотрѣть на нихъ такъ долго, сколько ему хотѣлось и потомъ увѣриться насколько онъ въ состояніи запомнить видѣнное. Туземный мальчикъ, уже воспитывавшійся такимъ же способомъ нѣкоторое время тоже присутствуетъ при этомъ. Кимъ думалъ, что это будетъ легкой игрой. Затѣмъ упомянутый сосудъ былъ закрытъ и мальчикъ-туземецъ поспѣшно записалъ на листѣ бумаги то, что онъ запомнилъ. „Тамъ, подъ бумагою пять синихъ камней: одинъ—большой, другой—поменьше и три—маленькихъ“, сказалъ Кимъ торопливо. „Четыре зеленыхъ камня, и и я насчиталъ пятнадцать, но относительно двухъ забылъ. Нѣтъ, дай время!.. Одинъ былъ изъ слоновой кости, маленькій коричневый и и подожди“!.. Но Кимъ не смогъ сказать лучше: „Послушай мою записку“! воскликнулъ мальчикъ-туземецъ, „во-первыхъ, имѣются два поцарапанныхъ сапфира, одинъ съ двумя бороздками и одинъ—съ четырьмя, насколько я могу судить. Сапфиръ съ четырьмя бороздками отшлифованъ съ краю. Затѣмъ тамъ находится настоящая туркестанская бирюза, полная зеленыхъ жилъ и еще двѣ съ надписью: одна съ именемъ Бога, написанная золотомъ и другая—треснувшая поперекъ; она вынута изъ стараго перстня и я не могу ее прочитать. Вотъ у насъ пять синихъ камней. Еще тамъ четыре блестящихъ изумруда, но одинъ въ двухъ мѣстахъ пробуравленъ, а другой—немного пробитъ“. „А всѣхъ ихъ?“ спросилъ спокойно Бурганъ Сахинъ. „Три, пять, пять и четыре карата!—какъ мнѣ кажется. Тамъ еще кусокъ стараго, зеленоватаго янтаря и дешевый осколокъ топаза изъ Европы. Тамъ также есть кусокъ китайской, гравированной слоновой кости, изобра-

жающей крысу, которая высасывает яйцо; и тамъ, наконецъ, ага! шарикъ изъ кристалла, величиною съ бобъ, вдѣланный въ листъ золота“. Въ заключеніе онъ похлопалъ руками. Кимъ чувствовалъ себя очень побитымъ превосходствомъ туземнаго мальчика. „Какъ это случилось“? спросилъ Кимъ, „Благодаря тому, что это многократно повторялось и было доведено до совершенства и это вполне заслуживаетъ того, чтобы его продѣлывали“.

Я совѣтую вамъ прочитать эту книгу (она полна хорошихъ вещей) и посмотрѣть, какъ Кимъ воспользовался указаніями стараго учителя. Эта игра, такъ точно сфотографированная мастеромъ описанія — Киплингомъ представляетъ собою любимую игру жителей Востока; многіе изъ нихъ достигли въ ней большой ловкости, какъ и Гудэнъ въ своей формѣ той же игры. И никто изъ васъ не сможетъ сдѣлать того же, если онъ не затратитъ много времени и усилій на усвоеніе хитраго „приема“.

Про одного очень извѣстнаго художника рассказываютъ, что онъ часто во время перваго сеанса просиживалъ цѣлый часъ передъ своимъ позирующимъ передъ нимъ поклонникомъ, — моделью и, затѣмъ, отпускалъ его, заявляя, что онъ можетъ пока не ходить къ нему. Затѣмъ художникъ мѣсяцами работалъ надъ картиной совершенно безъ модели, только посматривая время отъ времени на свободный стулъ, на которомъ сидѣла раньше модель и такимъ способомъ онъ воспроизводилъ на полотнѣ черты ея лица. Художникъ утверждалъ, что онъ, дѣйствительно, можетъ видѣть свою модель на стулѣ. Повидимому, впечатлѣніе неизгладимо запечатлѣлось въ его памяти. Конечно, это — исключительный примѣръ, но и у

другихъ художниковъ такая способность развита не въ меньшей степени.

У китайцевъ для каждаго слова имѣется особая буква или знакъ и китайскій ученый безъ всякаго труда носить въ своемъ умѣ тысячи такихъ знаковъ. Наши собственныя дѣти дѣлаютъ тоже самое въ меньшей степени, благодаря новой системѣ чтенія, примѣняемой теперь въ школахъ. Когда мы, родители, учились читать, то прежде всего старались прочитать слово по складамъ, затѣмъ проходило не мало времени до того момента, когда мы справлялись, наконецъ, со словомъ „Константинополь“. Теперь же учатъ нашихъ дѣтей запоминать фигуру или общій видъ слова, вмѣсто отдѣльныхъ буквъ и звуковъ и имъ слово „Константинополь“ также легко прочитать, какъ (и слово „кошка“ иногда также съ трудомъ читается по складамъ, какъ и слово „Константинополь“).

Подобные же факты рассказываютъ о музыкантахъ, изъ которыхъ многіе были въ состояніи передать музыкальную пьесу, страницу за страницей, хотя они слышали ее только одинъ или два раза. Передаютъ, что одинъ знаменитый композиторъ, будучи еще мальчикомъ, услышалъ однажды знаменитую мессу, которая пѣлась въ монастырѣ и партитура которой, вслѣдствіе религиозныхъ причинъ, сохранялась монахами въ тайнѣ. Возвратясь въ свою комнату, мальчикъ написалъ всю партитуру мессы на бумагѣ, не ошибившись ни въ единой нотѣ. Монахи, пораженные такимъ необыкновеннымъ явленіемъ, простили ему этотъ плагиатъ. Менѣе поразительные случаи въ дѣлѣ удержанія музыки памятью—довольно обыкновенны. И замѣтите, такія вещи возможны не только при содѣйствіи одной только памяти, но и

при помощи развитой способности яснаго и отчетливаго схватыванія вещей глазомъ или ухомъ.

Въ наше время имѣются такіе евреи, которые, начавъ съ какого-нибудь указаннаго имъ слова, могутъ сказать наизусть весь Талмудъ, представляющій собою цѣлую библіотеку. Лилендъ рассказываетъ про одного индуса, совершенно не знавшаго англійскаго языка, который, когда ему прочитали вслухъ пятнадцать строкъ изъ „Потеряннаго рая“, повторилъ совершенно точно ихъ звуки и потомъ произнесъ ихъ еще съ обратнаго конца. Въ прежнія времена, когда книги были еще дороги, людямъ приходилось требовать отъ памяти гораздо бѣльшаго; тогда многіе развивали свою память настолько хорошо, что это показалось бы теперь чудомъ, въ то же время это было совершенно обыкновенной вещью, которой обладали всѣ, желавшіе сколько-нибудь учиться. Въ XIII и XIV вв. студенты стекались въ университеты тысячами. Книги были рѣдки и дороги, кромѣ того, еще господствовалъ обычай, заучивать на память цѣлыя книги. Шлиманъ рассказываетъ намъ въ своей „Иліосъ“, что вначалѣ память его была плохой, но что онъ при помощи несокрушимой воли и усиленной работы такъ усовершенствовалъ ее что, въ концѣ концовъ, могъ всегда вполнѣ выучиваться въ теченіе шести мѣсяцевъ писать и говорить на новомъ языкѣ.—И онъ достигъ этого во время, наживанья имъ его богатства въ крупной торговлѣ колоніальными товарами.

Японскія дѣти употребляютъ по меньшей мѣрѣ два года на изученіе только однихъ буквъ или знаковъ прежде, чѣмъ начать читать. Это—гораздо труднѣе, чѣмъ что-либо извѣстное въ нашихъ школахъ, и заключаетъ въ себѣ только одно упраж-

неніе памяти. Это занятіе дало японцамъ изумительную память. Одинъ изъ ихъ писателей, Хирата Атсутане, составилъ большое сочиненіе о мифахъ и легендахъ своей страны, причеиъ, какъ говорятъ, онъ написалъ три тома текста и нѣсколько томовъ введенія, не обращаясь за справками ни въ одну книгу.

Про Гроція и Паскаля рассказываютъ, что они никогда не забывали того, что они когда-либо читали или думали. Кардиналъ Меццофонті, владѣвшій, какъ рассказываютъ, болѣе чѣмъ ста языками, общалъ о себѣ, что онъ никогда не забывалъ разъ заученнаго слова. Существуетъ рассказъ объ одномъ старомъ деревенскомъ могильщикѣ, знавшемъ число каждаго похоронъ за тридцатипятилѣтній періодъ времени, а равно и возрастъ умершихъ и имена лицъ, присутствовавшихъ на похоронахъ.

Сенека могъ повторить двѣ тысячи безсвязныхъ словъ, слышанныхъ имъ одинъ разъ и въ томъ же самомъ порядкѣ, въ какомъ онъ услышалъ ихъ—просто, благодаря естественной способности его памяти.—Его другъ, Порцій Катонъ, никогда не забывалъ ни одной рѣчи, когда-либо произнесенной имъ, и память его не измѣняла ему ни въ одномъ словѣ. Кинеасъ, римскій посолъ царя Пирра, въ одинъ день такъ хорошо выучилъ имена собравшихся людей, что былъ въ состояніи уже на другой день здороваться съ сенатомъ и съ народомъ, называя каждаго по имени.

Плиніи утверждаетъ, что Киръ зналъ по имени каждаго солдата своей арміи.

Францискъ Суарецъ могъ повторить на память всѣ сочиненія св. Августина, произнести отдѣльныя мѣста и указать страницу и строчку, на которыхъ можно найти ихъ.

Θемистокль могъ назвать по имени каждого изъ 20,000 жителей Аѳинъ. Мюре рассказываетъ объ одномъ молодомъ корсиканскомъ ученикѣ, который могъ повторить въ прямомъ и обратномъ порядкѣ 36,000 безсвязныхъ словъ, слышанныхъ имъ только одинъ разъ. Онъ утверждалъ, что данный субъектъ могъ бы повторить, такимъ же образомъ, еще большее количество словъ, но лица, читавшія слова эти вслухъ, выбивались изъ силъ. Къ этому корсиканцу пришелъ разъ одинъ юноша, обладавшій слабой памятью, корсиканецъ обучилъ его настолько успѣшно, что уже черезъ одну или двѣ недѣли ученикъ могъ повторять въ прямомъ и обратномъ порядкѣ 500 словъ.

Мальабекки, великій флорентійскій библіофилъ, обладалъ поразительной памятью на книги и библіотеки.

Онъ зналъ мѣсто, полку и число каждой книги въ собственной библіотекѣ и въ другихъ большихъ библіотекахъ міра. Однажды великій герцогъ Тосканскій спросилъ его, гдѣ можно было бы найти экземпляръ одной рѣдкой книги; онъ отвѣтилъ, что существуетъ только одинъ экземпляръ ея, каковой находится „въ библіотекѣ падишаха, въ Константинополѣ на седьмой полкѣ третьяго ряда справа, со входа“.

Иосифъ Скалигеръ выучилъ наизусть Илиаду и Одиссею меньше, чѣмъ въ одинъ мѣсяцъ и въ три мѣсяца онъ одолѣлъ и выучилъ на память всѣхъ греческихъ поэтовъ. И этотъ человекъ часто жаловался на свою слабую память!

Путемъ упражненія можно развить въ себѣ способность сосредоточивать вниманіе въ примѣненіи его къ мыслямъ и къ другимъ предметамъ. То же правило и тотъ же основной

принципъ находятъ свое примѣненіе въ каждомъ случаѣ.

Данный пунктъ составитъ предметъ дальнѣйшихъ главъ.

Сначала-же наше вниманіе будетъ направлено на способность воспринимать впечатлѣнія чувствами зрѣнія и слуха.

ГЛАВА IV.

Восприимательная способность глаза.

О воспріятіи впечатлѣній посредствомъ чувства зрѣнія.— Громадная важность приученія глаза къ ясному и отчетливому воспріятію впечатлѣнія.— Польза такого обученія въ повседневной и дѣловой жизни.— Польза такого воспитанія для образованія памяти.— Доказывается, что большинство людей скорѣе взираютъ на вещи, чѣмъ „видятъ“ ихъ.— Интересные примѣры и иллюстраціи, показывающіе, что эта способность была развита у лицъ, внимательно относящихся къ предмету, также сообщаются правила, лежащія въ основѣ развитія и образованія этой умственной способности.

Было очень вѣрно сказано, что „глаза—окно души“. И это, дѣйствительно, такъ, т. е., что умъ получаетъ большую часть впечатлѣній черезъ эти окна и, при томъ, впечатлѣнія наитончайшаго свойства. И можно замѣтить, что тема объ образованіи памяти находится, можетъ быть, въ болѣе тѣсномъ отношеніи къ воспитанію ума, въ направленіи правильнаго воспріятія впечатлѣній, получаемыхъ посредствомъ глаза, чѣмъ къ какому-нибудь другому чувству.

Мы едва ли сможемъ болѣе настойчиво убѣдить читателя въ большой важности воспитанія глаза къ тому, чтобы онъ воспринималъ ясно и отчетливо правильныя впечатлѣнія. Такое воспитаніе и проистекающее отъ него развитіе будутъ полезны мужинѣ и женинѣ на всякомъ поприщѣ жизни, въ какой бы то ни было профессіи, дѣлѣ

или ремеслѣ. Не только живописецъ и скульпторъ нуждаются въ обученномъ глазѣ; каждый художникъ, дѣловой человекъ или профессионалистъ, который недостаточно развился въ этомъ отношеніи, терпитъ ежедневно убытки отъ это запущенія.

Художникъ не можетъ воспроизводить, если онъ не работаетъ правильно, писатель не можетъ описывать сцены, лица и характеры, если онъ не обладаетъ даромъ острой наблюдательности; Художнику нѣтъ надобности напоминать о томъ, какъ важно хорошо видѣть вещи. Нѣтъ такой профессіи, которая не выигрывала бы отъ воспитаннаго дара наблюдательности.

Благодаря развитію искусства воспринимать, увеличивается весьма существенно сокровище свѣдѣній, а равно и собственное удовольствіе. Въ путешествіяхъ, напр., многіе люди упускаютъ изъ виду цѣлый рядъ лучшихъ пейзажей, много въ высшей степени интересныхъ предметовъ, потому что не воспринимаютъ ихъ. Возвратившись домой и перечитывая путевыя замѣтки о той же мѣстности, они удивляются массѣ описаній достопримѣчательностей, каковыхъ они замѣтили такъ мало. Вслѣдствіе поверхностнаго чтенія для многихъ совершенно пропадаютъ лучшія части книги.

Индѣецъ и мѣстный охотникъ замѣчаютъ сломанную вѣтвь, повернутый листъ, слѣдъ ноги тамъ, гдѣ неопытный наблюдатель не видитъ ничего необыкновеннаго.

Намъ припоминается, что мы гдѣ-то читали про торговца, надъ которымъ смѣялись, потому что онъ держалъ у себя въ приказчикахъ глупаго человека. Торговецъ отвѣтилъ, что, дѣйствительно, приказчикъ складываетъ слова хуже Джона Биллинга и что его грамматика могла бы заставить

перевернуться въ гробу Линдлея Муррэя и что онъ никогда не читалъ ни одного изъ сочиненій извѣстныхъ авторовъ,—но зато онъ умѣлъ *видѣть* вещи. Онъ покупалъ ежегодно для торговца на тысячи долларовъ товаровъ, и торговецъ не могъ припомнить ни одного случая, чтобы приказчикъ когда-либо ошибся или упустилъ изъ виду какой-нибудь недостатокъ товара, или, вообще, купилъ что-либо такое, чего не слѣдовало покупать. Этотъ человѣкъ упражнялся въ способности правильно воспринимать вещи и пользовался ею.

Очень немногіе изъ насъ замѣчаютъ подробности обыкновенныхъ предметовъ. Многіе ли изъ васъ знаютъ—находятся ли уши коровы выше, ниже, спереди или сзади ея роговъ? Многіе-ли могутъ сказать, какъ сползаетъ съ дерева кошка: головою или хвостомъ? впередъ или назадъ? Сколько людей знаютъ—встаютъ-ли коровы и лошади сперва передними, или задними ногами и встаютъ-ли оба животныхъ одинаковымъ образомъ? Сколько людей знаетъ, какъ выгладитъ число „четыре“ на циферблатѣ карманныхъ часовъ.

Большинство изъ нихъ скажетъ: четыре? Посмотрите на вашихъ часахъ.

Выдающійся ученый Агассисъ въ дѣлѣ воспитанія наблюдательности у своихъ учениковъ достигалъ удивительныхъ результатовъ. Превосходно развитая способность наблюдательности, сообщенная имъ своимъ ученикамъ, несомнѣнно, много содѣйствовала житейскому успѣху большинства послѣднихъ, изъ которыхъ многіе, по прошествіи нѣсколькихъ лѣтъ, достигли хорошаго мѣста и большого имени. Рассказываютъ, что однажды любимый ученикъ Агассиса попросилъ его продолжать обученіе въ томъ же направленіи. Агассисъ передалъ

ему сосудъ съ рыбами и приказалъ изслѣдовать тщательно его и, затѣмъ сообщить ему, что онъ замѣтилъ въ рыбахъ. Ученикъ уже прежде видѣлъ эту породу рыбъ и не могъ понять почему профессоръ задалъ ему такую простую задачу. Онъ осмотрѣлъ образчикъ рыбы, но не нашелъ въ ней, однако, ничего интереснаго. Онъ сразу не могъ найти профессора, и къ своей досадѣ долженъ былъ цѣлые часы провести вмѣстѣ со скучными рыбами. Черезъ нѣкоторое время онъ, желая разогнать скуку, вынулъ одну рыбу изъ сосуда и сталъ рисовать ея контуры. Это было довольно легко до тѣхъ поръ, пока онъ не принялся за вырисовываніе деталей. Тогда онъ сдѣлалъ интересное открытіе, а именно, что у рыбки не было рѣсницъ, но вмѣсто нихъ она обладала нѣкоторыми интересными точками, оказавшимися для него новыми.

Возвратившійся Агассисъ, казалось, разочаровался въ томъ, что ученикъ могъ такъ мало сообщить ему относительно рыбы, и предложилъ ему поизучать послѣднюю еще нѣсколько часовъ. Ученикъ, видя, что нѣтъ возможности отдѣлаться, принялся серьезно за работу, принимая во вниманіе замѣчаніе Агассиса, что: „карандашъ — наилучшее подспорье глазъ“. Онъ сталъ находить все больше и больше, заинтересовался этими рыбами и увлекся совершенно своей задачей. Профессоръ время отъ времени подходилъ къ нему и выслушивалъ его сообщенія о новыхъ открытіяхъ, но при этомъ говорилъ мало или даже совершенно ничего.

Онъ продержалъ ученика за работой надъ этими рыбами три дня и послѣдній былъ очень удивленъ тѣмъ, что онъ прежде могъ такъ мало видѣть тамъ, гдѣ было такъ много, чего видѣть и наблюдать. Съ тѣхъ поръ прошло много лѣтъ;

ученикъ за это время создалъ себѣ большое имя; позднѣе онъ любилъ разсказывать эту исторію, замѣчая при этомъ, что полученный при изученіи этихъ рыбъ урокъ побудилъ его основательно разбирать подробности при каждомъ дальнѣйшемъ изслѣдованіи, и что опытъ, пріобрѣтенный такимъ способомъ, оказался безконечно цѣннымъ для него. Объ Агассисѣ разсказываютъ, что онъ умѣлъ читать популярную лекцію о насѣкомомъ, вродѣ кузнечика и, притомъ, такъ интересно, что аудиторія увлекалась ей, какъ театральной пьесой.

Въ Лондонѣ, говорятъ, существуютъ мѣста, гдѣ молодые воры обучаются искусству быстрого и остраго наблюденія. „Профессоръ“, преподающій маленькимъ бездѣльникамъ, беретъ въ руку кучу маленькихъ вещей, напр. ключъ, пуговицу, монету, кольцо и т. п. Онъ раскрываетъ передъ своимъ классомъ на минуту руку, который долженъ назвать не только предметы, но и описать ихъ. Затѣмъ, нѣкоторые предметы замѣняются другими, и мальчики должны сейчасъ же открыть новый предметъ. Эти ученики, по прохожденіи курса, рассылаются какъ нищіе. Они стараются заглянуть въ конторы, комнаты, въ дома и т. д. и замѣтить какой-нибудь цѣнный предметъ, его мѣсто, находеніе, а также—двери, замки и т. д. Они сообщаютъ объ этомъ въ главную квартиру и, если перспектива благоприятна, тогда устраивается кража со взломомъ.

Вышеописанное, какъ кажется, схоже съ методомъ воспитанія „Кима“ изложенной въ предъидущей главѣ. Читатели увлекательныхъ „разсказовъ о Шерлокѣ Гольмсѣ“ Кокана Дойля помнятъ объ удивительной наблюдательной способности этого шпіона-любителя и о достигнутыхъ имъ результатахъ. Картежники—тонкіе наблюдатели; они часто

могутъ назвать карты своего партнера на основаніи только одного выраженія его лица, причемъ тотъ и не замѣчаетъ, что выдаетъ себя.

У итальянцевъ существуетъ игра, такъ называемая „морра“, очень любимая мальчиками. При правильной игрѣ въ нее у ребятъ развивается внимательность, какъ у лисицъ. Эта игра ведется между двумя мальчиками и состоитъ въ томъ, что оба одновременно выставляютъ нѣсколько пальцевъ, причемъ каждый игрокъ выкрикиваетъ, какъ можетъ скорѣе число пальцевъ, показываемыхъ другимъ. Мы наблюдали одну изъ варіацій этой игры, какъ ею забавлялись итальянскіе разносчики газетъ въ ожиданіи своихъ газетъ. Одинъ изъ мальчиковъ выжидаетъ до тѣхъ поръ, пока онъ не привлечетъ вниманіе другого и затѣмъ внезапно вытягиваетъ передъ нимъ свой кулакъ съ однимъ или нѣсколькими торчащими пальцами и кричитъ „морра“. Другой мальчикъ долженъ немедленно назвать число пальцевъ, иначе онъ получитъ отъ перваго мальчика ударъ по головѣ связкою газетъ. Котюръ, великій учитель рисованія, училъ своихъ учениковъ, сначала понаблюдать нѣсколько минутъ прохожихъ и, затѣмъ, попытаться нарисовать ихъ. Послѣ нѣкотораго упражненія, цѣль достигалась вполнѣ. Сперва воспроизводилась отдѣльно только шляпа или рука, или нога, но черезъ короткое время переносилась на бумагу вся фигура во всѣхъ ея деталяхъ. Въ С.-Петербургской рисовальной школѣ учениковъ учатъ сначала присмотрѣться къ предмету въ продолженіе десяти минутъ и затѣмъ, по удаленію объекта наблюденія, они приступаютъ къ рисованію его. Знаменитый учитель Варнэй ставилъ изображаемый предметъ въ одну комнату, а работавшихъ надъ нимъ учениковъ помѣщалъ въ дру-

гую комнату, позволяя, однако, имъ время отъ времени взглянуть на объектъ.

Гарбиелли, французскій художникъ, написалъ очень выразительный портретъ Джэмса Гордона Беннета, видѣннаго имъ всего только разъ, когда тотъ быстро проѣзжалъ мимо его въ коляскѣ. Одинъ изъ самыхъ удачныхъ портретовъ Линкольна, когда-либо видѣнныхъ нами, былъ нарисованъ талантливымъ, но совершенно неизвѣстнымъ художникомъ изъ Нью-Джерси, восторженнымъ поклонникомъ президента котораго онъ видѣлъ всего только одинъ разъ. Художникъ былъ охваченъ такимъ глубокимъ чувствомъ, когда узналъ объ убійствѣ обожаемаго имъ президента, что искалъ утѣшенія у своего холста, рисуя по памяти черты лица убитаго президента. Много лѣтъ тому назадъ; приблизительно около 1845 г., была уничтожена пожаромъ старая академія изящныхъ искусствъ въ Филадельфій, и на ряду съ другими цѣнными картинами погибла и „римская дочь“ Мурильо. Спустя почти 35 лѣтъ, Сартэнъ написалъ эту же картину по памяти. Въ 1805 г. французскія войска унесли съ собою шедевръ Рубенса, картину на алтарѣ церкви Св. Петра въ Кёльнѣ. Мѣстный художникъ, большой поклонникъ этой картины, изготовилъ копію ея по памяти. Оригиналъ былъ позднѣе возвращенъ и съ нимъ сравнили копію, но самое тщательное изслѣдованіе не могло обнаружить замѣтнаго различія между обѣими картинами.—А вотъ, служитель въ большомъ отелѣ, принимающій отъ гостей шляпы при входѣ въ столовую. Онъ достигъ того, что безъ малѣйшей ошибки узнаетъ собственниковъ нѣсколькихъ сотъ шляпъ при помощи установленной имъ ассоціаціи между лицомъ человѣка и его шляпой и возстановленію послѣдней въ своемъ умѣ

посредствомъ зрительной памяти. „Я мысленно представляю подъ шляпой лицо и послѣ это узнаю кому она принадлежитъ, говоритъ онъ“. И дѣйствительно, каждый гость, оставляетъ столовую въ своей собственной шляпѣ.—Многіе владѣльцы отелей запоминаютъ имена многихъ тысячъ гостей.

О Стивенсѣ, прежнемъ полицейскомъ чиновникѣ Нью-Йорка, рассказываютъ случай, показывающій какъ онъ могъ установить характеръ человѣка, жившаго въ комнатѣ, въ которую онъ не впускалъ ни одного посторонняго. Однажды Стивенсъ постучался въ дверь, которая раскрылась на мгновеніе въ ширину дюйма; острый глазъ Стивенса обозрѣлъ въ этотъ моментъ всю обстановку комнаты. Онъ увидѣлъ, что кругомъ висѣли принадлежности всякаго рода костюмовъ, среди которыхъ онъ узналъ уже извѣстные ему, уже видѣнные имъ на одномъ „нужномъ“ ему человѣкѣ.

Вслѣдъ за этимъ послѣдовалъ арестъ и этотъ человѣкъ оказался извѣстнымъ преступникомъ, котораго искала континентальная полиція. Знаменитый полицейскій агентъ въ Лондонѣ даетъ вновь поступающимъ служащимъ своего вѣдомства инструкцію смотрѣть на обѣ стороны, когда они проходятъ по люднымъ улицамъ; такъ какъ онъ замѣтилъ, что средній человѣкъ главнымъ образомъ смотритъ направо.

Глазъ, естественно, передаетъ мозгу каждый приникающій лучъ свѣта и, думаютъ, что каждое впечатлѣніе при воспріятіи отмѣчается слабо. Но умъ не воспринимаетъ въ себя впечатлѣнія и, поэтому не вызываетъ ихъ обратно въ памяти за исключеніемъ только являющихся результатомъ большаго или меньшаго интереса или вниманія. Но мы можемъ такъ развить чувство зрѣнія, что впечатлѣнія

будутъ восприниматься ясно и отчетливо, вслѣдствіе этого, умъ найдетъ стоящимъ труда тщательно собрать ихъ съ тѣмъ, чтобы въ случаѣ надобности снова возстановить ихъ вмѣсто того, чтобы бросить ихъ цѣлою массой въ кучи мусора, среди которыхъ почти невозможно найти ихъ, когда пожелаешь имѣть ихъ.

Очень немногіе люди — тонкіе наблюдатели. Средній человѣкъ помнитъ вещь въ общихъ чертахъ, но детали отсутствуютъ у него. Однако, интересной вещи посвящаютъ больше вниманія и о ней сохраняется болѣе ясное и полное впечатлѣніе. Въ этомъ отношеніи иллюстраціей дѣятельнаго проявленія интереса можетъ служить примѣръ мужчины и женщины, мирно и спокойно идущихъ вдоль улицы. Мимо проходитъ другая дама, одѣтая въ особенно бросающій въ глаза костюмъ. Ее замѣчаютъ оба. Мужчина помнитъ только фактъ, что „на ней было что-то синее“, и что „рукава ея расширялись у кисти руки и что на ней была надѣта особенно большая шляпа“. Если онъ такъ много запомнитъ, его можно будетъ поздравить съ успѣхомъ. Многіе мужчины не замѣтили-бы рукавовъ, и все прочее представлялось-бы имъ въ туманѣ. Но женщина будетъ въ состояніи указать, что было одѣто на этой дамѣ; какъ была охвачена талія, она опишетъ фасонъ рукавовъ до малѣйшихъ подробностей; какъ была скроена юбка и изъ какой матеріи; опредѣлитъ ея качество и вѣроятную цѣну, шляпу и ея перья, шелкъ и бархатъ, и всѣ прочія мельчайшія подробности всего костюма. Она въ состояніи описать знакомой дамѣ все замѣченное ею, и ея подруга сможетъ все это представить себѣ „духовнымъ окомъ“. Оба, мужчина и женщина имѣли

одинаково хорошіе глаза, оба получили фотографическое впечатлѣніе отъ проходящей дамы и ея туалета—и, все-таки,—замѣтите!—какая разница въ воспріятіяхъ обоихъ людей! Чѣмъ обуславливается такая разница? Просто, то обстоятельство, что интересъ женщины былъ обращенъ на платье и что она воспитала свое вниманіе такъ, что оно привыкло включать подобныя вещи въ сферу своего зрѣнія. У мужчины не было къ этому ни интереса, ни вниманія. И все-таки мужчина, навѣрное, помнитъ, что у проходящей женщины были лучистые голубые глаза и мягкіе, золотистые волосы—т. е., помнитъ, если онъ былъ молодъ.

Но качество интереса можетъ быть воспитано и усвоено, качество же вниманія шагъ за шагомъ будетъ слѣдовать за нимъ.

Вы, конечно, прекрасно понимаете, что не самый глазъ нуждается въ воспитаніи; каждый здоровый глазъ хорошо исполняетъ свою работу. Лекціи нужны для той части ума, которая „видитъ“ посредствомъ глаза. Глазъ—это камера, умъ—чувствительная къ свѣту пластинка. Вы желаете развить даръ наблюденія. Ваше желаніе сообщаетъ вамъ интересъ къ предмету обученія и къ подробностямъ конечной цѣли и плана, и вы посвящаете имъ ваше вниманіе. Важные факторы: интересъ и внимательность; не забывайте-же этого! Но умъ былъ лѣнивъ и нужны будутъ время, терпѣніе и упражненіе для того, чтобы побудить его къ серьезной работѣ.

Чтобы припомнить предметы, сначала нужно отчетливо ихъ видѣть; умъ долженъ получить о нихъ ясное впечатлѣніе и старательно хранить послѣднее, какъ цѣнные предметы. И единственное средство направить умъ къ тому, что бы онъ

это дѣлалъ, заключается въ воспитаніи его наблюдательныхъ способностей. Предметы, которые должны произвести впечатлѣніе на умъ, нужно наблюдать тщательно и вдумчиво. Данное воспитаніе вниманія богато вознаграждаетъ ученика за затраченныя имъ на это время и трудъ. И самый этотъ трудъ не такъ утомителенъ или скученъ, какъ какъ успѣхъ его сопровождается поразительнымъ развитіемъ такого пріятнаго свойства, что ученикъ почти забываетъ, что это—трудъ и принимаетъ его скорѣе за серію интересныхъ опытовъ.

Въ слѣдующей главѣ мы сообщимъ вамъ рядъ упражненій, предназначенныхъ для того, чтобы развить вашу наблюдательность, съ цѣлью помочь вамъ „видѣть“ вещи ясно и тщательно. Эти упражненія не только полезны для воспитанія вашей памяти, но они также дадутъ вамъ способность остраго наблюденія, такъ что вы сдѣлаетесь болѣе, чѣмъ когда-либо, полезной и цѣнной личностью какъ для себя, такъ и для другихъ. Это будетъ для васъ благороднымъ воспитаніемъ въ новыхъ границахъ.

ГЛАВА V.

Упражненіе въ воспріятіи впечатлѣній посредствомъ глаза.

Говорится о средствахъ, при помощи которыхъ способность тщательно наблюдать и отчетливо видѣть можетъ быть развита и культивирована съ тѣмъ, чтобы учащійся могъ воспринимать и сохранять ясныя и отчетливыя впечатлѣнія отъ предметовъ; попадающихъ ему на глаза.—Изучающему, предлагаются интересныя и полезныя упражненія для помощи ему въ „искусствѣ видѣнія“, благодаря которымъ (при условіи тщательнаго выполненія) способность наблюденія развивается до удивительной степени силы и не только очень укрѣпляетъ память, но и сдѣлаетъ изъ ученика хорошаго наблюдателя и увеличить его общественную полезность.—Важность этого предмета недостаточно сознается всѣми.

Упражненіе 1.

Одно изъ самыхъ простыхъ, но лучшихъ упражненій для воспитанія дара наблюдательности состоитъ въ томъ, чтобы правильно видѣть знакомые предметы. Это можетъ показаться легкимъ дѣломъ, но, попробовавъ это нѣсколько разъ, вы отнесетесь къ нему съ большимъ уваженіемъ.

Начните съ того, что поставьте передъ собою знакомый предметъ. (Предпочитается что-нибудь яркаго цвѣта, такъ какъ бросающіеся въ глаза предметы запоминаются легче). Допустимъ, что это книга, яблоко или чернильница. Смотрите на предметъ нѣсколько минутъ внимательно, спокойно, но вдумчиво, стараясь, чтобы образъ его произвелъ на вашъ умъ впечатлѣніе. Затѣмъ закройте глаза и

попытайтесь, насколько можете, вспомнить данный предмет. Попробуйте припомнить его фигуру и отдѣльныя черты. Держите эти вещи въ вашемъ умѣ. Затѣмъ откройте глаза, бросьте второй взглядъ и посмотрите сколько деталей вы позабыли въ вашемъ умственномъ образѣ. Старательно замѣтьте эти забытые пункты, потомъ, снова закройте глаза и постарайтесь преобразовать картину. Далѣе, откройте глаза и опять „возьмите“ видѣнное „въ хранилище“, повторяя это, пока вы не будете въ состояніи формулировать совершенную до подробностей умственную картину предметовъ. Нѣсколько упражненій сообщатъ вамъ удивительную способность въ этомъ опытѣ, что доставитъ вамъ большую радость. Но здѣсь дѣло идетъ не только о томъ, что вы выигрываете черезъ этотъ опытъ, но оказываемое вами предпочтеніе великимъ вещамъ, вполне заслуживающимъ этого.

Упражненіе 2.

Послѣ того какъ вы усовершенствуетесь въ первомъ упражненіи, тогда возьмите одинъ изъ предметовъ, съ которыми вы ознакомились и, воспринявъ хорошенько отъ него впечатлѣніе, попробуйте нарисовать карандашемъ по бумагѣ его общіе контуры и тѣ детали, которыя вы помните. Не останавливайтесь передъ тѣмъ, что вы не художникъ. Мы не намѣреваемся сдѣлать изъ васъ художника, но желаемъ только развить вашу наблюдательность и запечатлѣть въ вашей памяти воспринятое вами. Возьмите для перваго опыта что-нибудь легкое и это меньше смутитъ васъ. Успѣхъ вашего рисунка зависитъ не отъ его художественной цѣнности, но отъ процента подробностей и т. д., которыя вы смогли достаточно хорошо при-

помнить, чтобы занести ихъ на бумагу. Это прямо удивительно, какъ эти два упражненія разовьютъ вашу наблюдательность и способность припомнанія. Въ короткое время вы будете въ состояніи, посмотрѣвши хорошенько на вещь, набросить ея грубый рисунокъ, заключающій въ себѣ всѣ главныя черты и детали.

Вы, конечно, понимаете, что рисунокъ долженъ быть сдѣланъ не прямо съ предмета, а съ образа, заключающагося въ вашемъ умѣ (въ памяти). Послѣ того, какъ вы посмотрѣли на всѣ подробности въ вашемъ умственномъ образѣ, еще разъ взгляните на предметъ и посмотрите, чего вы не доглядѣли. Потомъ повторите, какъ при первомъ упражненіи. При обоихъ упражненіяхъ чаще мѣняйте объекты. Этимъ способомъ вы приобрѣтете ловкость и доставите уму пріятную смѣну впечатлѣній.

Упражненіе 3.

Начинайте съ воспріятія подробностей предметовъ, вмѣсто того, чтобы наблюдать ихъ только въ цѣломъ. Говорятъ, что разумное наблюденіе—самый трудный пунктъ въ области искусствъ. Не пытайтесь вначалѣ воспринимать однимъ взглядомъ какой-нибудь сложный предметъ въ его цѣломъ. Это должно быть оставлено для позднѣйшаго упражненія, когда вы сдѣлаете дальнѣйшіе успѣхи. Схватывайте детали частей предмета; запечатлѣвайте ихъ въ вашемъ умѣ и затѣмъ переходите къ слѣдующей части, и т. д.

Возьмите, напримѣръ, лица. Нѣтъ ничего досаднѣе, какъ забывать лица встрѣчаемыхъ нами людей. Благодаря недостатку способности правильно наблюдать лица, надежды нѣкоторыхъ людей были разбиты. Зло создается отъ того, что

мы стараемся запомнить лица, наблюдая их только въ общемъ и не обращая вниманія на детали. Попробуйте сначала попрактиковаться на вашихъ знакомыхъ и затѣмъ обратитесь къ чужимъ. Черезъ короткое время вы будете удивлены вашимъ прогрессомъ въ дѣлѣ запоминанія подробностей лицъ.

Всмотритесь внимательно въ носъ, глаза, ротъ, подбородокъ, цвѣтъ, волосъ, общую форму головы и т. д. Вы найдете, что вы въ состояннн запомнить носъ Иванова, глаза Петрова, подбородокъ Семенова и т. д.

Прежде, чѣмъ вы сдѣлаете это, сядьте и попробуйте описать черты лица нѣкоторыхъ вашихъ интимнѣйшихъ друзей. Вы будете удивлены ограниченностью вашей памяти. Вы никогда не наблюдали внимательно въ отдѣльности черты ихъ лица, строенія головы и пр. Если это такъ, то какъ же вы можете ожидать, что запомните лица чужихъ? Начните съ того, что замѣчайте себѣ каждаго, встрѣченнаго вами, и затѣмъ изучайте старательно черты его лица, далѣе, возьмите карандашъ и попробуйте сдѣлать краткое описаніе его лица. Это упражненіе покажется вамъ очень интереснымъ и вы съ самаго начала замѣтите быстрый успѣхъ.

Другое хорошее упражненіе въ этомъ отношеннн, это—подробное наблюденіе внѣшности зданнн. Попробуйте сначала описать зданнн, мимо котораго вы ежедневно проходите. Вы будете до извѣстной степени въ состояннн набросать картину цѣлаго: контуръ, краску и т. д. Но какъ обстоитъ дѣло съ числомъ оконъ въ каждомъ этажѣ, съ величиною и расположеннемъ дверей, съ формой крыши, вестибюля, трубъ и т. д.? А какой карнизъ и украшенія, и т. д.? Какіе углы крыши? Вы най-

дете, что на самомъ дѣлѣ вы совершенно не видѣли дома. Не такъ-ли? Вы только смотрѣли на него. Начните же теперь наблюдать зданнн на вашемъ пути и въ продолженнн остальной части дня постарайтесь нарисовать въ вашемъ умѣ картину подробностей и посмотрите сколько вы можете припомнить вѣрнаго изъ картины. На слѣдующей день возьмите тоже зданнн и поищите новыя подробности (вы найдете ихъ много) и дѣлайте это, пока не будете знать данное зданнн. Это—очень драгоценное упражненнн въ дѣлѣ воспитаннн наблюдательныхъ способностей.

Упражненнн 4.

Мы уже упоминали объ упражненнн, которому обучался „Кимъ“. Мы также сообщили о томъ, какъ маленькіе воришки воспитываются посредствомъ подобнаго-же упражненнн. Тотъ же самый способъ ученнн можетъ быть использованъ съ большой выгодой и значительнымъ удовольствнемъ нашимъ ученикомъ. Всѣ эти упражненнн могутъ сдѣлаться фактически еще интереснѣе, когда ими занимаются вмѣстѣ два или нѣсколько лицъ при этомъ, веселое соревнованнн и большой интересъ оживляютъ учащагося, отчего его наблюдательныя способности обостряются еще болѣе.

Интересно слѣдующее упражненнн. Поставьте на столъ, по крайней мѣрѣ, семь предметовъ, покрывъ ихъ платкомъ. Снимите платокъ и сосчитайте медленно до десяти, потомъ покройте опять платкомъ и попросите всѣхъ играющихъ какъ можно лучше описать предметы и записать ихъ показаннн на бумагѣ. Можно разнообразить это, производя сниманнн платка и подчитываннн, когда за столомъ присутствуетъ одно только лицо, ко-

тому позволяют удалиться въ другую комнату, чтобы записать свои впечатлѣнія въ то время, какъ другой присматривается къ предметамъ и т. д. Число предметовъ на столѣ можетъ быть постепенно увеличено до пятнадцати маленькихъ вещей. Прямо удивительно, какая степень ловкости въ дѣлѣ воспріятія достигается этимъ способомъ нѣкоторыми изъ играющихъ! Разсказъ о „Кимѣ“ и его задачѣ, хотя и поэтическая выдумка, но, навѣрное, онъ основанъ на дѣйствительномъ опытѣ, о которомъ такъ или иначе узналъ Киплингъ. Ибо такія упражненія — совершенно обыденная вещь въ Индіи; нѣчто подобное было замѣчено также у нѣкоторыхъ Юги. И обученные такимъ способомъ могутъ не только принимать участіе въ такихъ играхъ, но ихъ наблюдательность обостряется до того, что они безъ труда могутъ видѣть въ повседневной жизни много вещей, которыхъ другіе не замѣчаютъ и, такимъ образомъ, они пріобрѣтаютъ значеніе въ предпріятіи, съ которымъ они связаны.

Къ тому же разряду упражненій принадлежитъ опытъ Гудэна, который проходилъ мимо оконъ магазиновъ и запоминалъ выставленные въ нихъ предметы. Мы разсказали объ этомъ опытѣ въ другой главѣ. Это упражненіе можетъ производиться попеременно съ однимъ изъ вышеуказанныхъ. Оно разнообразитъ работу и способствуетъ развитію способности наблюдать и сосредоточиваться въ то время, когда человѣкъ окруженъ шумной сутолокой жизни. Многія другія упражненія этого рода представятся прилежному ученику при дальнѣйшемъ развитіи, и онъ найдетъ предметъ очень занимательнымъ, какъ только овладѣетъ „пріемомъ“, посредствомъ котораго все это дѣлается.

Упражненіе 5.

- Мы видѣли въ деревнѣ очень распространенную игру, которая является прекраснымъ средствомъ для развитія наблюдательности. Она отличается отъ вышеприведенныхъ упражненій постольку, поскольку тутъ предметы находятся въ движеніи и вниманіе должно ухватиться за нихъ съ чрезвычайной скоростью, чтобы получить отъ нихъ ясное впечатлѣніе. Игра состоитъ въ томъ, что одно лицо стоитъ за занавѣстью или за гардиною и бросаетъ въ воздухъ какой-нибудь предметъ такъ, что стоящіе передъ занавѣсью видятъ его на минуту, когда онъ быстро поднимается и опускается. Достигшіе умѣнія быстро воспринимать будутъ въ состояніи описать предметъ съ необыкновенной смѣтливостью и точностью. Можетъ быть брошено вверхъ и нѣсколько предметовъ заразъ, послѣ того, какъ участники игры пріобрѣли бѣльшій, опытъ въ послѣдней.

Упражненіе 6.

Это—интересное упражненіе состоитъ въ томъ, что ученику показываютъ кость изъ игры въ домино, предлагая назвать общую сумму очковъ, не считая ихъ обыкновеннымъ образомъ. Затѣмъ, попробуйте съ двумя костями, далѣе, съ тремя, и т. д. При нѣкоторомъ упражненіи будешь въ состояніи почти моментально указать общую сумму очковъ на всѣхъ камняхъ. Варіація этого упражненія будетъ состоять въ томъ, что быстро проведутъ передъ глазами ученика игорную карту, предлагая ему назвать ея масть и число знаковъ ея. Лучше, если это сперва будетъ дѣлаться медленно и, затѣмъ, съ возрастающей скоростью, до

тѣхъ поръ, пока ученикъ сможетъ бросить лишь крайне быстрый взглядъ на промелькнувшую карту.

Упражнение 7.

Многіе люди въ состояніи однимъ взглядомъ схватить содержаніе цѣлой части печатнаго листа. Сильно занятые люди, читающіе газеты, обладаютъ этой способностью, а мужчины и женщины, занимающіеся журналистикой, часто въ состояніи усвоить содержаніе цѣлой страницы, бросивъ на нее, повидимому, только одинъ бѣглый взглядъ. Люди, рецензирующіе книги, тоже обладаютъ этимъ даромъ. (Судя по характеру нѣкоторыхъ рецензій въ ежедневной прессѣ рецензентъ, повидимому, даже совсѣмъ не заглядываетъ въ книгу). Писателю въ его редакторской работѣ приходится ежемѣсячно „пробѣгать“ массу газетнаго матеріала. Сперва это отнимало много времени, но теперь такую же пользу приноситъ быстрое перелистываніе страницъ и на первый взглядъ кажется почти, что онъ „перечувствуетъ“ какую-нибудь интересную статью. Все дѣло въ практикѣ. Говорятъ даже, что профессоръ Портеръ изъ университета Іэля въ состояніи однимъ взглядомъ прочитать почти полъ-страницы обыкновеннаго учебника.

Начните съ попытки прочитать нѣсколько словъ однимъ взглядомъ; затѣмъ цѣлыя предложения, нѣсколько предложений, потомъ — группу предложений, наконецъ, цѣлые абзацы и т. д. Въ работѣ надъ развитіемъ умственныхъ способностей нужно дѣйствовать также, какъ и при укрѣпленіи мускуловъ и мускульныхъ связокъ, — постепенно прогрессируя.

Упражнение 8.

Это важное упражненіе состоитъ въ томъ, чтобы сохранить въ умѣ картину комнаты и ея содержанія. Многія женщины могли бы сдѣлать это безъ спеціальнаго обученія, но наблюдательныя способности большинства мужчинъ въ этомъ отношеніи не велики; поэтому они должны бы укрѣплять и развивать ихъ. Если мужчина будетъ дѣлать эти упражненія вмѣстѣ съ дамой, она сможетъ опередить его въ этомъ и, вѣроятно, также и въ большинствѣ другихъ. Многія дамы какъ будто видятъ все, что ихъ интересуетъ и многія изъ нихъ иногда не забываютъ того, что они видѣли.

Войдите въ комнату, произведите быстрый осмотръ послѣдней и обстановки ея и попытайтесь воспроизвести умственную фотографію возможно бѣльшаго числа предметовъ: величину комнаты, высоту потолка, цвѣтъ обоевъ, число оконъ и дверей, стулья, столы, ковры, картины и т. д. Затѣмъ, выйдите изъ комнаты и запишите, что вы видѣли. Далѣе, сравните записанное со всѣмъ тѣмъ, что вы видѣли въ комнатѣ. Повторяйте это упражненіе до тѣхъ поръ, пока вы не овладѣете имъ вполне. Благодаря упражненію, вы будете въ состояніи описывать правильно, почти безъ труда, всякое мѣсто, какое вы посѣтите, такъ какъ послѣ кратковременнаго обученія ваша наблюдательная способность будетъ автоматически записывать впечатлѣнія.

Упражнение 9.

Вечеромъ припомните всѣ происшествія истекшаго дня и постарайтесь вспомнить и описать всѣ предметы и лица, съ которыми вы встрѣчались и

которыхъ видѣли. Вы поразитесь тѣмъ, какъ въ началѣ вы сможете мало припомнить и какъ много— послѣ короткаго упражненія. Это не столько способность помнить, сколько умѣніе наблюдать. Ваша внѣсознательная умственная дѣятельность признаетъ необходимость отчетливо воспринимать предметы и заносить ихъ куда слѣдуетъ.

ГЛАВА VI.

Воспріятіе впечатлѣній при посредствѣ уха и памяти.

О воспріятіи впечатлѣній посредствомъ слуха.—Польза отъ воспитанія этой способности.—Законы ею управляющіе.—Примѣры удивительнаго улавливанія ухомъ и памятью и т. д.—Этотъ отдѣлъ предмета обыкновенно привлекаетъ только незначительное вниманіе учащихся, и, однако-же, нѣкоторые важнѣйшіе пункты въ развитіи памяти зависятъ отъ воспитанія и развитія „слухового вниманія“— Въ продолженіе долгаго времени религіозныя, философскія и правовыя ученія древнихъ народовъ передавались изъ устъ въ уста, причемъ, слуховая память совершала подвиги, которые теперь считаются почти невозможными, которые, однако, могутъ быть повторены каждымъ, кто посвятитъ дѣлу достаточно вниманія.

Обыкновенно слово воспріятіе (perception) употребляется у насъ въ смыслѣ: узнавать что-нибудь посредствомъ чувства зрѣнія; но данное выраженіе можетъ также употребляться для познанія или различенія чего-нибудь посредствомъ чувства слуха. Большая разница господствуетъ между людьми относительно воспріятія впечатлѣній посредствомъ этихъ двухъ чувствъ. Нѣкоторые скорѣе вспоминаютъ то, что они видѣли, тогда какъ другіе находятъ гораздо болѣе легкимъ вспомнить предметъ, впечатлѣніе отъ котораго они получили при помощи слуха. Одинъ человекъ вспоминаетъ стараго знакомаго при видѣ его, въ то время какъ другой не узнаетъ лица друга, но сразу его вспоминаетъ, когда тотъ начнетъ говорить. Мы знали случаи

когда лица, о которыхъ ничего не было извѣстно много лѣтъ, узнавались ихъ старыми друзьями по голосу, слышанному ими чрезъ телефонъ. Мы вспоминаемъ приведенный одной газетой случай, бывший съ тайнымъ агентомъ, который не могъ узнать извѣстнаго преступника, вслѣдствіе его удивительнаго переряживанія и загримированія, но который сразу установилъ личность этого человѣка и арестовалъ его, какъ только тотъ заговорилъ, хотя уже прошло десять лѣтъ съ тѣхъ поръ, какъ агентъ слышалъ этотъ голосъ. Мы знали мужчинъ и женщинъ, прежнихъ школьныхъ товарищей, не видавшихъ другъ друга съ дѣтства, которые узнавали другъ друга просто по голосу, хотя дѣтскій тѣмбръ былъ замѣненъ окрѣпшими мужскими или женскими тонами.

Обыкновенно воспринимаемая ухомъ, впечатлѣнія быстрѣе схватываются, но умъ какимъ-то образомъ лучше удерживаетъ то, что проникаетъ въ него посредствомъ слуха. Многие изъ насъ лучше помнятъ слышанное, чѣмъ читанное ими. Однако, нѣкоторые писатели держатся того мнѣнія, что, когда дѣло идетъ о припоминаніи словъ какой-нибудь лекціи, то уху помогаетъ глазъ тѣмъ, что запоминаются внѣшній видъ оратора, его жесты, выраженіе и т. п. Мы также склонны присоединиться отчасти къ этому мнѣнію. Но рѣчь представляется намъ гораздо „живѣе“, когда мы ее слышимъ, чѣмъ, читая ее позднѣе напечатанной. Лучше, можетъ быть, сначала, если возможно лекцію или проповѣдь выслушать, а потомъ, уже прочитать ее. У музыкантовъ слухъ развитъ въ замѣчательной степени, и музыкальное ухо улавливаетъ малѣйшій диссонансъ или отступленіе отъ вѣрнаго тона на скрипкѣ. Но это свойство бываетъ раз-

вито въ сильной степени и у другихъ людей. Машинисты обнаруживаютъ малѣйшее отступленіе отъ чистаго звука, порождаемаго слабымъ ударомъ молота по какой-нибудь части машины. Железнодорожные служащіе во время полного хода поѣзда узнаютъ по незначительной разницѣ въ звукѣ, если въ колесахъ или на рельсахъ что-нибудь не въ порядкѣ. Машинисты замѣчаютъ малѣйшее измѣненіе въ шипѣніи машины и, сообразивъ черезъ это, что — что-то гдѣ-то не въ порядкѣ, уменьшаютъ силу движенія. Старые лоцманы на рѣкахъ знаютъ тонъ свистка каждаго рѣчнаго парохода, и жители большихъ городовъ узнаютъ по звуку колокола разныхъ церквей. Телеграфисты знаютъ разнообразный стиль различныхъ служащихъ по ихъ линіи и открываютъ „стиль“ новаго служащаго въ одинъ моментъ просто по почти незамѣтной разницѣ въ „трюкѣ“ аппарата.

Въ давно прошедшія времена, когда почти неизвѣстно было письмо, знаніе и опытъ одного поколѣнія передавались устно отцомъ сыну, учителемъ ученику. Слушателю приходилось въ высшей степени напрягать свое вниманіе и сосредоточенность, и то, что такъ изучилось, удерживалось въ памяти и правильно сохранялось, съ той цѣлью, чтобы слушатель позднѣе могъ передать услышанное имъ своему сыну или ученику. Рассказываютъ, что эти ученики могли повторить заученный урокъ страшныхъ размѣровъ, не пропуская и не измѣняя ни одного слова. Такъ передавались изъ рода въ родъ поэмы древнихъ грековъ. Такъ передавались саги норвежцевъ. И одинаковымъ образомъ долгое время передавались философскія системы древнихъ персовъ и индусовъ. Восточные учителя не довѣряли камню и папирусу и предпочитали неизгладимо

вписать священное учение въ головы учениковъ и такъ сохранить навсегда живыя истины.

Разсказываютъ, что болѣе двухъ тысячъ лѣтъ тому назадъ одинъ китайскій императоръ проникся завистью къ своимъ предкамъ и къ великолѣпнѣю предшествовавшей національной исторіи. Онъ пытался уничтожить всѣ историческіе, религіозные и философскіе документы прошлаго съ тѣмъ, чтобы въ будущемъ все вело бы свое лѣтосчисленіе съ его царствованія. Онъ сжегъ все, что сколько-нибудь походило на письменный или вырубленный документъ, включая сюда и сочиненія Конфуція. Простая исторія имперіи была уничтожена и живеть теперь только лишь въ формѣ традиціи; но сочиненія Конфуція продолжаютъ существовать невредимыми, благодаря удивительной силѣ памяти одного стараго конфуціанскаго ученаго, который запечатлѣлъ въ своемъ умѣ ученія, усвоенныя имъ въ юности, и скрывалъ ихъ до самой смерти изувѣрнаго богдыхана, послѣ которой онъ возстановилъ текстъ, продиктовавъ его писцамъ. Его память была настолько совершенна, что когда, много лѣтъ спустя, была найдена одна старая конфуціанская рукопись, какъ-то случайно избѣжавшая тогда, при покойномъ императорѣ, уничтоженія, то было установлено, что старыи ученый не пропустилъ изъ текста ни одного слова.

Современные китайцы воспользовались этимъ урокомъ и писатели утверждаютъ, что, если бы сегодня уничтожили китайскихъ классиковъ, то завтра миллионъ китайцевъ былъ бы въ состояніи возстановить ихъ вполнѣ, несмотря на то, что это была бы работа, равняющаяся возстановленію всей нашей Библии.

Тотъ же самый обычай существуетъ въ Индіи,

гдѣ, хотя и существуютъ рукописи, которыя древнѣе двухъ тысячелѣтій, находятся такіе ученые, въ памяти которыхъ сохранены великія философскія системы, относящіяся еще къ тому времени, когда еще человѣчеству не было извѣстно письмо. Санскритъ—языкъ мертвый, но онъ былъ унаслѣдованъ, благодаря передачѣ религіозныхъ и философскихъ ученій—не только въ словахъ, но и въ акцентѣ, дикціи и въ выговорѣ.

Говорятъ, что и теперь многіе индійскіе ученые могутъ передать наизусть Веды, содержащія въ себѣ около миллиона словъ. Требуется годы, чтобы преодолѣть эту работу изученія наизусть, такъ какъ ежедневно заучивается только лишь нѣсколько строкъ и многое должно быть повторено и переспрошено. Урокъ въ его полномъ составѣ преподается устно и заглядывать при этомъ въ рукопись не позволяется.

Кабала или тайное учение евреевъ передавалась тѣмъ же способомъ и ученія друидовъ унаслѣдывались и сохранялись, какъ думаютъ, тѣмъ же самымъ путемъ.

Древніе греки и римляне были художниками-знатоками этого рода памяти. Приводятся въ примѣръ граждане, которые могли повторить слово въ слово слышанныя ими важныя рѣчи.

Какъ разсказываетъ Максъ Мюллеръ, весь текстъ и поясненія санскритской грамматики Панини передавались устно въ продолженіе 350 лѣтъ прежде, чѣмъ они были записаны. Одно это сочиненіе по своему объему равняется Библии. Въ настоящее время существуютъ индусскіе жрецы, которые могутъ точно сказать всѣ пѣсни Магабаратты въ 300.000 слоговъ или строкъ. Славонскіе барды нашего времени знаютъ наизусть чрезвы-

чаино длинныя эпическія сказанія. И индѣйцы — Алгонкины учатъ наизусть и произносятъ безъ ошибки свои почти безконечныя повѣствованія. Древніе законы Исландіи не были ни записаны, ни напечатаны, но заключались въ головахъ судей и адвокатовъ страны. И ихъ легенды сообщаютъ, что юристы тѣхъ временъ были въ состояніи удерживать въ умѣ не только самые законы, но и неизмѣримое число прецедентовъ, накопившихся вокругъ закона.

Понятно, въ наши дни такіе подвиги памяти не нужны, но мы не сомнѣваемся въ томъ, что если бы явилась необходимость въ этомъ, то люди нашего времени смогли бы скоро повторить искусныя дѣянія древнихъ.

Громкое чтеніе оказываетъ большую помощь при заучиваніи прочитаннаго и при запоминаніи значенія словъ. *Longevee* говоритъ: „Громкое чтеніе даетъ силу анализа, какового чтеніе про себя никогда не можетъ дать. Глазъ пробѣгаетъ страницы, перескакиваетъ чрезъ скучныя вещи и скользитъ по опаснымъ мѣстамъ. Ухо же слышитъ все. Ухо не дѣлаетъ никакихъ изъятій. Ухо нѣжно, воспріимчиво и ясновидно въ непонятной для глаза мѣрѣ. Бѣгло просмотрѣнное слово, незамѣтно ускользнувшее, очень настойчиво заявляетъ о себѣ, когда громко читаютъ.“

ГЛАВА VII.

Упражненіе въ воспріятіи впечатлѣній посредствомъ слуха.

Говорится о развитіи воспріятія впечатлѣній слухомъ и о памяти, согласно предъидущей главѣ, и предлагаются многочисленные упражненія съ цѣлью развитія и воспитанія способностей интеллигентнаго слушанія. — Примѣры очень развитой способности улавливать впечатлѣнія слухомъ показываютъ намъ, что большинство людей только лишь несовершенно обладаетъ чувствомъ слуха и удѣляетъ услышанному лишь ничтожное вниманіе и, что эта способность можетъ быть очень развита и укрѣплена умѣлымъ упражненіемъ. Компетентные авторитеты установили тотъ фактъ, что „половина существующей глухоты является результатомъ невнимательности“ и, что половина слабыхъ памятей должна быть объяснена той же причиной. Упражненія имѣютъ цѣлью исправить этотъ недостатокъ. Въ этой главѣ содержится цѣнная система того, какъ удерживать въ памяти услышанное на основаніи изложенныхъ древними индусами принциповъ, при помощи которыхъ они передавали потомству свои священныя ученія.

Гораздо труднѣе составить списокъ упражненій для развитія воспріимчивости слуха, нежели дать подобный же списокъ упражненій для глаза. Развитіе слуховой воспріимчивости въ томъ же порядкѣ, какой мы изложили для глаза, повело бы насъ въ область практически мало полезную. Насъ обвинили бы, что мы учимъ нашихъ учениковъ искусству обезьяничанія и чревоушательства, вмѣсто развитія памяти. Чревоушатель, какъ вамъ, конечно, хорошо извѣстно, передаетъ такъ правильно звуки человѣческаго голоса, звучащіе издали, что

наши чувства совершенно обманываются этимъ. Его искусство состоитъ не только въ вѣрномъ изображеніи звуковъ, но и въ воспитаніи такой высокой степени слуховой воспримчивости, что, благодаря ей, онъ можетъ отличить самыя незамѣтныя различія въ долетающихъ до него звукахъ, вслѣдствіе чего, онъ и можетъ передать ихъ. Многія дѣти обладаютъ этимъ даромъ. Благодаря ему, они такъ точно подмѣчаютъ и сохраняютъ поражающія ихъ впечатлѣнія звуки, что въ состояніи передать ихъ со значительнымъ умѣньемъ.

Что касается развитія чувства слуха, то среди людей замѣчаются въ этомъ отношеніи крупныя различія. У нѣкоторыхъ людей очень тонкій слухъ на звуки вообще, или на звуки, относящіеся къ какой-либо спеціальной профессіи и т. д., но зато они въ очень скромной, даже въ недостаточной мѣрѣ, воспримчивы къ музыкальнымъ тонамъ, въ то время, какъ многіе музыканты извѣстны своей нечувствительностью къ внѣшнимъ (не музыкальнымъ) звукамъ. Съ другой стороны, нѣкоторые люди въ состояніи очень быстро различать извѣстныя категоріи звуковъ и въ то же время они едва воспринимаютъ прочіе звуки.

Наше положеніе (приведенное въ предъидущей главѣ) относительно того, что нужны вниманіе и интересъ прежде, чѣмъ умъ могъ бы записать впечатлѣнія, легко воспроизводимыя, особенно вѣрно, когда дѣло идетъ о впечатлѣніяхъ, получаемыхъ черезъ чувство слуха. Первостепенные авторитеты установили, что „половина существующей глухоты есть результатъ невнимательности“. Если это такъ, то легко увидѣть, что лучшее средство воспитать и улучшить слуховую воспримчивость это—*воспитать въ себя вниманіе и интересъ*. Это можетъ

быть лучше понято, если мы представимъ себѣ, что во многихъ случаяхъ мы, углубляясь въ какой-нибудь посторонній предметъ, совершенно забываемъ объ окружающихъ насъ звукахъ, такъ что послѣдніе такимъ образомъ безпрепятственно проходятъ въ наше ухо. Однако, во многихъ случаяхъ мы вспомнимъ о спрошенныхъ вещахъ, въ свое время пропущенныхъ нами мимо нашихъ ушей. Это есть дѣйствіе внѣсознательной дѣятельности ума, о которой мы говорили въ другой главѣ.

Очень жаль, что въ нашей современной жизни такъ пренебрегаютъ воспитаніемъ чувства слуха. Оно можетъ доставить намъ большое удовольствіе и наслажденіе и оказать большую услугу, если будетъ воспитано и обучено такъ, что мы извлечемъ изъ него все выгоды, какія оно можетъ только дать. Чувство слуха можетъ быть развито и воспитано къ бѣльшей дѣеспособности, чѣмъ, пожалуй, всякое другое чувство. Оно можетъ быть развито путемъ упражненія и воспитанія. Ухудшается же оно, вслѣдствіе запущенія и невниманія. Индѣецъ обладаетъ такимъ удивительнымъ слухомъ или, вѣрнѣе, онъ такъ воспиталъ свой слухъ, что въ состояніи, приложивъ ухо къ землѣ, услышать шаги своего приближающагося врага. Онъ уже ясно воспринимаетъ шелестъ листочка или хрустѣніе вѣтки.—Дирижеръ оркестра замѣчаетъ въ своемъ оркестрѣ малѣйшій диссонансъ или отклоненіе отъ тона и можетъ открыть сразу музыканта, сдѣлавшаго ошибку. Слепые, которымъ приходится усиленно пользоваться другими чувствами, развили ихъ до удивительной степени. Они такъ воспитали свой слухъ или, вѣрнѣе, чувство вниманія и интереса къ звукамъ, что по звуку собственныхъ шаговъ узнаютъ, когда проходятъ мимо твердо стоя-

щаго предмета. И такимъ же образомъ они могутъ отличить фонарь отъ спокойно стоящаго мужчины.

Ниже мы даемъ нѣсколько упражненій, предназначенныхъ для развитія слуха. Главная цѣль этихъ задачъ дать изучающему указанія и образцы съ тѣмъ, чтобы онъ могъ выгодно утилизировать случаи, предоставляющіеся въ повседневной профессіи.

Упражнение 1.

Когда вы проходите по улицѣ, то постарайтесь поймать и удержать всѣ отрывки разговора проходящихъ мимо васъ людей, какіе только вы сможете подслушать. Вы будете поражены числомъ и разнообразіемъ отрывочныхъ фразъ, которыя вы услышите и сможете удержать, пройдя только нѣсколько кварталовъ. Все зависитъ отъ вниманія и интереса. Эта задача, понятно, цѣнна лишь только какъ упражненіе, такъ какъ подслушанныя замѣчанія будутъ лишены для васъ всякой важности; если вы не представляете только собой изслѣдователя человѣческой природы.

Упражнение 2.

Постарайтесь различать голоса встрѣчающихся вамъ людей и припомнить каждый голосъ, когда вы вновь услышите его. У каждого человѣка своеобразный голосъ. Изучать разные типы голосовъ и характеристики ихъ очень интересно. Вы замѣтите также, что люди изъ разныхъ странъ и изъ разныхъ частей нашей собственной страны употребляютъ разные звуки и отличаются каждый своей особенностью. Мы знали путешественниковъ, которые безъ исключенія могли установить проис-

хожденіе любого лица, прислушавшись просто къ его говору. Затѣмъ, часто характеръ человѣка обнаруживается въ его голосѣ и учащійся сможетъ такимъ образомъ составить себѣ понятіе о душевномъ складѣ говорящаго. Будетъ вполне полезно, если вы въ свободныя минуты обратите ваше вниманіе на этотъ предметъ.

Упражнение 3.

Это интересное упражненіе состоитъ въ томъ, чтобы вы, стоя на какомъ-либо мѣстѣ и не видя оттуда говорящихъ лицъ, попытались различить ихъ голоса и установить личность каждаго изъ нихъ. Мы слышали о такого рода игрѣ, при которой извѣстное число людей садится за занавѣсью или гардиной и произноситъ нѣсколько словъ, причемъ стараются измѣнить свои голоса. Стоящіе передъ занавѣсью должны назвать того, кто говоритъ. Результатъ, говорятъ, получается забавный, такъ какъ многіе находятъ труднымъ узнать голоса лучшихъ друзей и родныхъ, тогда какъ другіе, внимательнѣе прислушивающіеся къ голосамъ, устанавливаютъ принадлежность каждаго голоса.

Упражнение 4.

Мы знали молодую даму, занятую въ одномъ большомъ зданіи конторы, которая могла узнать малѣйшее различіе между шагами всѣхъ мужчинъ, имѣвшихъ свое бюро въ этомъ длинномъ коридорѣ. Она утверждала, что у каждаго шага свой особый признакъ и при этомъ она доходила даже до того, что увѣряла, будто характеръ идущаго обнаруживается въ звукѣ, порождаемомъ прикосновеніемъ ноги къ полу. Это—область для человѣка,

желающаго изучать характеры одновременно съ образованіемъ своего слуха.

Упражненіе 5.

Это вы найдете интереснымъ и полезнымъ для васъ занятіемъ, если постараетесь точно припомнить слова, обращенныя къ вамъ въ продолженіе только-что истекшаго дня. Очень немногіе люди въ состояніи повторить правильно то, что имъ было сказано всего нѣсколько минутъ тому назадъ. Главная причина этого—невнимательность. Всѣ хозяева хорошо знаютъ, какъ мало можно положиться на вниманіе и память служащихъ. Подобнымъ воспитаніемъ вашего вниманія и вашей памяти вы доставите себѣ большую выгоду въ дѣловой жизни.

Упражненіе 6.

Слѣдующее полезное упражненіе, это—прослушать простую музыкальную пьесу или легкую мелодію и затѣмъ попробовать пропѣть или просвистать ее. Какъ данное упражненіе не кажется простымъ, но оно окажетъ, однако, большую помощь при развитіи слуха и усилитъ вниманіе къ звукамъ. Тѣ, которые поупражняются въ этомъ, найдутъ то, что у нихъ пробуждается новый интересъ къ мелодіи и они будутъ больше наслаждаться музыкой, чѣмъ прежде.

Упражненіе 7.

Вы должны были бы присутствовать на возможно бѣльшемъ количествѣ лекцій, проповѣдей, рѣчей и т. д., и, посвятивъ каждой большое вниманіе, постарайтесь, затѣмъ, записать все, что вы замѣтили себѣ изъ услышаннаго. Если вы будете

обсуждать рѣчь, то расчлените ее и передайте, по возможности, употребленныя въ ней слова. Это не только полезно для развитія слухового воспріятія и памяти, но и служитъ однимъ изъ лучшихъ средствъ сдѣлаться хорошимъ ораторомъ. Студенты, продолжительное время проводившіе предъ кафедрой своего любимаго профессора, постепенно усваиваютъ болѣе или менѣе его стиль. Слушаніе хорошихъ ораторовъ постепенно разовьетъ въ умѣ слушателя способность выражаться, которой онъ до сихъ поръ не имѣлъ. Это особенно подтверждается, если студентъ прилагаетъ усилія къ тому, чтобы повторить услышанныя фразы и выраженія. Если кто-нибудь будетъ учить на-память части изъ рѣчей хорошихъ ораторовъ и постарается передать не только слова, но, по возможности, и ударенія и выраженіе, то онъ найдетъ тогда, что способности изложенія и выраженія быстро развиваются самовоспитаніемъ, что окажется очень полезнымъ для позднѣйшей жизни.

Упражненіе 8.

Лучшій методъ развитія памяти для того, чтобы она удерживала и запоминала услышанное, это—методъ, употреблявшійся индусами и другими народами при передачѣ священныхъ ученій и философскихъ системъ, на что мы уже указали въ предыдущихъ главахъ. Ключъ и тайна ихъ удивительной системы, это: *малое начало, постепенное увеличеніе и частое повтореніе*. Въ другихъ главахъ этой книги мы изложимъ эту систему въ ея деталяхъ въ связи съ упражненіемъ заучиванія наизусть печатныхъ страницъ и т. д.; въ этой же части книги мы хотимъ разобрать ее въ общемъ. Индусскіе учителя начинаютъ съ произношенія, вмѣ-

стѣ съ ученикомъ, одного стиха Веды. Ученикъ основательно заучиваетъ эту строчку, неизгладимо запечатлѣвая въ своемъ умѣ слова и ихъ значеніе, такъ что онъ знаетъ каждое слово строчки такъ, какъ если бы оно стояло передъ нимъ. Онъ можетъ повторить строчку въ прямомъ и обратномъ порядкѣ и знаетъ мѣсто каждаго слова. На другой день онъ учитъ вторую строчку, послѣ чего повторяетъ первую строчку, за которой затѣмъ тотчасъ же слѣдуетъ только-что выученная вторая строка, и соединяетъ ихъ обѣ въ своемъ умѣ. На третій день прибавляется третья строчка, повторяются первыя двѣ, третья съ ними соединяется и т. д. Такимъ образомъ, выучивается по одной строчкѣ въ день, и затѣмъ слѣдуетъ постоянное повтореніе и прибавленіе новой строчки къ старымъ. *Повтореніе*, естественно,—важнѣйшая вещь, такъ какъ оно побуждаетъ учащагося перебирать снова и снова прежде заученныя строчки и каждый разъ впечатлѣніе углубляется. Эти частыя повторенія полезны и въ томъ отношеніи, что дѣлаютъ строчки болѣе уступчивыми, такъ что каждая строчка спаивается съ предыдущей и послѣдующей и получается цѣлое стихотвореніе, которое представляется какъ будто бы выученнымъ сразу. Это придаетъ совершенство общему впечатлѣнію. Позже студентъ въ состояніи заучивать ежедневно двѣ строки, затѣмъ три и т. д., пока не достигается почти невѣроятная способность. Но индусскіе учителя предостерегаютъ отъ попытки заучивать съ самаго начала въ одинъ день слишкомъ много строкъ, такъ какъ умъ долженъ быть постепенно воспитанъ къ работѣ.

Учащемуся по этой книгѣ и желающему обучиться въ указанномъ отношеніи мы посовѣтовали-бы

прибѣгнуть къ помощи друга, который въ первый день прочитываетъ ему строку, которую онъ самъ затѣмъ повторяетъ, до тѣхъ поръ, пока она не вѣдрится въ его умѣ. Потомъ на слѣдующій день онъ повторитъ первую строчку и выучитъ вторую, и затѣмъ повторитъ обѣ и т. д. въ продолженіе мѣсяца, удовлетворяясь ежедневно одной строчкой, прежде чѣмъ взяться за большее число. Одна строка изъ стихотворенія въ началѣ занятій, это—самое лучшее. Мы не знаемъ лучшаго стихотворенія для этой цѣли какъ „Лэди озера“ В. Скотта, стиль котораго привлекателенъ, ритмъ его пріятенъ и сюжетъ интересенъ. Студентъ долженъ былъ-бы попытаться повторить строку уже послѣ перваго же раза, какъ ее читаютъ ему. Если онъ сразу не можетъ повторить ее ясно и отчетливо, то пусть дастъ прочитать ее себѣ еще разъ черезъ нѣсколько минутъ и т. д., пока онъ не заучитъ ее основательно. Онъ долженъ былъ-бы произнести ее нѣсколько разъ до тѣхъ поръ, пока не будетъ увѣренъ въ томъ, что можетъ сказать ее и въ обратномъ порядкѣ, что тогда пусть онъ попытается сдѣлать это. Когда онъ такъ закрѣпитъ ее въ своемъ умѣ, что можетъ составить изъ ея словъ умственный образъ, то тогда онъ не встрѣтитъ уже трудностей, изучивши данный пріемъ.

На второй день онъ повторитъ уже заученный стихъ, прежде чѣмъ взяться за вторую строчку и затѣмъ, основательно выучивъ вышеприведеннымъ образомъ вторую строчку, онъ долженъ былъ-бы соединить ихъ вмѣстѣ. Въ послѣдующіе дни онъ ежедневно будетъ прибавлять по строчкѣ; одну строчку въ день, не забывая приэтомъ что для него повтореніе—важнѣйшая вещь. Онъ столько-же долженъ думать о значеніи словъ, сколько о самихъ

словахъ, вмѣстѣ съ тѣмъ онъ долженъ усиленно представить себѣ умственную картину описываемаго. Сначала не нужно гоняться за многими. Одна строчка въ день даетъ вамъ столько, сколько вы удобно можете повторить, безъ чрезмѣрныхъ усилій. Не презирайте этого плана занятій, подъ вліяніемъ его кажущейся простоты и „легкости“. Это тотъ же планъ, по которому индусскій студентъ учится запечатлѣвать въ своей памяти книги, единственный путь къ достиженію такого умѣнія. Это не простое заучиваніе строчекъ стихотворенія, но вы воспитываете и развиваете слухъ и умъ для того, чтобы они воспринимали впечатлѣнія, удерживали ихъ въ памяти и затѣмъ вновь вызывали. Вы найдете, что при такомъ упражненіи ваша слуховая память ежедневно будетъ увеличиваться. Это достойно всего затрачиваемаго на это труда.

Если вы замѣтите, что при этомъ упражненіи ослабѣваетъ вашъ интересъ, то для перемѣны возьмите другое стихотвореніе или другой предметъ, не забывая, при этомъ, время отъ времени, повторять старыя строчки. Эта перемѣна придаетъ упражненію новый вкусъ и даетъ вамъ возможность возвратиться съ новымъ интересомъ къ старымъ строкамъ.

ГЛАВА VIII.

Сочетаніе мыслей.

О великомъ законѣ духа, извѣстномъ подъ именемъ ассоціаціи идей, отъ котораго въ очень значительной степени зависитъ способность воспоминанія. Порядокъ нашихъ мыслей является въ такой же степени результатомъ закона, какъ приливъ и отливъ морской волны. Наши мысли и удержанныя впечатлѣнія всегда какимъ-нибудь образомъ связаны между собой, хотя иногда и трудно бываетъ найти соединяющую нить. — Эта глава изслѣдуетъ вопросъ о сочетаніи мыслей (ассоціаціи идей) и показываетъ различныя формы и законы, которые имъ управляютъ. — На ряду съ вниманіемъ пунктъ этотъ является самымъ важнымъ въ дѣлѣ образованія памяти, и самъ предметъ представляетъ большой интересъ и открываетъ обширную область мыслей.

Многіе изъ насъ думаютъ, что наши мысли, когда онѣ не приводятся въ движеніе волей въ опредѣленномъ направленіи, то пробѣгаютъ въ нашемъ умѣ какъ попало, не повинаясь никакому закону. Когда мы видимъ кажущееся отсутствіе связи между слѣдующими другъ за другомъ мыслями, то мнѣніе это извинительно. Но это пониманіе очень далеко отъ истиннаго положенія вещей, такъ какъ связующее звено между однимъ ходомъ мысли и слѣдующимъ за нимъ всегда имѣется на лицо, хотя это и не выступаетъ ясно. Тутъ господствуетъ законъ сочетанія мыслей, и онъ такъ же непреклоненъ, какъ законъ о причинѣ и слѣдствіи въ другихъ областяхъ, такъ же неизмѣненъ, какъ законъ притяженія. Порядокъ нашихъ мыслей точно также результатъ закона, какъ и паденіе яблока съ дерева, какъ приливъ и

отливъ морской волны. Наши идеи всегда связаны какимъ-нибудь образомъ между собою, хотя часто нельзя ясно доказать эту связь. Онѣ приходятъ группами, и каждая очередная группа связана съ другой группой. Въ одной изъ предъидущихъ главъ мы говорили о важной роли, которую играетъ вниманіе въ области воспитанія памяти. Рядомъ съ вниманіемъ мы находимъ въ сочетаніи идей самый важный факторъ нашей темы. Способность нашей памяти вести записи зависитъ главнымъ образомъ отъ степени вниманія, удѣляемаго воспоминаемому объекту или субъекту, въ то время какъ способность воспроизведенія въ памяти очень существенно зависитъ отъ болѣе тѣснаго отношенія въ сочетаніи идей, посредствомъ котораго одно впечатлѣніе связано съ другими, усвоенными прежде. Авторитеты въ области психологической науки доходятъ до того, что утверждаютъ, будто законъ сочетанія мыслей для психологіи то же, что законъ притяженія для физики. Привычка правильного сочетанія мыслей одно изъ самыхъ важныхъ требованій для воспитанія памяти.

При усвоеніи и упорядоченіи впечатлѣній лучшіе результаты достигаются тогда, когда мы сосредоточиваемъ вниманіе на разсматриваемомъ предметѣ. При воспоминаніи же этихъ впечатлѣній лучшіе результаты получаются, когда мы въ состояніи связать желаемое впечатлѣніе съ однимъ или нѣсколькими другими. Чѣмъ больше число связанныхъ между собой впечатлѣній, тѣмъ легче воспоминаніе. Если мы не получаемъ яснаго впечатлѣнія, то воспроизведенное впечатлѣніе будетъ несовершеннымъ, и если впечатлѣніе не связано какимъ-нибудь образомъ съ другими, мы вообще не сможемъ вызвать его въ памяти.

Основной законъ сочетанія мыслей покоится на стремленіи впечатлѣнія быть связаннымъ съ однимъ или нѣсколькими другими такъ, чтобы воспоминаніе одного впечатлѣнія вызвало за собою въ области сознанія связанныя съ нимъ впечатлѣнія.

Бэнъ говоритъ: „сочетанія мыслей, которыя въ одиночку слишкомъ слабы, чтобы произвести воспроизведеніе въ памяти, могутъ достигнуть этого совмѣстнымъ дѣйствіемъ“.

Рибо заявляетъ, что „два главныхъ факта, лежащихъ въ основѣ ассоціаціи идей,—это сходство и смежность“.

Ассоціація идей по сходству зависитъ отъ того факта, что впечатлѣніе, новое или вновь вызванное, имѣетъ тенденцію освѣжить прежде воспринятое впечатлѣніе, сходное съ нимъ въ какомъ-нибудь отдѣльномъ пунктѣ, и такимъ образомъ оба они объединяются въ памяти. Первое впечатлѣніе могло раньше не быть связано со вторымъ, и послѣднее могло быть въ свою очередь вызвано длинной цѣпью сочетаній идей; но, разъ оба они были разсматриваемы въ тѣсной связи между собою, они остаются тѣсно связанными навсегда, и одно будетъ вызывать другое, не нуждаясь болѣе въ посредствѣ длинной цѣпи ассоціацій идей.

Оба впечатлѣнія могли быть запечатлѣны въ очень различное время и въ разныхъ мѣстахъ, но если сходство ихъ велико, или было найдено потомъ, путемъ напряженнаго вниманія, то они будутъ также тѣсно связаны между собою, какъ если бы они соприкасались по времени и мѣсту. Вышколенный умъ быстро видитъ точки сходства между очень несходными, повидимому, предметами, и это замѣченное сходство само записывается въ

памяти. Такому уму нужно только дать толчекъ, и онъ вынесетъ въ область сознанія поразительную цѣпь связанныхъ между собою идей, фактовъ, происшествій, иллюстраціей и т. д. Съ другой стороны, небрежный умъ не въ состояніи вызвать въ памяти разъединенныя впечатлѣнія, посредствомъ этого принципа сочетанія идей по сходству, такъ какъ онъ не обращалъ никакого вниманія на отношеніе между предметами, и онъ можетъ припомнить только тѣ предметы, которые связаны взаимнымъ сограниченіемъ.

Сочетаніе идей по смежности это—какъ бы счетъ нити жемчуговъ всякаго рода, въ томъ порядкѣ, въ какомъ они нанизаны, тогда какъ ассоціація идей по сходству подобна открытію ящика, гдѣ положено все, что мы знаемъ о наблюдаемыхъ предметахъ, и выкладыванію изъ него одного предмета, за другимъ когда выбираютъ наиболѣе подходящій къ случаю и не обращаютъ вниманія на то, сколько времени онъ сохранялся въ ящикѣ. Впечатлѣнія, связанныя такимъ образомъ, могутъ быть легко вызваны въ памяти, когда представится случай, требующій помощи прошедшихъ переживаній и впечатлѣній, такъ что случай этотъ является первой причиной освѣженія всѣхъ свѣдѣній о предметѣ и всѣхъ собранныхъ о немъ опытовъ, запечатлѣвшихся въ нашей памяти.

Сочетаніе идей по смежности зависитъ отъ того факта, что новое или вновь освѣженное впечатлѣніе имѣетъ стремленіе вызвать другія впечатлѣнія, усвоенныя одновременно съ нимъ или непосредственно послѣ него. Впечатлѣнія, отмѣченныя непосредственно одно за другимъ, проявляютъ стремленіе такъ соединиться между собою, что воспоминаніе объ одномъ обыкновенно вызываетъ осталь-

ныя. Существуетъ сильное приспособленіе одного впечатлѣнія къ непосредственно предшествовавшему ему или къ непосредственно слѣдовавшему за нимъ. Говоря вообще, можно сказать, что не существуетъ впечатлѣнія одиноко стоящаго. Фактически каждое впечатлѣніе есть продолженіе предъидущаго и начало слѣдующаго. Какъ говоритъ Рибо: „Если мы, напр., читаемъ или слышимъ какое-нибудь предложеніе, то при началѣ пятаго слова остается что-то отъ четвертаго слова. Конецъ четвертаго слова вліяетъ на начало пятаго“.

При ассоціаціи идей по смежности разныя впечатлѣнія запечатлѣваются непосредственно одно за другимъ, и если одно вызывается въ памяти, то оно тотчасъ-же приноситъ за собою другое и т. д. отъ впечатлѣнія къ впечатлѣнію. Поэтому такъ легко произнести знакомое предложеніе слово за словомъ, какъ они стоятъ въ текстѣ, но мы бы нашли очень труднымъ произнести ихъ въ обратномъ порядкѣ, или назвать слова, образующія предложеніе, въ разбивку. Въ стихотвореніи, гдѣ конецъ каждаго слова связанъ съ началомъ слѣдующаго, намъ легко произнести эти слова въ первоначальномъ порядкѣ, потому что каждое слово заставляетъ предугадать слѣдующее. Дитя легко перечисляетъ азбуку отъ А до Я; но скажите ему, чтобы оно назвало буквы въ обратномъ порядкѣ, отъ Я до А,—и оно не будетъ въ состояніи это сдѣлать, если не упражнялось повторять буквы въ этомъ порядкѣ. Нѣкоторые люди, усвоившіе значительную ловкость въ фокусахъ памяти, могутъ сказать сотни словъ въ этой формѣ ассоціаціи идей, но чувствуютъ себя не въ состояніи начать съ опредѣленнаго мѣста, когда ихъ заставляютъ опустить предъидущую часть. Мы слышали о Лей-

денъ, что онъ могъ повторить цѣлый Парламентскій актъ съ начала до конца, не выпуская ни слова, но былъ неспособенъ произнести какунибудь часть его, не повторивъ предъидущей части.

Многія обстоятельныя системы мнемотехники основаны на этомъ законѣ ассоціаціи идей по смежности; но хотя эти системы, а также многія, основанныя на законѣ ассоціаціи идей по сходству, и являются полезными, при ученіи наизусть и свидѣтельствуя о находчивомъ умѣ, онѣ все-таки скоро оказываются утомляющими и сложными и ведутъ больше къ запутыванію, чѣмъ къ развитію памяти. Не пытаюсь и не намѣреваясь руководиться этими системами, ученику будетъ полезно все-же развивать эту способность сочетанія впечатлѣній, такъ какъ гораздо легче вновь вызывать впечатлѣнія, когда они тѣсно связаны съ другими по закону смежности эта способность можетъ быть развита упражненіями, пригодными къ тому, чтобы сосредоточить вниманіе на одномъ впечатлѣніи и на непосредственно за нимъ слѣдующемъ или предшествующемъ ему, такъ что оба впечатлѣнія соединяются вмѣстѣ. Другія могутъ затѣмъ прибавиться, пока они не будутъ стоять въ такомъ отношеніи другъ къ другу, что вспомнить одно, будетъ значить то же, что вызвать ихъ всѣ. Чѣмъ тѣснѣе связь, тѣмъ легче воспоминаніе, чѣмъ быстрее они соединяются, тѣмъ совершеннѣе ихъ сліяніе. Если оба впечатлѣнія не соединятся быстро и прочно, то остается всегда возможнымъ случай, что между ними станетъ какая-нибудь нецѣлесообразная мысль и помѣшаетъ ассоціаціи идей по сограниченію.

Пониманіе этого великаго закона ассоціаціи идей показываетъ намъ, что если мы такимъ обра-

зомъ хотимъ уложить въ памяти одиноко стоящій фактъ, чтобы его легче было извлечь, то мы должны его связать съ другимъ уже отложеннымъ впечатлѣніемъ. Чѣмъ больше мы можемъ связать фактъ съ фактами уже извѣстными, тѣмъ легче намъ будетъ его вспомнить, и чѣмъ больше связей мы можемъ дать одному впечатлѣнію, тѣмъ цѣлесообразнѣе это. Предметы, первоначально связанные по закону смежности, но затѣмъ соединенные по сходству, могутъ быть связаны въ памяти посредствомъ сходства нѣсколько разъ въ томъ же порядкѣ, такъ какъ они подчинены, въ этомъ случаѣ какъ закону смежности, такъ и закону сходства. Чѣмъ больше и многочисленныя точки сходства, тѣмъ легче и увѣреннѣе память. Кажущаяся изумительною способностью вспоминать разные факты, какую мы встрѣчаемъ у много читавшихъ и очень наблюдательныхъ людей, обязана тому обстоятельству, что они могутъ найти точки сходства между далеко отстоящими другъ отъ друга фактами и перепрыгиваютъ отъ одной связки фактовъ къ другой такъ, какъ это не можетъ сдѣлать тотъ, кто не упражнялъ своей способности ассоціировать идеи по сходству. Такіе люди практически схватываютъ свободный кончикъ мысли и просто разматываютъ клубокъ.

ГЛАВА IX.

Воспоминаніе, припоминаніе и узнаваніе вновь.

Объ этихъ трехъ операціяхъ ума, часто принимаемыхъ за одну и ту же вещь. — Различія выясняются, и каждое выраженіе ясно описывается и излагается. Воспоминаніе (remembrance) есть слово, обозначающее тотъ процессъ памяти (memoiry), посредствомъ котораго накопленныя впечатлѣнія безъ усилія воли возвращаются въ область сознанія, напр. благодаря сочетанію мыслей, сходству и т. п. — Припоминаніе (recollection) есть слово, которое употребляется для описанія того процесса памяти, посредствомъ котораго какой-нибудь предметъ усиліемъ воли воскрешается въ сознаніи — *узнаваніе вновь* (признаваніе, подтвержденіе, recognition) есть то явленіе памяти, посредствомъ котораго мы, видя какую-нибудь вещь, или слыша о ней, узнаемъ, что мы ее уже прежде видѣли или слышали.

Три слова, образующія заглавіе этой главы, часто употребляются такъ, какъ если бы они обозначали одинъ и тотъ же предметъ. Но каждое изъ этихъ словъ имѣетъ свое особое значеніе и указываетъ на совершенно особые, различные процессы памяти.

Воспоминаніе (remembrance) обозначаетъ тотъ процессъ памяти, посредствомъ котораго накопленныя впечатлѣнія безъ усилія воли возвращаются въ область сознанія, напр., благодаря сочетанію мыслей, сходству и т. д. *Припоминаніе* (recollection) есть слово, употребляющееся для того процесса памяти, посредствомъ котораго мы воскрешаемъ въ сознаніи предметъ усиліемъ своей воли. „Воспоминаніе“, повидимому, автоматически въ своей

дѣятельности, тогда какъ припоминаніе есть актъ воли и часто сопровождается большими усиліями. „*Узнаваніе вновь*“ обозначаетъ процессъ памяти, при которомъ мы, видя или слыша какой-нибудь предметъ, знаемъ, что мы его раньше видѣли или слышали. Это есть сознательное ассоцірованіе идей съ той, которую мы обладали прежде. Это — узнаваніе вновь, вторичное узнаваніе, знаніе. Если мы видимъ предметъ при двухъ разныхъ обстоятельствахъ и, видя его во второй разъ, не „узнаемъ“ его, то мы и не познаемъ его какъ прежній, и память откладываетъ два различныхъ впечатлѣнія объ одномъ и томъ же предметѣ. Если мы потомъ сознаемъ совпаденіе обоихъ впечатлѣній, то мы сольемъ ихъ въ одно. Соотвѣтствующіе авторитеты устанавливаютъ три закона воспоминанія.

1. Всѣ впечатлѣнія обладаютъ стремленіемъ освѣжить прежнія впечатлѣнія подобнаго рода; но полученное прежде впечатлѣніе не будетъ возвращено такимъ образомъ въ область сознанія, если оно недостаточно отчетливо или если первоначально слабое впечатлѣніе не было укрѣплено повтореннымъ нѣсколько разъ освѣженіемъ въ памяти.

2. Воспринятое впечатлѣніе, сходное съ воспринятымъ прежде, укладывается, если его сходство не сознается, какъ особое впечатлѣніе. Но если прежнее впечатлѣніе одновременно приходитъ на память и познается, какъ сходное съ настоящимъ, оба впечатлѣнія соединяются въ памяти и откладываются вмѣстѣ.

3. Когда освѣжается лишь часть связаннаго въ одно ряда впечатлѣній, то можно по желанію освѣ-

жить и остальную часть его съ минимальнымъ усиліемъ; и воскрешеніе одного впечатлѣнія облегчаетъ воскрешеніе всякаго другого одновременно воспринятаго безъ отношенія къ его сходству.

Если мы будемъ разсматривать первый законъ воспоминанія, то мы не должны забывать что одинъ человѣкъ можетъ увидѣть сходство между вещами, которыя другому человѣку кажутся не имѣющими другъ къ другу никакого отношенія. И это различіе, естественно, выступаетъ при примѣненіи этого закона. Если сходство не замѣчается или не узнается, то не можетъ быть рѣчи ни о какой ассоціаціи идей въ процессѣ воспоминанія. Актъ припоминанія почти совершенно внѣсознательный, и мы не можемъ сознательно прослѣдить его развитіе. Иногда мы погружены въ мысли, и одна мысль за другой проходитъ въ нашемъ сознаніи, мы же въ это время не замѣчаемъ отношенія между ними или ассоціаціи идей. Однако же мы часто можемъ прослѣдить направленіе нашихъ мыслей и увидѣть тонкую нить отношенія между различными предметами ихъ. Мы можемъ начать съ созерцанія стола и кончить мыслью о предметѣ совсѣмъ иною характера, имѣющемъ свое мѣсто въ отдаленнѣйшей части свѣта.

Когда мы вспоминаемъ какую-нибудь вещь, это происходитъ обыкновенно потому, что ассоціація идей естественна, тѣсна и непосредственна. Если мы должны сдѣлать усиліе, чтобы вспомнить что-нибудь, то мы должны примѣнить волю для нахождения отношеній и связей между извѣстнымъ числомъ предметовъ, пока не будетъ найдено недостающее впечатлѣніе.

Едва ли существуетъ сознательный процессъ мышленія, необходимый для припоминанія какого-

нибудь предмета, который можно было бы сравнить съ процессомъ припоминанія. Одинъ происходитъ непосредственно, другой посредствомъ.

Мы говорили о томъ фактѣ, что очень трудно бываетъ возвратитъ въ область сознанія слабо отмѣченное впечатлѣніе, тогда какъ сравнительно легко вызвать такое, которое благодаря вниманію, было отмѣчено ясно и отчетливо. Но слабое впечатлѣніе можетъ быть укрѣплено частымъ повтореніемъ, пока оно будетъ приблизительно или такъ же отчетливо и такъ же легко сможетъ быть вновь вызвано, какъ впечатлѣніе, отчетливо отмѣченное съ самаго начала. Впечатлѣнія, получаемыя при очень важныхъ обстоятельствахъ, обыкновенно ясно запечатлѣваются въ памяти и оттого легко могутъ быть вновь вызваны.

Мы желаемъ обратить ваше вниманіе на важный фактъ относительно воскрешенія впечатлѣній, а слѣдовательно и укрѣпленія первоначальныхъ впечатлѣній путемъ воскрешенія. Это-то обстоятельство, что центръ тяжести всего процесса укрѣпленія лежитъ въ освѣженіи первоначальнаго впечатлѣнія такимъ образомъ, что его внимательно удерживаютъ въ области сознанія и отсылаютъ обратно въ хранилище, укрѣпленное новымъ количествомъ вниманія ему посвященнаго. Сознательное освѣженіе прежняго впечатлѣнія и посвященное ему новое вниманіе болѣе цѣнно, чѣмъ повторное созерцаніе предмета, вызвавшаго первоначальное впечатлѣніе, по крайней мѣрѣ поскольку это касается этого особаго, единичнаго впечатлѣнія. Понятно, повторное созерцаніе предмета броситъ свѣтъ на большее число деталей, не выступившихъ, вѣроятно, при первомъ впечатлѣніи. Мы объ этомъ говорили въ нашей главѣ о воспріятіи впечатлѣ-

ній посредствомъ зрѣнія и относящихся сюда упражненійхъ.

Такимъ же образомъ, старое впечатлѣніе вызывается вновь, когда вы видите предметъ, и такъ связывается, что старое впечатлѣніе становится частью новаго и впоследствии трудно отдѣлать одно отъ другого. Въ нашей памяти много бесполезнаго, неупотребленнаго матеріала, который могъ бы принести намъ величайшую пользу, если бы оказался случай соединить его. Иногда мы воспринимаемъ новый предметъ мысли и формулируемъ отношеніе и ассоціацію идей между массой безсвязныхъ фактовъ, которые лежали врозь въ нашемъ умственномъ хранилищѣ.

Припоминаніе всегда сопровождается усиленіемъ воли найти какую-нибудь цѣпь ассоціаціи идей, которую мы желаемъ вспомнить.

Для этого процесса нужна только часть секунды, такъ какъ умъ работаетъ чрезвычайно быстро, и цѣпь ассоціаціи идей устанавливается скоро. Но часто нужно нѣкоторое время, пока мы можемъ вспомнить желаемый предметъ и часто намъ приходится сознать свою неспособность, обнаружить недостающее впечатлѣніе, но отданные приказы часто принимаются внѣсознательной сферой мышленія, и впечатлѣніе является въ сознаніе черезъ нѣкоторое время, часто когда мы уже перестали о немъ думать.

При воспоминаніи впечатлѣнія часто нужно припомнить обстоятельства и мѣсто, при которыхъ оно было получено или то, что произошло короткое время до или послѣ того обстоятельства, которое желаютъ вспомнить.

Умъ инстинктивно приводитъ въ дѣйствіе силь-

нѣйшую способность испробовать начальныя звенья всѣхъ серій впечатлѣній.

При разсмотрѣніи „узнаванія вновь“ мы видимъ, что тутъ дѣло идетъ о такъ называемомъ *полномъ* узнаваніи, а также и о другомъ фазисѣ, который можно было бы назвать *частичнымъ* узнаваніемъ. Когда мы встрѣчаемъ человѣка, съ которымъ встрѣчались раньше, и мы узнаемъ его внѣшность, припоминаемъ его имя и то, кто онъ, чѣмъ занимается и т. д.—мы узнаемъ его *вполнѣ*. Но если мы встрѣчаемъ человѣка, лицо котораго мы узнаемъ, но имени котораго мы не можемъ припомнить, или узнаемъ его лицо и даже припоминаемъ его имя, но не можемъ вызвать въ памяти того, кто онъ и при какихъ обстоятельствахъ мы съ нимъ раньше встрѣтились, то мы узнали его только *отчасти*.

Мы слышали, помнится, какъ-то о господинѣ, встрѣтившемъ даму, лицо которой онъ узналъ, но имени которой не могъ припомнить. Прибѣгая къ старому средству, онъ сказалъ: „я забылъ, Madame, какъ пишется Ваше имя. Не будете ли Вы такъ добры сказать мнѣ это“. „Конечно“, сказала дама, „мое имя пишется J-o-n-e-s“.

Если мы встрѣчаемъ лицо, называющее насъ по имени, и лицо котораго намъ смутно припоминается, но мы не знаемъ „куда отнести“ его, то стоитъ намъ провести нѣсколько минутъ въ его обществѣ, и тогда вдругъ какой-нибудь намекъ дастъ намъ недостающую ассоціацію идей, и мы ясно вспомнимъ все то, что когда-нибудь было намъ извѣстно объ этомъ лицѣ.

Существуетъ разница между припоминаніемъ какой-нибудь вещи и ея узнаваніемъ. Сколько разъ мы искали вещь, которую мы точно *помнили*, но

которой мы не можемъ найти. Черезъ нѣкоторое время мы находили вещь тамъ, куда мы нѣсколько разъ заглядывали и гдѣ мы не могли не *видѣть* ее. Ошибка была въ томъ, что наша способность узнаванія функционировала не точно, и хотя мы видѣли предметъ, но не узнавали его. Эта ошибка можетъ легко быть избѣгнута, если сдѣлать себѣ сначала въ умѣ отчетливый образъ искомаго предмета, въ каковомъ случаѣ мы при видѣ его сразу же его узнаемъ. Это относится къ любому предмету, все равно, насколько мы съ нимъ знакомы, такъ какъ мы, если умственный образъ недостаточно ясенъ, не узнаемъ его даже, если его увидимъ, и именно потому, что наша мысль о немъ простое воспоминаніе имени, а не внѣшняго вида его. Мужъ можетъ искать жену свою среди большой толпы, и не находить ее, хотя онъ смотритъ ей прямо въ лицо. Безпокойство стерло ея образъ въ его умѣ.

ГЛАВА X.

Общіе принципы впечатлѣній.

О тринадцати общихъ принципахъ, которые господствуютъ надъ впечатлѣніями.—Эти 13 принциповъ практически заключаютъ въ себѣ все о впечатлѣніяхъ, ихъ усвоеніе, сохраненіе, вызваніе вновь;—знаніе ихъ даетъ ученику возможность держать весь предметъ какъ бы на ладони—каждый принципъ отчетливо изложенъ и сопровождается объясненіями и иллюстраціями. — Одна эта глава, будучи тщательно изучена, даетъ ученику хорошую подготовку къ теоріи и практикѣ развитія памяти и могла бы быть расширена такъ, что наполнила бы цѣлую книгу.

Слѣдующіе принципы дадутъ общее понятіе о законахъ, управляющихъ воспріятіемъ, записываніемъ и воскрешеніемъ впечатлѣній, полученныхъ памятью. Въ высшей степени вѣроятно, что ученикъ найдетъ ихъ интересными и они помогутъ ему укрѣпить въ умѣ законы, управляющіе операціями ума, извѣстными намъ подъ именемъ памяти. Многое, что говорится въ этой главѣ, было сказано другими словами въ другихъ главахъ этой книги, но мы сочли полезнымъ, собрать эти вещи въ одну главу, чтобы ученикъ могъ легче соединить одинъ принципъ съ другимъ ему роднымъ.

ПРИНЦИПЪ I. Направь свою сосредоточенность такъ, чтобы получить достаточно сильное впечатлѣніе, которое позже легко поддается воскрешенію.

Какъ мы изложили въ предъидущихъ главахъ, уму необходимо посвятить много вниманія объекту или субъекту, впечатлѣніе котораго мы хотимъ удержать въ умѣ и именно такъ, чтобы мы могли вызвать его вновь съ наименьшей затратой усилій.

Говоря вообще, можно сказать, что сила впечатлѣнія находится въ прямомъ отношеніи къ степени интереса и вниманіи, удѣленныхъ объекту или субъекту. Слѣдовательно въ высшей степени важно развивать упражненіями вниманіе и интересъ, такъ чтобы мы были въ состояніи отмѣтить ясное впечатлѣніе. Дѣлая это, мы сдѣлали много шаговъ къ усвоенію хорошей памяти.

ПРИНЦИПЪ II. Отмѣчай первое впечатлѣніе отчетливо и точно.

Многое зависитъ здѣсь отъ рѣзкости перваго впечатлѣнія. Первое впечатлѣніе—это основа, на которой должны быть воздвигнуты дальнѣйшія впечатлѣнія, и если оно не достаточно отчетливо, очень трудно исправить потомъ свою небрежность потому, что въ этомъ случаѣ первое впечатлѣніе совершенно потухаетъ, и на его мѣсто вступаетъ новое впечатлѣніе; въ противномъ случаѣ произошло бы смѣшеніе памяти. Поэтому обращай возможно больше вниманія и интереса на объектъ или субъектъ при первомъ воспріятіи.

ПРИНЦИПЪ III. Избѣгай сначала включенія въ впечатлѣніе слишкомъ большого числа деталей.

Примѣненіе этого принципа сбережетъ ученику много ненужной работы и траты энергіи. Лучшій планъ это вначалѣ усвоить главныя черты предмета и потомъ постепенно выстроить вокругъ нихъ другіе важные пункты, затѣмъ переходить къ менѣе важнымъ и кончить сравнительно неважными частностями. При составленіи общаго понятія объ изучаемомъ предметѣ нѣкоторыя значительныя и характерныя черты особенно выдвинуться изъ цѣлаго. Изучай сперва ихъ, приобрѣтая отчетливое впе-

чатлѣніе опусканіемъ маловажныхъ деталей; затѣмъ остановись на минуту и опять окинь взоромъ предметъ. Вы увидите тогда, какъ ясно выступаютъ другіе пункты. Воспримите ихъ и т. д., пока не овладѣете всѣмъ предметомъ. Такимъ образомъ вы будете въ состояніи отмѣтить полное описаніе предмета „отъ основанія до верху“, и найдете легкимъ воскресить въ памяти любую его часть и въ то же время сознавать отношеніе этой части къ любой другой. Это единственно разумный планъ изученія. При слѣдованіи этому методу полезно представить себѣ изучаемый предметъ въ видѣ дерева. Начните съ почвы, ознакомьтесь основательно съ стволомъ, потомъ примитесь за крупныя сучья, дальше за вѣтки и т. д. Когда вы начинаете изучать новый предметъ, то всего лучше сначала прочитайте самое простое сочиненіе о немъ, какое можно найти, и, покончивши съ нимъ, взять другое болѣе сложное сочиненіе о томъ же и т. д. Многіе дѣлаютъ ошибку, читая сперва наиболѣе сложное сочиненіе, какое можно достать о предметѣ, и послѣдствіемъ этого бываетъ обыкновенно то, что они ни однимъ пунктомъ не владѣютъ вполне и имѣютъ только поверхностное понятіе о всемъ предметѣ. Нѣкоторые преподаватели совѣтуютъ изучать тщательно предметъ по образцовой энциклопедіи, прежде чѣмъ браться даже за начальный учебникъ. Правило природы то, что „надо ползать, прежде чѣмъ ходить, и изученіе и ученіе наизусть не составляютъ исключенія изъ правила.

ПРИНЦИПЪ IV. Воскрешая чаще впечатлѣніе, ты увеличишь его силу.

Весь предметъ воспитанія памяти настолько зависитъ отъ этого одного принципа, что если бы

мы были принуждены вычеркнуть его, все зданіе развалилось бы. Примите во вниманіе, что мы говоримъ о сознательномъ освѣженіи первоначальнаго впечатлѣнія, а не о воспріятіи слѣдующаго впечатлѣнія. Этимъ методомъ не только усиливается впечатлѣніе, но и воспитывается воля къ оказыванію своего содѣйствія и черезъ нѣкоторое время воскрешеніе впечатлѣнія производится почти автоматически. Постояннымъ повтореніемъ предметъ запечатлѣвается въ умѣ почти неизгладимо, и можно вспомнить его съ наименьшимъ усиленіемъ. Если вы выполняли три первыя правила, вы будете воспринимать впечатлѣнія съ значительной мѣрой ясности, а путемъ правильнаго упражненія и повторенія вы будете въ состояніи получить удивительно глубокое и прочное впечатлѣніе отъ изучаемаго предмета. Одинъ вліятельный писатель объ этомъ предметѣ иллюстрируетъ этотъ принципъ слѣдующимъ случаемъ: Человѣкъ встрѣчается съ незнакомымъ и проводитъ весь вечеръ въ его обществѣ и, увидѣвъ его опять черезъ нѣсколько дней, онъ не въ состояніи узнать его. Писатель обращаетъ вниманіе на то, что если бы одинъ видѣлъ другого по пяти минутъ ежедневно въ продолженіе двухъ недѣль, онъ бы его легко узналъ, такъ какъ постоянное повтореніе впечатлѣнія, сильно отпечатало бы послѣднее въ его умѣ.

ПРИНЦИПЪ V. При освѣженіи впечатлѣнія, дѣлай это, не прибѣгая по возможности къ помощи самаго предмета, благодаря чему впечатлѣніе пріобрѣтетъ наибольшую постоянную силу.

Мы касались этого принципа въ нашей главѣ о воспріятіи впечатлѣній посредствомъ слуха. Мысль

тутъ та, что впечатлѣніе должно быть по возможности освѣжаемо разсудочнымъ путемъ. Конечно можетъ оказаться, что не были восприняты детали и придется возвратиться къ предмету, чтобы добавить пропущенныя черты; но сперва слѣдуетъ постараться воскресить въ памяти отчетливо то, что *уже* воспринято и такимъ образомъ углубить впечатлѣніе. Воспринятая впоследствии частности должны подвергнуться той же обработкѣ—каждое освѣженіе впечатлѣнія включаетъ въ себѣ больше подробностей и становится все совершеннѣе. Если Вы просто будете въ продолженіе мѣсяца ежедневно наблюдать предметъ обыкновеннымъ образомъ, Вы не будете знать, и половины того, что Вы узнали бы, изучивъ его тщательно одинъ разъ и затѣмъ постаравшись воспроизвести его въ Вашей головѣ: въ воображеніи, или на бумагѣ все равно и затѣмъ повторять этотъ процессъ въ продолженіе недѣли, воспринимая каждый день новыя детали. Въ послѣднемъ случаѣ, наблюденіе второго дня включало бы въ себѣ лишь тѣ пункты, которые не запечатлѣлись глубоко въ первый день, и новыя отчетливо замѣченные пункты прибавились бы къ впечатлѣніямъ перваго дня, благодаря чему были бы оба повторены или освѣжены. „Не услышанный урокъ скоро забывается“.

ПРИНЦИПЪ VI. При упражненіи лучше освѣжить старое впечатлѣніе субъекта или объекта, чѣмъ пытаться воспринять новое впечатлѣніе.

Этотъ принципъ очень похожъ на предъидущій и учитъ, что мы должны возможно больше полагаться на нашу память, вмѣсто того чтобы прибѣгать вновь къ субъекту или объекту въ цѣломъ.

Какъ только оказывается, что мы не можемъ быстро вспомнить нѣкоторыя детали, употребляйте въ дѣло память и укрѣпляйте ее такимъ путемъ вмѣсто того, чтобы прибѣгать къ этому только тогда, когда къ этому принуждаетъ насъ отсутствіе предмета. Поступать иначе значило бы то же, что имѣть всегда подъ рукою таблицу умноженія, и справляться каждый разъ, когда приходится перемножить два числа, такъ какъ это легче, чѣмъ трудиться надъ упражненіемъ нашей памяти. Разъ мы зависимъ отъ воспріятія новаго впечатлѣнія, а не отъ освѣженія стараго, мы никогда ничему не научимся и будемъ постоянно принуждены прибѣгать къ старому уроку, чтобы выучить его еще разъ.

ПРИНЦИПЪ VII. Если субъектъ или объектъ изучается въ первый разъ и поэтому нѣтъ замѣченнаго предъидущаго впечатлѣнія, то хорошо подумать о сходномъ впечатлѣніи, чтобы такимъ образомъ получилось умственное соединеніе (ассоціація идей).

Этотъ принципъ облегчаетъ воспріятіе новыхъ впечатлѣній, потому что; соединяя новый предметъ съ уже знакомымъ, вы пользуетесь сочетаніемъ идей прикрѣпленіемъ новаго впечатлѣнія къ старому, уже прочно утвердившемуся въ умѣ. Это сродно воспріятію новой детали предмета и включенію ея въ слѣдующее повтореніе благодаря ему используется предъидущее впечатлѣніе и получается, такъ сказать, гвоздь, къ которому можно прикрѣпить новое впечатлѣніе. Если вы встрѣчаете человѣка съ фамиліей Томсонъ и затрудняетесь припомнить его фамилію, то вы поможете себѣ

существеннымъ образомъ, подумавъ, что у человѣка этого та же фамилія, что и у другого Вашего друга, котораго тоже зовутъ Томсономъ, и фамиліи котораго Вы никогда не забываете. Такимъ образомъ оба человѣка и ихъ фамиліи связаны между собою въ Вашей памяти, и Вамъ будетъ легко припомнить фамилію Вашего новаго знакомаго, формулировавъ это сочетаніе идей. И при изученіи новаго предмета постарайтесь привести его въ отношеніе къ другому наиболѣе тѣсно съ нимъ связанному, который Вы уже знаете. Когда Вы можете связать предметъ съ чѣмъ-нибудь сходнымъ, то умъ сдѣлаетъ новый предметъ частью стараго, и не будетъ видѣть въ немъ новичка. Умъ какъ будто нѣсколько консерваторъ и лучше сходится съ новымъ знакомымъ, если думаетъ, что онъ родня старому другу.

ПРИНЦИПЪ VIII. Полезно установить рядъ умственныхъ соединеній (ассоціацій идей), такъ что одно впечатлѣніе можетъ вызвать слѣдующее въ данной серіи и т. д.

Если намъ приходитъ на память часть одной вещи, то умъ очень легко вызываетъ остальные части и—если мы свяжемъ между собою извѣстное число вещей такъ, чтобы онѣ составляли рядъ, въ которомъ каждая является частью цѣлаго—намъ будетъ довольно легко начать съ какого-нибудь звена и пробѣжать всю цѣпь въ томъ или другомъ направленіи. Очень полезно формулировать разныя части предмета въ родъ серіи такъ, чтобы расположить эти части по возможности въ логическомъ порядкѣ. Новая часть можетъ быть позже втиснута въ подходящее мѣсто и такъ же хорошо

вызываться въ памяти, какъ и старыя части. Дѣйствіе ассоціаціи идей при воспоминаніи объектовъ и субъектовъ поразительно. Для ребенка гораздо легче вспомнить букву Д, потому что онъ знаетъ Г и приводитъ съ ней въ связь Д. И мы увидимъ, что память наша относительно многихъ предметовъ походитъ на память ребенка въ азбукѣ или на таблицу умноженія, поскольку дѣло идетъ объ ассоціаціи идей. Когда Вы не можете вспомнить какой-нибудь предметъ, какъ разъ, когда Вы это желаете, то самое лучшее въ этомъ случаѣ имѣть свободный конецъ ассоціонной нити, который вы можете размотать, пока не получите желанный предметъ. Дюжинный человѣкъ пришелъ бы въ замѣшательство, если бы ему нужно было наугадъ назвать поперечныя улицы въ центрѣ его города, но начавши съ первой, онъ будетъ въ состояніи безъ большого труда назвать всѣ въ правильномъ порядкѣ. Такимъ же образомъ школьнику легко перечислить имена президентовъ Соединенныхъ Штатовъ или королей Англій, начавши съ Вашингтона или съ Вильгельма Завоевателя. Но потребуйте отъ него, чтобы онъ ихъ „перемѣшалъ“ и назвалъ Вамъ потомъ весь списокъ такъ, онъ найдетъ задачу очень трудной. Мы знаемъ по опыту, что предметы, которые мы лучше всего вспоминаемъ, связаны въ нашемъ умѣ съ чѣмъ-нибудь, что было воспринято непосредственно до или послѣ нихъ, или какимъ нибудь другимъ образомъ находятся въ отношеніи извѣстнаго порядка къ предмету, который мы вспоминаемъ. При образованіи умственныхъ рядовъ, соблюдайте алфавитный или какой-нибудь другой порядокъ или укрѣпите хорошенько первое звено въ Вашемъ умѣ, потомъ прибавьте второе и т. д.

ПРИНЦИПЪ ІХ. При изученіи или изслѣдованіи субъекта или объекта примѣняйте какъ можно больше способностей.

Цѣнность этого принципа будетъ ясна, если вспомнить что каждая способность вписываетъ въ умъ особое впечатлѣніе, и если мы при изученіи предмета употребляемъ больше одной способности, то у насъ получится столько связокъ впечатлѣній, сколько способностей мы примѣнили. Если мы пытаемся сохранить въ памяти какое-нибудь имя или число, то намъ существенно поможетъ записываніе имени или числа вслѣдъ за его произношеніемъ вслухъ, такъ какъ мы такимъ образомъ воспримемъ отвлеченное впечатлѣніе вещи, ея звукъ и зрительное впечатлѣніе. При вызваніи вновь этого впечатлѣнія намъ окажетъ помощь либо общее воспоминаніе о вещи, звукъ ея, либо воспоминаніе о томъ, какъ она выглядѣла на бумагѣ. Многія лица, устраивающія публичныя декламации, говорятъ, что положеніе извѣстныхъ словъ или періодовъ представляется ихъ умственному взору какъ разъ такъ, какъ было оно въ книгѣ, въ которой были прочитаны эти строки. Проповѣдники, которые готовятъ свои проповѣди въ рукописи дома и идутъ на кафедру лишь съ общимъ конспектомъ или даже безъ него, говорятъ, что они видятъ положеніе каждаго періода и первое его слово, прежде чѣмъ доходятъ до него, совершенно такъ, какъ оно стояло въ ихъ рукописи. Публичные ораторы испытали то же самое.

Многія лица чувствуютъ себя неспособными припомнить имя, если не произнесутъ его громко одинъ или два раза. При продолженіи Вашей ра-

боты надъ воспитаніемъ памяти, Вы встрѣтите много примѣровъ примѣненія этого принципа.

ПРИНЦИПЪ X. Вы можете очень усилить слабыя способности упражненіями, приспособленными къ каждой изъ нихъ въ отдѣльности.

Если Вамъ трудно вызвать вновь впечатлѣнія, которыя Вы получили путемъ одной, особой способности, то хорошо начать съ развитія и расширения этой способности. Другія главы этой книги сообщать много относящихся сюда методовъ и путей. Благодаря развитію извѣстнаго числа способностей, вы получите большее число глубокихъ впечатлѣній и вамъ будетъ гораздо легче вспомнить желаемый предметъ, такъ какъ было сдѣлано усиленнымъ образомъ большое число впечатлѣній и можетъ по желанію быть легко воспроизведено.

ПРИНЦИПЪ XI. Трудность при вызваніи вновь впечатлѣнія можетъ быть побѣждена усиленіемъ освѣжить одновременно съ нимъ полученное впечатлѣніе или попыткою припомнить его составную часть съ нимъ связанную.

Примѣръ для примѣненія этого принципа можно имѣть въ томъ случаѣ, когда кому-нибудь не удастся припомнить имя. Какъ ни пробуешь, имя не хочетъ вступить въ область сознанія. Тогда начинаешь медленно перебирать азбуку, останавливаясь на каждой буквѣ и обдумывая, прежде чѣмъ идти дальше. Очень часто мысль о первой буквѣ имени

приноситъ съ собою и впечатлѣніе самаго имени. Начальную букву имени часто помнишь яснѣе, чѣмъ остальную часть имени, и послѣдняя воспроизводится ассоціаціей идей, когда умъ вспоминаетъ первую букву. Если этотъ методъ не даетъ результатовъ, попробуйте другой планъ: попытайтесь вспомнить самое лицо, какъ оно выглядѣло и говорило, когда и гдѣ Вы впервые услышали его имя и т. д.; или если это имя предмета, примѣните то же правило и попробуйте вспомнить окружающія его обстоятельства, качества, связанныя съ вещью, носящею это названіе и т. д.

ПРИНЦИПЪ XII. Пытаясь припомнить впечатлѣніе, думайте объ опредѣленной вещи, съ нимъ связанной и освѣжите другія, одновременно воспринятая. Это лучше, чѣмъ стараться вспомнить его совсѣмъ не варіированнымъ образомъ дѣйствій.

Если вы не въ состояніи добиться успѣха примѣненіемъ принципа XI и не можете припомнить никакого одновременно полученнаго впечатлѣнія или составной части его, то попробуйте какимъ-нибудь образомъ вспомнить что-нибудь связанное съ этой вещью, что какъ можно ближе подходило бы къ объекту или субъекту и, если возможно, обстоятельства, связанныя съ воспріятіемъ даннаго впечатлѣнія. Перенеситесь назадъ въ то положеніе и въ тѣ обстоятельства, которыя имѣли мѣсто, когда вы получили впечатлѣніе, и часто вы приведете въ движеніе вереницу мыслей, которая принесетъ въ область сознанія желаемый предметъ.

ПРИНЦИПЪ XIII. Если послѣ безполезной попытки припомнить прежнее впечатлѣніе, послѣднее невольно вызывается умомъ, то хорошо замѣтитъ себѣ связаное съ нимъ впечатлѣніе, приведшее къ его воскрешенію — для будущаго случая и въ видѣ опыта.

Это невольное припоминаніе вещи, вызвать которую въ памяти умъ раньше отказывался, есть, конечно, усиліе внѣсознательной умственной функции. Но тщательное изслѣдованіе покажетъ, что она (вещь) пришла въ область сознанія, тѣсно примыкая къ другимъ, хотя связь между ними на первый взглядъ едва замѣтна. Припоминая восстановленное впечатлѣніе, т. е. то, которое вступило въ область сознанія какъ разъ передъ ускользящимъ впечатлѣніемъ, вы сможете по желанію вызвать снова въ память трудную вещь, все равно сколько бы не прошло времени съ тѣхъ поръ, какъ Вы опять забыли слово. И запоминаніе смутной связи часто открываетъ обширную область мысли и дастъ ключъ къ лучшему познанію великой темы — о памяти.

ГЛАВА XI.

Общая система развитія памяти.

О рациональной, практической легко усвоиваемой системѣ развитія памяти, которая, по мнѣнію автора этой книги, является лучшимъ и единственно практическимъ методомъ развитія памяти какъ цѣлаго. — Эта книга представляетъ собою примѣненное къ современнымъ потребностямъ изложеніе системы, употреблявшейся древними въ Индіи, Греціи, Исландіи и другихъ странахъ для воспитанія учащихся, чтобы они усвоили себѣ и сохранили въ памяти легенды, религіозныя книги, философію и законы народовъ, вслѣдствіе чего для этихъ учениковъ было обыденнымъ дѣломъ выучить на память книги, объемомъ превосходящія нашу Библию. Эта великая система даетъ полныя инструкціи и руководства къ развитію памяти.

Тѣ, которые основательно изучили предметъ развитія памяти и не ѣздятъ больше на дѣтскихъ лошадакахъ, въ общемъ сходятся въ томъ, что методъ, который мы называемъ собирательною системою, есть единственно естественная система для развитія силы памяти. Она не зависитъ отъ кучи хитрыхъ пріемовъ, инемоническихъ словечекъ и т. д., но исходитъ изъ теоріи, что развитіе памяти должно быть постепеннымъ, состоящимъ изъ ряда легкихъ ступеней. Она старается *развить* память, вмѣсто того чтобы нагружать ее снизу до верху методами. Лежащая въ основѣ этого теорія гласитъ: память можетъ быть развита совершенно также, какъ можетъ быть укрѣпленъ мускуль или другая часть тѣла: постепенно и путемъ легкихъ упражненій при постоянномъ повтореніи ихъ. Это

не искусственный методъ для изученія наизусть, но система для развитія и воспитанія памяти, пока она будетъ въ состояннн легко воспроизводить предметы, не нуждаясь ни въ какихъ фокусахъ или искусственныхъ методахъ. Это единственный путь самой природы, какимъ она производитъ предметы: развитіе растенія изъ сѣмени. Одновременно же эта система представляетъ лучшій изъ возможныхъ плановъ, какимъ можно внести въ память что-нибудь очень длинное.

Эта „собираательная система“—не новая система. Она употреблялась восточными и другими народами при развитіи ума, чтобы онъ воспринималъ и сохранялъ безъ ошибки ихъ священныя ученія и философскія системы. Мы говорили въ другихъ частяхъ этого сочиненія о многочисленныхъ примѣрахъ удивительныхъ подвиговъ памяти, совершенныхъ этими народами, и изъ всего того, что мы видѣли въ цѣломъ рядѣ случаевъ современныхъ, кажется нѣтъ повода думать, будто эти удивительные подвиги не могутъ быть въ двойныхъ размѣрахъ совершены людьми нашего времени. Есть очень хорошая причина, объясняющая кажущееся прекращеніе старыхъ системъ. Въ старыя времена, до открытія книгопечатанія, когда очень немногіе люди умѣли писать, и рукописи могли быть потеряны или уничтожены, учителя боялись довѣрить свои ученія пергаменту или другому письменному матеріалу. Такимъ образомъ, они воспитали умъ своихъ учениковъ, пока тѣ не смогли воспринять на память сочиненія, объемомъ равняющіяся нашей библіи, или даже больше. Какъ Вы увидите, перелистывая другія главы, этимъ путемъ передавались по наслѣдству и сохранялись много вѣковъ философскія системы, религіозныя

книги и даже законы многочисленныхъ націй, безъ всякаго записыванія. Даже въ наши дни передаются такимъ образомъ ритуалы тайныхъ обществъ, потому что законы ордена запрещаютъ записываніе или печатаніе извѣстныхъ частей, или въ нѣкоторыхъ случаяхъ даже всего ритуала.

Когда возникло искусство книгопечатанія, когда стало очевиднымъ, что разъ будутъ напечатаны тысячи экземпляровъ одной книги, возможность ея потери уменьшается, прекратилась необходимость устной передачи ученій, а старое искусство ученія наизусть почти совсѣмъ исчезло. Нашли не стоящимъ труда учить наизусть вещи, которыя всегда можно найти въ книгахъ на книжной полкѣ. Но при этомъ упустили изъ виду, что, давая старой системѣ выйти изъ употребленія, теряли не только искусство заучивать на память очень длинныя вещи, но и самое искусство воспитанія памяти, которая отмѣчала бы обыкновенныя вещи. Результатомъ этого было нынѣшнее положеніе вещей, когда на человѣка съ хорошей памятью смотрятъ какъ на чудо. Даже больше: многіе дошли до того, что думаютъ будто хорошая память почти противостественная вещь, и что человѣку весьма естественно имѣть дурную память. Не понимаютъ, что у каждаго есть возможность развить свою память далеко за предѣлы того, что принято въ настоящее время. Правда, нѣкоторые люди легче вспоминаютъ, чѣмъ другіе, но человѣкъ съ плохой памятью можетъ подходящимъ образомъ такъ развить послѣднюю, что будетъ въ состояннн лучше запомнить, чѣмъ человѣкъ съ хорошей памятью, но безъ школы.

„Собираательная система“ постольку отличается отъ другихъ системъ, что она не учитъ, какъ можно припомнить вещь путемъ ассоціаціи идей съ дру-

гой вещью, которая легче вспоминается, или съ вещью, уже сидящей твердо въ памяти. Въмѣсто этого, она стремится такъ развить, укрѣпить и воспитать умъ, чтобы онъ легко былъ въ состояніи выучить наизусть все, что онъ хочетъ и также легко вспомнить заученную вещь, когда ему вздумается.

Одно изъ преимуществъ этой системы то, что Вы уже при упражненіи запечатлѣваете въ памяти цѣлныя свѣдѣнія и знанія, и изучая на память интересныя и полезныя вещи, Вы развиваете самую память. Ученикъ, однако, долженъ принять во вниманіе, что главное значеніе системы заключается не въ одной способности заучивать длинныя стихотворенія, рѣчи и т. д., но въ развитіи самой памяти. И система эта не только развиваетъ способность откладывать въ умѣ впечатлѣнія, но воспитываетъ также силу памяти: въ легкости вызывать то, что было заучено. Результатомъ серьезнаго изученія и примѣненія этой системы является то, что во-первыхъ, спеціальныя предметы быстро изучаются, легко заучиваются на память, долго удерживаются въ ней и его легко потомъ припоминаешь; во-вторыхъ, обнаруживается поразительное и постоянное увеличеніе и ростъ способности припомнить какую угодно вещь *усиліемъ воли*.

„Собирательная система“ покоится на теоріи, что способность учить наизусть и припоминать можетъ быть чрезвычайно усилена системой возрастающихъ упражненій и частымъ повтореніемъ.

Ученикъ долженъ выбрать для заучиванія наизусть что-нибудь интересное, какую-нибудь пріятную тему. Мы думаемъ, что „Лѣди озера“ Скотта есть одно изъ лучшихъ стихотвореній для этой цѣли, хотя ученикъ можетъ себѣ выбрать что-

нибудь другое, что онъ самъ предпочитаетъ. Книга притчъ (Соломона) или псалмы — тоже хороши для данной цѣли, и нѣкоторыя находятъ болѣе легкимъ учить на память библейскіе стихи, чѣмъ новыя стихотворенія.

Начните съ ученія наизусть стиха Библии или строфы изъ какого-нибудь стихотворенія, предполагая, что строфа эта содержитъ не болѣе четырехъ или шести строчекъ. Выучите хорошенько эти стихи, пока Вы не будете произносить ихъ легко и понимать съ начала до конца. Изучите не только то, какъ они звучатъ при громкомъ чтеніи, но и какъ они выглядятъ напечатанными, ихъ важнѣйшія слова, распредѣленіе, ихъ значеніе. Короче говоря, *выучите* ихъ. Этого будетъ достаточно на первый день. На второй день повторите громко вчерашніе стихи. Потомъ слѣдуетъ выучить такимъ же образомъ вторую строфу, связать ее съ первою и повторить обѣ. На третій день слѣдуетъ повторить обѣ заученныя прежде строфы и основательно выучить третью, прибавить ее къ предъидущимъ и затѣмъ повторить все.

Продолжайте это упражненіе въ теченіе мѣсяца, ежедневно уча и прибавляя одну строфу, повторяя часто цѣлое. Мы не можемъ достаточно часто и настойчиво рекомендовать необходимость частаго повторенія. Центръ тяжести всего лежитъ въ повтореніи; не упускайте изъ виду ни въ малѣйшей степени эту часть работы. Постоянное прибавленіе выученныхъ на память стиховъ содѣйствуетъ развитію способности ученія наизусть, тогда какъ постоянное повтореніе имѣетъ цѣлью развить и укрѣпить способность легкаго припоминанія. Не достаточно получать одни хорошія, ясныя впечатлѣнія, но для Васъ очень важно, чтобы Вы были

въ состояніи выбирать и воспроизводить предметы, отложенные уже въ вашемъ умственномъ хранилищѣ. Вы не только ознакомитесь съ предметами, которыми Вы ежедневно вновь пользуетесь, но вы развиваете также „приѣмъ“ (Trick), путемъ котораго Вы находите вещи въ духовномъ хранилищѣ и по желанію предъявляете ихъ.

Въ началѣ Вамъ навѣрное будетъ казаться, что необходимо взять въ руки книгу, чтобы дополнить недостающее слово или недостающую строку. Это Васъ не должно смущать, потому что Вы это скоро преодолѣете. И не утомляйте также слишкомъ памяти насильственнымъ напряженіемъ, чтобы вспомнить недостающее слово или строку, но возьмите книгу въ руки и выучите еще разъ этотъ стихъ. Если нужно, обратитесь лучше лишній разъ къ книгѣ, вмѣсто того, чтобы итти дальше и пропускать слова, или быть въ состояніи неувѣренности на счетъ правильности Вашей передачи. Не идите впередъ небрежно, но придерживайтесь рѣшительно точности и безусловной правильности. Если Вы съ самаго начала не проявите въ этомъ желѣзной твердости, умъ Вашъ быстро привыкнетъ къ неряшливости.

Не пропускайте ни одного дня безъ упражненія. Вы найдете гораздо лучшимъ выучить на память нѣсколько строкъ ежедневно, чѣмъ много строкъ каждые нѣсколько дней. Воля и память—обѣ укрѣпляются правильнымъ упражненіемъ и практикой. Вся эта серія упражненій окажется въ состояніи укрѣпить и развить силу воли ученика, и приобрѣтенная такимъ образомъ сила очень полезна въ другихъ областяхъ работы.

Съ начала второго мѣсяца выучивайте ежедневно двѣ строфы вмѣсто одной. Держитесь этого

въ теченіе второго мѣсяца, повторяя уже выученныя прежде, какъ тѣ, которыя были выучены въ первый мѣсяцъ, такъ и тѣ, которыя выучены послѣ перехода къ системѣ двухъ строфъ. Вы замѣтите, что работа двухъ мѣсяцевъ не труднѣе работы перваго мѣсяца. Урокъ въ двѣ строфы будетъ такъ же легокъ, какъ урокъ въ одну строфу. Вы найдете, что ростъ Вашихъ силъ опередилъ увеличеніе количества изучаемыхъ стиховъ, и что Вы легко могли бы учить три или даже четыре строфы ежедневно; но удовлетворитесь двумя и не пытайтесь забѣгать дальше Вашего урока. Дѣйствіе системы заключается главнымъ образомъ въ томъ обстоятельстве, что она постепенно и естественно ведетъ къ развитію памяти ученика. И не забывайте, что въ повтореніи—тайна повышенной способности воспоминанія.

Въ началѣ третьяго мѣсяца начните съ трехъ строфъ и поступайте, какъ прежде, прибавляя ежедневно къ Вашему запасу и ежедневно повторяя то, что Вы раньше выучили. Когда наступитъ четвертый мѣсяцъ, введите планъ четырехъ строфъ и т. д. Понятно есть граница этому постоянному прибавленію, и о ней мы скажемъ нѣсколько дальше. Эта граница различна у различныхъ людей; но ученикъ, какъ бы онъ ни отсталъ, будетъ въ состояніи усвоить себѣ съ малымъ усиліемъ удивительную дѣеспособность, слѣдуя методу постепеннаго прогресса.

Если черезъ нѣсколько мѣсяцевъ повтореніе будетъ требовать больше времени, чѣмъ Вы можете на него потратить, то не беритесь за новые стихи и посвятите все время повторенію. И позже, когда Вы не сможете повторить цѣлое въ то время, которое имѣется ежедневно въ Вашемъ распоря-

женіи, раздѣлите его на двѣ части и повторяйте сегодня одну, а завтра остальную.

Если черезъ нѣкоторое время задача ученія наизусть новыхъ стиховъ покажется Вамъ утомительной, то будетъ полезно оставить на время эту работу; но оставайтесь при повтореніи, посвящая все время, обыкновенно отдаваемое на упражненіе, работѣ повторенія. Иногда та часть ума, на которой лежитъ работа воспріятія впечатлѣній будетъ возставать противъ ежедневной своей задачи, въ то время, какъ другая часть ума, которую мы употребляемъ для вызванія въ память запечатлѣвшихся предметовъ, покажетъ себя въ хорошемъ настроеніи и охотно работающей.

Ученикъ увидитъ, что извѣстные способы работы, наиболѣе подходящіе къ его темпераменту, онъ сѣумѣетъ найти самъ. Онъ можетъ измѣнять и расширять развитый нами тутъ планъ, всегда предполагая, что онъ не упуститъ изъ виду работу повторенія, которая не можетъ быть опущена или ограничена. Уменьшите заучиваніе наизусть, если нужно будетъ, но твердо держитесь работы повторенія. Увеличенная сила памяти покоится на работѣ частаго повторенія. Последняя хотя и нѣсколько скучна въ началѣ, скоро обратится въ пріятное занятіе, и тогда удовольствіе отъ сознаваемого роста умственной силы сдѣлаетъ задачу очень интересной.

Если у Васъ нѣтъ времени на полное проведеніе этой системы, то Вы можете измѣнить ее, изучая по этому методу коротенькія стихотворенія, и когда Вы вполне одолѣете одно, такъ что сможете его легко произнести въ какое угодно время, перейдите къ второму, посвящая все Ваше время и вниманіе новому. Но когда выучено второе стихо-

твореніе, возвратитесь къ первому и повторите его. Какъ только у Васъ будетъ свободное время, или удобный къ тому случай, повторяйте всегда то, что Вы выучили и посвятите ежедневную Вашу работу повторенія чему-нибудь одному, что Вы предприняли, пока не выучите его основательно. Упражняйте способность припоминанія постояннымъ воскрешеніемъ въ памяти вещей, раньше Вами выученныхъ, такъ какъ каждое отдѣльное упражненіе укрѣпляетъ Вашу память.

Если у Васъ потерялся интересъ къ предмету, которую Вы какъ разъ учите наизусть, оставьте его на время и возьмите вмѣсто него другой, не забывая, однако, повторять при всякомъ удобномъ случаѣ то, что было отложено въ сторону.

Вы навѣрное увидите изъ опыта, что нѣкоторые стихи въ стихотвореніи легче запоминаются, чѣмъ другіе. Но не оставляйте трудныхъ; на самомъ дѣлѣ Вы должны бы посвящать имъ больше времени и вниманія, чѣмъ любимымъ стихамъ. Есть извѣстное основаніе для того, чтобы тратить усилія на трудные стихи, и если Вы не оставите работы, пока не одолѣете ее, то Вы этимъ укрѣпите извѣстный слабый пунктъ въ Вашей способности ученія наизусть и воспоминанія и кромѣ того кое-что пріобрѣтете въ отношеніи силы воли.

Поупражнявшись въ этой системѣ нѣсколько мѣсяцевъ, Вы найдете, что Вы въ состояніи удержать въ памяти отдѣльную вещь безъ частаго повторенія. Вы можете измѣнить Вашъ планъ работы, приспособляя его къ усилившимся способностямъ, и можете лишь изрѣдка повторять хорошо заученныя вещи, но хорошо повторять ежедневно что-нибудь, чтобы пріобрѣтенная способность не утратилась.

Когда-нибудь вы дойдете до точки, гдѣ вы замѣтите, что достигли вашей границы относительно числа строкъ или стиховъ, которые вы можете выучить на память за одинъ разъ. Вы не можете безъ конца продолжать расширение этой границы ежемѣсячно на одну строфу, которую вы заучиваете въ день. Когда это время будетъ достигнуто, то прекратите ежемѣсячныя прибавленія и успокойтесь на лаврахъ, поскольку дѣло идетъ объ увеличеніи ежедневной работы. Продолжайте работу ученія наизусть и повторенія, но ограничьте ваши строчки или стихи наивысшимъ числомъ, какое вы можете легко выучить. Примите во вниманіе, что главное дѣйствіе упражненія не то, чтобы увидѣть, сколько вы можете сдѣлать, но просто доставить вамъ обученіе и развитіе. Послѣ временной паузы вы, не дѣлая попытки количественнаго увеличенія, найдете, что вы въ состояніи одолѣть болѣе трудную ежедневную работу памяти. Но все равно, наступитъ ли этотъ случай или нѣтъ, не въ этомъ дѣло. И при всѣхъ обстоятельствахъ вы найдете, что способность ваша постоянно растетъ почти безгранично.

Изучите основательно одну вещь, раньше чѣмъ приступать къ другой. Лучше знать основательно одинъ предметъ, чѣмъ десять только отчасти. Не приступайте къ второй строфѣ, пока вы не будете владѣть той одной, надъ которой вы трудились.

Не пытайтесь спѣшить. Возьмите себѣ больше времени и не стремитесь въ началѣ къ слишкомъ многому. Обыкновенно ученики слишкомъ поспѣшны; они начинаютъ опрометчиво и склонны утомиться раньше, чѣмъ значительно подвинутся впередъ. Лучше, если вы умѣрите себя и разовьетесь естественно, какъ растеніе, которое растетъ

отъ сѣмени къ ростку, отъ ростка къ стеблю, отъ стебля къ листьямъ, отъ листьевъ къ цвѣтку.

Не пробуйте продѣлывать эту работу, когда вы утомлены или истощены. Въ такомъ состояніи вамъ не удастся воспринять отчетливыя впечатлѣнія или вызвать ихъ ясно и отчетливо. Многие находятъ, что утро — наиболѣе удобное время для упражненія.

ГЛАВА XII.

Система памяти въ десяти вопросахъ.

Говорится о новомъ рациональномъ методѣ, чтобы доставать изъ внѣсознательнаго хранилища смѣшанный составъ особыхъ справокъ, накопленныхъ каждымъ лицомъ въ его памяти; но остававшихся до сихъ поръ неиспользованными, вследствие отсутствія системы при накопленіи и незнанія метода, по которому эти разрозненные свѣдѣнія могутъ быть собраны. Эта система, если кто ею будетъ обладать и пользоваться, умножитъ чрезвычайно полезныя свѣдѣнія, которыми такимъ образомъ можно будетъ располагать и дѣлаетъ человѣка „хорошо освѣдомленнымъ“ о вещахъ, про которыя, повидимому, только очень мало знаешь. — Эта система открываетъ глаза и приводитъ къ замѣчательнымъ результатамъ. — Въ этой главѣ содержится также объясненіе „аналитическаго способа заучиванія на память“.

У каждаго человѣка въ его внѣсознательномъ хранилищѣ имѣется большой запасъ общихъ свѣдѣній и знаній. Онъ знаетъ что-нибудь о всякомъ объектѣ или субъектѣ, когда-либо, хотя бы въ малѣйшей степени привлечемъ къ нему его вниманіе или интересъ. Родъ и мѣра этого знанія, понятно, съ сильной степени зависятъ отъ степени вниманія, обращеннаго на него и отъ случаевъ къ наблюденію, какіе были въ прошломъ. Но даже человѣкъ, у котораго было мало случаевъ и самой небрежной наблюдательности, отложилъ много цѣннаго матеріала, о существованіи котораго онъ даже не подозреваетъ. Свѣдѣнія механически откладывались и не дѣлалось никакой попытки пробудить ихъ вновь, такъ какъ не замѣчалось никакой надобности въ запасенныхъ знаніяхъ въ повседневной жизни человѣка.

Если бы мы случайно обнаружили накопленные знанія, мы доставили бы нашему уму благодѣтельное упражненіе, усилили бы нашу память и стали бы „лучше освѣдомленными“ относительно массы различныхъ предметовъ. Выниманіе этихъ накопленныхъ знаній заставитъ насъ классифицировать ихъ, расположить ихъ въ правильномъ порядкѣ, установить сравненія, подмѣтить ассоціаціи идей, сдѣлать заключенія и употребить наши различныя умственныя способности; а это равносильно развитію и воспитанію ума. Многіе изъ насъ, какъ скупые, накопившіе кучу драгоценнаго металла, котораго мы никогда не увидимъ или не употребимъ.

Пишущій эти строки слышалъ отъ заключенныхъ и отъ лицъ, которые, будучи принужденными жить далеко отъ единомышленниковъ, поневолѣ удовлетворялись собственнымъ обществомъ, что они, проживши извѣстное время съ вниманіемъ, обращеннымъ на процессы въ собственномъ умѣ и на знанія, черпаемые изъ прежняго запаса, пришли къ такому результату: при выходѣ изъ одиночества они достигли болѣе высокой степени умственнаго развитія, сравнительно съ той, какой они обладали при наступленіи одиночества. Были случаи, когда политическіе заключенные во время сидѣнія, не имѣя ни одной книги для справокъ, писали интереснѣйшія сочиненія, черпая свѣдѣнія изъ большаго хранилища — внѣсознательнаго мышленія. Иногда люди живутъ въ извѣстномъ обществѣ и отмѣчаютъ себѣ безъ опредѣленной цѣли наблюденія надъ людьми и предметами. По прошествіи многихъ лѣтъ эти люди становятся писателями, заимствуютъ изъ старыхъ, почти забытыхъ впечатлѣній прошедшаго, набрасываютъ ихъ на бумагу и даютъ міру живую картину жизни го-

родка или города, гдѣ они пребывали раньше. Дюма далъ намъ примѣръ такого знанія, отложеннаго для позднѣйшаго употребленія, въ своемъ извѣстномъ романѣ „Графъ Монте Кристо“. Онъ показываетъ намъ стараго политическаго заключеннаго, аббата Фаріа, который, будучи на долгіе годы удаленъ отъ всякаго человѣческаго взора, бралъ изъ своего запаса богатя знанія, чтобы обучить своего товарища по заключенію, Едмонда Дантеса и, возбуждая интересъ и сосредоточенное вниманіе послѣдняго, онъ изъ трезваго, но необразованнаго лопмана воспиталъ хорошо освѣдомленнаго образованнаго свѣтскаго человѣка. Вся эта исторія, конечно, выдуманна, но,—принимая во вниманіе людей и обстоятельства, нѣтъ никакой причины не допустить того, почему не могъ бы быть достигнутъ подобный результатъ. Это пробужденіе накопленныхъ впечатлѣній имѣетъ другой хорошій результатъ. Это пробуждаетъ интересъ къ субъекту или объекту нашего наблюденія, и умъ остается открытымъ для впечатлѣній, относящихся къ этому предмету, и увеличивается запасъ свѣдѣній касательно этой отдѣльной вещи и связанныхъ съ нею предметовъ. Послѣ того, какъ занято такое мѣсто, гдѣ не отвлекаешься внѣшними впечатлѣніями или, если возможно, вполне исключены вообще постороннія впечатлѣнія, то въ это время обращеніе исключительнаго вниманія на субъекта или объектъ приноситъ много интересныхъ впечатлѣній и важныхъ свѣдѣній въ область сознанія. Но, если кто слѣдуетъ систематическому плану, при вызываніи впечатлѣній вновь, то его память существенно укрѣпится, и одновременно съ этимъ его умъ разовьется въ области систематическаго мышленія, способности классифицировать, анализировать и т. д.

Пишущій эти строки нашелъ очень полезною для себя и для другихъ, кому онъ давалъ ее, слѣдующую систему „пробужденія вновь мыслей“. Она проста, но удивительно дѣйствительна, и постоянное употребленіе ея, несомнѣнно, вознаграждаетъ затраченные на нее время и трудъ. Она увеличиваетъ силу ума въ различныхъ направленіяхъ и является очень дѣйствительнымъ методомъ воспитанія.

Система эта состоитъ изъ десяти вопросовъ, которые, будучи примѣненными по отношенію къ объекту или субъекту, интересующему насъ и принося въ область сознанія всѣ имѣющіяся накопленныя впечатлѣнія, заставляютъ приводить въ дѣйствіе всѣ свѣдѣнія, какія имѣлъ ученикъ о данномъ предметѣ. Слѣдующій эскизъ дастъ понятіе о системѣ. Сначала долженъ быть изображенъ предметъ и затѣмъ должны быть самостоятельно поставлены десять вопросовъ, и на каждый долженъ быть данъ самостоятельно отвѣтъ.

Вопросы относительно субъекта или объекта:

1. Его происхожденіе или корень?
2. Причина его начала?
3. Его исторія?
4. Его качества и признаки?
5. Предметы, связанные съ нимъ и находящіеся въ отношеніи къ нему?
6. Его употребленіе и примѣненіе?
7. Что онъ доказываетъ, объясняетъ?
8. Его результаты и слѣдствія?
9. Его конецъ (цѣль) или будущее?
10. Ваше общее мнѣніе о немъ и мотивы этого мнѣнія?

Вы найдете, что эта система вопросовъ обнаружитъ всѣ ваши прежнія впечатлѣнія, относя-

щіяся къ разсматриваемому предмету, и побудить васъ проклассифицировать ихъ, упорядочить, разсмотрѣть, обратиться къ предмету и установить его различныя черты и признаки. Это воспитаетъ вашу память, мысль, ученіе и наблюденіе. Каждый вопросъ напомнитъ вамъ что-нибудь, и когда вы покончите съ предметомъ, то замѣтите, что вы больше о немъ знаете, чѣмъ вы считали это возможнымъ. Кромѣ того, выучите вопросы наизусть и ваше наблюденіе и, главное, штудированіе, естественно будутъ находиться подъ влияніемъ этихъ вопросовъ.

Да не побудитъ васъ простота этой системы пройти мимо нея безъ попытки воспользоваться ею. Испытайте ее, при благопріятныхъ обстоятельствахъ, хотя одинъ разъ, на любомъ предметѣ и вы увидите, какъ примѣняютъ ее. Понятно, что способность вызывать впечатлѣнія, какъ отвѣты на вопросы, будетъ постоянно расти вмѣстѣ съ практикой, послѣ того, какъ умъ свыкнется съ процессомъ спрашиванія. Попробуйте на этой недѣлѣ примѣнить данную систему къ одному предмету и повторите процессъ черезъ недѣлю, тогда вы замѣтите большой прогрессъ; очевидно, за этотъ промежутокъ времени вашъ запасъ впечатлѣній очень выростетъ. Это объясняется тѣмъ, что ваши вопросы побудили внѣсознательныхъ искателей къ работѣ, и они были заняты тѣмъ, что выкапывали клады изъ глубины большого хранилища. Ваши вопросы были приняты, какъ приказы воли, и эти маленькіе работники были заняты порученной имъ задачей до тѣхъ поръ, пока ваше сознание отдавалось другимъ вещамъ.

Аналитическое заучиваніе наизусть.

Если вы хотите овладѣть предметомъ, то вамъ совѣтуется раздѣлить его. Проанализируйте основательно его и, изучивъ его части въ отдѣльности, вы получите ясное понятіе о цѣломъ. Это умственное расчлененіе прищепитъ способность къ работѣ и побудитъ память къ воспріятію глубокихъ впечатлѣній, которые легко могутъ быть вызваны снова.

Установлено, что послѣ нѣкоторой аналитической работы значеніе вещи настолько уясняется, что умъ легко схватываетъ и удерживаетъ ее. Лучшій способъ выяснитъ себѣ вещь, это ставить вопросы о ней. Лучшій путь, чтобы пробудить ваше знаніе о вещи, это—задать себѣ вопросы о ней такъ, какъ мы формулировали ихъ въ первой части этой главы. Лучшее средство запечатлѣть вещь въ вашемъ умѣ, это—поставить себѣ вопросы, которые могутъ обнаружить все ея значеніе. Для освѣщенія нашей мысли возьмемъ извѣстную фразу:

„Вечерній колоколъ звонитъ предсмертный звонъ исчезающаго дня“.

И вы начните цитировать и анализировать ее. Что дѣлаетъ вечерній колоколъ? Онъ звонитъ предсмертный звонъ исчезающаго дня. Что звонитъ предсмертный звонъ исчезающаго дня? Вечерній колоколъ. Что звонитъ вечерній колоколъ? Онъ звонитъ предсмертный звонъ. Предсмертный звонъ— что онъ звонитъ? Предсмертный звонъ исчезающаго дня. Предсмертный звонъ какой части дня звонитъ онъ? Предсмертный звонъ *исчезающаго* дня. Предсмертный звонъ исчезающаго чего? Предсмертный звонъ исчезающаго *дня*. Если вы хоро-

шенько переберете вышеприведенные вопросы и отвѣты, то вы никогда не забудете этой фразы. Она ясно будетъ стоять передъ вашимъ умомъ.

Въ вышеприведенной фразѣ *активнымъ* словомъ является, понятно, глаголь „звонить“, и все остальное въ предложеніи зависитъ отъ его активной части. Обыкновенно вниманіе легче привлекается вещью, находящейся въ движеніи, нежели, чѣмъ-нибудь спокойнымъ, и, если дѣйствіе предложенія запечатлѣлось въ умѣ, остатокъ предложенія свяжется съ нимъ по закону ассоціаціи идей. Оно помогаетъ памяти воспринять въ умѣ значеніе глагола. При заучиваніи наизусть какой-нибудь вещи, установите этимъ аналитическимъ методомъ то, что значить въ этой вещи каждая ея часть и вы этимъ значительно упростите предметы.

ГЛАВА XIII.

Память на числа, даты и цѣны.

Говорится о развитіи памяти въ очень интересныхъ областяхъ, которыя такъ важны для мужчины и женщины въ повседневной и дѣловой жизни.—Ничто такъ не затрудняетъ ученика, какъ забываніе чиселъ, и неспособность запоминать числа и цѣны повела къ гибели не одного многообѣщающаго молодого дѣльца.—Эта глава вполне разъясняетъ вопросъ и даетъ картину плохой памяти въ данной области и указываетъ методъ, съ помощью котораго можно исправить и укрѣпить память.—Предлагаются упражненія и руководства, которыя окажутся очень цѣнными для ученика. — Между людьми господствуетъ большое различіе относительно ихъ памяти на даты, числа и т. д.

Различіе это вызвано различною степенью развитія у нихъ чувства чиселъ. Тѣ, у которыхъ это чувство очень развито, воспринимаютъ всегда ясное и отчетливое впечатлѣніе чиселъ и всего съ нимъ связаннаго; въ то время, какъ тѣ же, у которыхъ чувство чиселъ недостаточно развито, находятъ очень труднымъ вспомнить связанный съ числами предметъ. Послѣдній родъ людей долженъ былъ бы развивать способность, примѣняя ее, много работая тамъ, гдѣ дѣло идетъ о числахъ; особенно надъ исчисленіями въ умѣ. Если Вы принадлежите къ этому классу, то купите себѣ начальный учебникъ для рѣшенія задачъ въ умѣ, каковой употребляется въ школахъ для начинающихъ, и тщательно изучите его, вычисляя каждый приведенный примѣръ. Берите ежедневно по одному уроку, и въ короткое время вы замѣтите

возрастающей въ васъ интересъ къ числамъ и вы станете гораздо лучше запоминать ихъ. Достигнутое такимъ образомъ развитіе будетъ прочнымъ, и способность отмѣчать болѣе отчетливыя впечатлѣнія чиселъ будетъ продолжать развиваться.

Даты.

Для тѣхъ, кто встрѣчаетъ трудности при воспоминаніи и вызваніи вновь чиселъ, оказывалось полезнымъ формулировать умственный образъ числа, который сочетался бы съ какимъ-нибудь лицомъ или предметомъ, связаннымъ съ датою. Напр., предположимъ, что вы хотите помнить годъ открытія Колумбомъ Америки. Это вамъ будетъ легко, если вы представите себѣ, какъ Колумбъ стоитъ на берегу вновь открытой земли съ цифрой 1492 надъ своей головой. Или вы хотите знать дату провозглашенія независимости Соединенныхъ Штатовъ. Нарисуйте себѣ въ умѣ колоколъ свободы и на немъ 1776 г. въ блестящихъ цифрахъ. Или начало гражданской войны: умственный образъ форта Сэмтера съ 1861 г. на боку, большими знаками. Или дату смерти Наполеона: съ помощью вызваннаго въ воображеніи его гроба съ числомъ 1821. При формулированіи умственнаго образа, хорошо имѣть передъ собою дату, написанную большими цифрами на лоскуткѣ бумаги, надъ которымъ нужно держать глаза, пока умственный образъ создается вокругъ цифры. Потомъ закройте глаза или поверните голову и вызовите опять впечатлѣніе. Если это произойдетъ нѣсколько разъ, то числа неизгладимо запечатлѣются въ умѣ.

Мы знакомы со школьникомъ, который зналъ вступленіе въ должность и оставленіе ея каждымъ президента, благодаря тому, что онъ вписалъ эти

даты на лбу каждаго портрета въ своемъ учебникѣ исторіи. Но мы не рекомендовали бы этотъ планъ. Всякій дюжинный человекъ можетъ формулировать сильный умственный образъ, и, если сильное впечатлѣніе даты было уложено въ сопровожденіи лица или предмета, то оно, вѣроятно, прочно удержится и связанныя съ нимъ впечатлѣнія всегда появятся тогда, когда только припомнится предметъ.

Вышеприведенный планъ имѣетъ большую цѣнность для тѣхъ, у кого хороша „зрительная память“. Однако, въ нѣкоторыхъ случаяхъ и „слуховая память“ лучше, и въ такихъ случаяхъ окажется цѣлесообразнѣе то, чтобы словесное повтореніе числа ученикомъ или еще лучше его другомъ закрѣпило этотъ звукъ въ памяти такъ, что его легко будетъ припомнить. Другіе думаютъ, что они лучше всего припомнятъ даты, заучивая наизусть коротенькіе стишки.

Среднему школьнику не трудно сочинить такіе стишки, и не одна важная дата была заучена такимъ образомъ.

Но изъ всѣхъ этихъ видовъ заучиванія на память датъ мы предпочитаемъ названный сперва методъ, состоящій въ разбрасываніи умственнаго образа даты въ связи съ находящимся къ ней въ отношеніи лицомъ или предметомъ. Такъ ее усваиваешь легче, нежели можно подумать, и, послѣ короткаго упражненія, это происходитъ почти автоматически. Можно построить умственный образъ почти всякаго историческаго событія и можно легко вызвать опять въ памяти и портреты знаменитыхъ въ исторіи людей.

Гдѣ дѣло касается студентовъ, которымъ приходится отмѣчать себѣ много важныхъ датъ, то

хорошимъ представляется слѣдующій планъ: привести имя лица или событія въ связь съ датой по закону соединенныхъ впечатлѣній. Произнося продолжительно „Ватерло 1815“ или „Йорктаунъ 1781“ или „Гастингсъ 1066“ достигнешь того, что даты этихъ битвъ будутъ неразрывно связаны съ самими событіями, и оба впечатлѣнія сольются вмѣстѣ. Понятно, будетъ нужно болѣе частое повтореніе событія и связанной съ нимъ даты, чтобы укрѣпить въ умѣ объединенное впечатлѣніе. Если бы дата и событіе были связаны съ самаго начала такимъ образомъ, то ассоціація идей не потребовала бы большихъ усилій, чѣмъ при соединеніи „Вашингтона“ и „Джорджа“ или „Наполеона“ и „Бонапарта“. Если бы мы долгое время не знали имени Вашингтона и фамилію Наполеона, послѣ того, какъ мы уже составили ясное представленіе о другомъ имени каждаго изъ нихъ, то мы бы иногда забывали въ послѣдствіи заученное имя; но такъ какъ мы заучили ихъ оба вмѣстѣ, то оба имени составляютъ, такъ сказать, одно цѣлое, поскольку это относится къ нашей памяти. Если бы учителя всегда говорили о „Ватерло 1815“, то ученики никогда бы не забывали даты этой битвы, пока помнили бы самое названіе.

ЦѢНЫ.

Вышеозначенный планъ набрасыванія умственного образа, чтобы связать число съ вещью, имѣетъ самую большую важность для приказчиковъ, продавцовъ и т. д., работа которыхъ требуетъ отъ нихъ запоминанія цѣнъ товаровъ. Во многихъ случаяхъ приказчикъ можетъ, дѣйствительно, увидѣть цѣны прикрѣпленными къ товарамъ, освѣжая нѣсколько разъ впечатлѣніе при взглядѣ на упомя-

нутые товары. Мы знаемъ молодого человѣка въ большомъ магазинѣ колониальныхъ товаровъ, который создавалъ себѣ умственный образъ каждаго новаго товара, появлявшагося на полкѣ, и всегда представлялъ себѣ товаръ съ прикрѣпленный къ нему цѣной. Если кто-нибудь спрашивалъ у него цѣны „Шоколада Бакера“, онъ сейчасъ же думалъ о пакетѣ съ означенной на немъ цѣной и узнавалъ такъ цѣну сотенъ другихъ всевозможныхъ предметовъ, видя ихъ только въ умѣ. Когда цѣна мѣнялась, онъ, такъ сказать, стиралъ въ умѣ старую цифру и замѣнялъ ее новой. Теперь, по прошествіи болѣе двадцати лѣтъ, онъ въ состояніи усиленіемъ ума припомнить образы цѣнъ большей части товаровъ, имѣвшихся въ старомъ магазинѣ, такъ какъ впечатлѣніе появляется въ видѣ умственного образа товара съ прикрѣпленной къ нему цѣной. Его память на мѣста очень значительна, и онъ можетъ возстановить въ умѣ полки старой лавки, на которыхъ лежали товары, цѣны и все точно такъ, какъ оно было двадцать лѣтъ тому назадъ. Если Вы ясно свяжете цѣну съ образомъ товара, то умственный образъ послѣдняго повлечетъ за собою воспоминаніе о первой и можетъ быть сами цифры предстанутъ передъ „умственнымъ окомъ“.

Числа.

Другія числа кромѣ датъ и цѣнъ могутъ быть соединены съ предметомъ, съ которымъ они находятся въ естественномъ отношеніи. Если же нѣтъ такой подходящей вещи, къ которой было бы можно прикрѣпить числа, то должно удовлетвориться простымъ методомъ: „дѣлать ихъ видимыми“. Этотъ методъ состоитъ въ умственномъ фотографированіи чиселъ, пока умъ не сможетъ запомнить кон-

туры чиселъ такъ, какъ если бы это былъ образъ. Представьте себѣ числа большими бѣлыми знаками на черномъ фонѣ. Удержите образъ, пока вы его не ясно увидите „умственнымъ окомъ“. Способность эта растеть съ упражненіемъ. Во всякомъ случаѣ лучше, если Вы можете связать числа съ подходящимъ предметомъ. Теорія этого метода („дѣлать видимымъ“) основана, во-первыхъ, на томъ фактѣ, что многіе умы легче воспринимаютъ и удерживаютъ впечатлѣніе, приобрѣтенное посредствомъ зрѣнія, нежели голую отвлеченную идею безъ образа, и, во-вторыхъ, на томъ, что законъ ассоціаціи идей легко вводитъ умственный образъ включительно съ датой въ область сознанія, когда къ этому побуждаетъ мысль о предметѣ.

ГЛАВА XIV.

Память на мѣста.

Говорится объ умственной способности, которая, будучи хорошо развитой, даетъ возможность человѣку почти инстинктивно находить дорогу въ незнакомыхъ мѣстахъ, и недостатокъ которой приводитъ къ тому, что даже въ мѣстахъ хорошо извѣстныхъ можешь „заблудиться“. — Предметъ этотъ излагается съ цѣлью показать, какъ можетъ быть развита эта способность, исходя изъ важности ея воспитанія и культивированія. — Руководство, примѣры и упражненія предлагаются въ предѣлахъ хорошо испытанныхъ и проверенныхъ, и тщательное изученіе этой главы должно было бы побудить читателя стать на путь большого укрѣпленія его чувства мѣстности, его памяти на мѣста и способности „ориентироваться“.

У нѣкоторыхъ людей очень развито чувство мѣста и они почти въ состояніи легко найти дорогу въ незнакомыхъ мѣстахъ. Такіе люди никогда не заблуждаются и какъ-будто носятъ въ головѣ компасъ, указывающій страны свѣта. Они отмѣчаютъ мѣста, направленія, положеніе, естественное расположеніе относительно пространства и мѣста. У другихъ это чувство въ меньшей мѣрѣ и у нѣкоторыхъ оно какъ-будто совсѣмъ отсутствуетъ. Послѣднимъ очень трудно найти свою дорогу. Они не могутъ свыкнуться съ незнакомыми мѣстами и постоянно заблуждаются.

Чувство мѣста можетъ быть развито, какъ и всякая другая способность правильнымъ упражненіемъ и практикой. Если чувство мѣста слабо развито, то не имѣешь интереса къ предмету и мало ему отдаешь вниманія; поэтому и память на мѣста слаба, записанныя впечатлѣнія слабы и несовершенны.

Если у Васъ слабая память на мѣста, положе-

нія, направленія и т. д., то Вы должны развить Ваше чувство на мѣста. Чтобы сдѣлать это, Вы должны начать съ того, что приобрѣтайте интересъ къ мѣстамъ и направленіямъ. Вы должны подмѣчать и наблюдать. Безъ интереса Вы ничего не сдѣлаете. Вы должны оглядываться и замѣчать границы, которыя Вы прошли, и направленіе, въ которомъ Вы ѣхали, и предметы, которые Вы встрѣчали на пути. Вы должны оглядываться и *видѣть* предметы. Если Вы живете въ городѣ, то наблюдайте угловые дома и ихъ вывѣски. Встаньте на нѣсколько минутъ на углу и ориентируйтесь, насчетъ положенія точки, гдѣ Вы стоите. Если Вы, такъ сказать, съ сердцемъ приметесь за эту задачу, то найдете въ ней много интереснаго и работа сдѣлается интересной и приятной. Ошибка заключается въ томъ, что Вы до сихъ поръ не замѣчали тѣхъ предметовъ, мимо которыхъ Вы проходили. Человѣкъ съ большимъ чувствомъ мѣста воспринимаетъ эти предметы почти инстинктивно; но Вы еще должны создать привычку, сознательно обращая вниманіе, пока умъ не сдѣлаетъ изъ этого привычку и такимъ образомъ „вторую натуру“. Изучайте дорожныя или обыкновенныя карты и совершайте въ умѣ путешествія изъ одного мѣста въ другое. Прослѣдите рѣки отъ источниковъ до устья. Совершайте въ умѣ путешествія по желѣзной дорогѣ, указывая дорогу пальцемъ по картѣ. Заведите себѣ школьной учебникъ географіи и работайте надъ нимъ, когда Вы дома. Если Вы на улицѣ, то продолжайте замѣчать предметы направленія, границы и пр.

Если Вы живете въ большомъ городѣ, то приобрѣтите экземпляръ городского плана и тщательно изучите его. Исходите изъ одной точки на кар-

тѣ и идите къ другой установленной точкѣ, замѣчая имена улицъ, черезъ которыя проходите, а также и имена переулковъ, мимо которыхъ идете, не забывая выдерживать направленіе. Потомъ продолжайте еще разъ тотъ-же путь назадъ, тщательно обращая вниманіе, чтобы сворачивать на тѣхъ углахъ, гдѣ это нужно и т. д.

Затѣмъ, продолжайте (по картѣ) то же путешествіе по другой дорогѣ и другимъ образомъ. Удивительно, какъ это упражненіе обостритъ Ваше чувство на мѣста и направленія. При случаѣ выучите наизусть названія улицъ въ томъ порядкѣ, въ какомъ Вы проходили ихъ на картѣ. Такимъ образомъ вы сможете хорошо ознакомиться съ городомъ, въ которомъ живете. Въ свободные дни или когда вы предпримите большую прогулку или путешествіе, возьмитесь за вашу карту, прежде, чѣмъ двинуться въ путь, и прослѣдите по ней, тщательно ее изучая, а также и линію предстоящаго путешествія. Когда вы сами будете проходить по этимъ мѣстамъ, вы будете постоянно замѣчать пересѣкающія улицы, вслѣдствіе того, что вы подготовились по картѣ,—нѣкоторое упражненіе такого рода окажется весьма интереснымъ, особенно, если путешествіе совершалось въ незнакомомъ кварталѣ.

Будетъ хорошо, при Вашемъ изученіи карты, если Вы при случаѣ выучите наизусть карту цѣликомъ или частью. Посмотрите на карту и изучите ея части и детали.

Потомъ отложите карту и постарайтесь нарисовать ее въ крупныхъ контурахъ и указать на ней возможно больше интересныхъ пунктовъ. Затѣмъ, прибавьте постепенно частности въ ихъ взаимоотношеніяхъ. Цѣль этого рисованія картъ, конечно, та, чтобы утвердить въ Вашемъ умѣ мѣ-

ста и направленія, а не сдѣлать изъ Васъ чертежника картъ. При этомъ упражненіи Вы найдете, что, отложивъ карту послѣ того, какъ вы смотрѣли на нее нѣсколько минутъ, вы, даже закрывъ глаза, можете увидѣть образъ карты Вашимъ „духовнымъ окомъ“. Первая попытка формулировать умственный образъ не будетъ очень удовлетворительной, но откройте опять глаза и бросьте второй взглядъ на карту и дополните то, что Вы пропустили въ Вашемъ умственномъ образѣ. Потомъ закройте опять глаза и пополните выпущенныя части. Послѣ нѣсколькихъ попытокъ, Вы будете въ состояніи по желанію занести на бумагу умственный образъ съ большой точностью.

Школьники иногда составляютъ себѣ умственный образъ своихъ географическихъ картъ и облегчаютъ такимъ образомъ для себя уроки географіи. Когда ихъ вызываютъ и просятъ описать какое-либо государство, они въ состояніи представить умственный образъ и описать его, какъ если бы карта была передъ ихъ глазами. На первый взглядъ кажется, будто это изученіе картъ мало имѣетъ отношенія къ тому, что Вы заблудились или „потеряли направленіе“. Но вы найдете, что это такъ поразительно быстро разовьетъ вашъ интересъ и усилитъ Ваше чувство мѣста, что Вы будете въ состояніи замѣтить его ростъ, когда будете находиться на улицѣ; понятно Вы всегда должны будете обращать вниманіе на то, чтобы держать открытыми Ваши глаза, и замѣчать, куда Вы идете; эта задача будетъ имѣть для Васъ только новый интересъ, благодаря Вашимъ путешествіямъ по картѣ. Рассказываютъ исторію одного американскаго путешественника, объѣзжавшаго Европу въ сопровожденіи цѣлой компаніи. Путешествен-

ники скоро замѣтили, что американецъ чувствовалъ себя въ посѣщаемыхъ ими незнакомыхъ городахъ, какъ дома, онъ не только зналъ названія главныхъ улицъ, но и положеніе главныхъ пунктовъ, а также и выдающіяся зданія и направленія, ведущія изъ одной части города въ другую. Казалось, что онъ уже раньше посѣщалъ эти мѣста, хотя это было его первымъ путешествіемъ. На вопросъ удивленныхъ друзей, онъ отвѣчалъ, что, ѣдучи въ поѣздѣ, по направленію къ извѣстному городу, онъ вынималъ карту и путеводитель и тщательно изучалъ ихъ, наблюдая общій планъ, главные точки, направленіе и т. д. Онъ подмѣчалъ особенно положеніе вокзала и отеля, въ которомъ думалъ остановиться. Затѣмъ онъ закрывалъ глаза и вызывалъ въ память всѣ эти пункты и продѣлывалъ лежащій между ними путь въ умѣ. Черезъ четверть или полчаса онъ былъ уже былъ достаточно знакомъ съ „положеніемъ страны“, чтобы безъ труда найти свою дорогу. Такимъ образомъ, онъ изучилъ Кельнъ, Прагу, Вѣну, Дрезденъ, Лондонъ, Парижъ и другіе города.

Для изучавшаго съ интересомъ карты, послѣднія становятся для него очень реальными, и замѣчается близкое отношеніе между настоящими пунктами мѣстности и нарисованными, воспринятыми. Замѣтите: принимаясь за это упражненіе, вы не только развиваете память, но и самую способность, отъ силы которой, при записываніи ясныхъ впечатлѣній, зависитъ память.

Каждая способность можетъ быть развита посредствомъ интереса и употребленія. Помните это, и у васъ будетъ ключъ ко всяческому самоусовершенствованію.

ГЛАВА XV.

Память на человѣческія лица.

Говорится о способности запоминать лица тѣхъ людей, съ которыми приходится встрѣчаться.— Указывается на важность обладанія хорошей памятью на лица и на неприятности, которыя влечетъ за собою плохая память этого рода. Эта глава изслѣдуетъ вопросъ, восходя отъ причины къ средству исправленія. Тщательное изученіе и примѣненіе изложенныхъ началъ, безъ сомнѣнія, должны привести къ большому развитію и укрѣпленію въ этомъ отношеніи. Тутъ нѣтъ попытки обучить „хитрому приему“; основная мысль, которой здѣсь слѣдуютъ, та, что разумное воспитаніе способности должно имѣть слѣдствіемъ укрѣпленіе въ ней, что, въ свою очередь, явится причиною укрѣпленной памяти этого рода.—Включены и упражненія.

Способность подмѣчать лица людей, съ которыми встрѣчаешься, очень различна по ея степени у разныхъ людей. Многимъ лицамъ нужно сойтись нѣсколько разъ съ незнакомымъ прежде, чѣмъ они узнаютъ его, увидавъ его вновь. И многія лица, повидимому, забываютъ фізіономіи знакомыхъ людей, если тѣ на годъ или два удаляются съ ихъ горизонта. Съ другой стороны, другіе люди узнаютъ всякое лицо, съ которымъ встрѣчались и, кажется, что формулированное разъ впечатлѣніе остается у нихъ навсегда, подчиняясь закону воскрешенія впечатлѣній въ памяти. Тайные полицейскіе агенты очень развиваютъ въ себѣ эту способность, а также многіе содержатели гостиницъ и другіе, которые по дѣламъ приходятъ въ соприкосновеніе съ множествомъ людей, и интересъ которыхъ тре-

буетъ, чтобы они запомнили и узнавали тѣхъ, съ кѣмъ встрѣчались. Это очень цѣнный даръ, такъ какъ случайные знакомые человѣка хорошо настроены къ нему, если онъ ихъ легко узнаетъ. И съ другой стороны, если вамъ не удастся узнать вновь человѣка, онъ можетъ обидѣться на васъ и даже дойти до настоящей къ вамъ антипатіи.

Отсутствіе развитія этой способности означаетъ, что данное лицо не употребляло дѣятельно ту часть ума, которая замѣчаетъ фигуру и черты лица тѣхъ, съ кѣмъ приходишь въ соприкосновеніе. Такіе люди смотрятъ, но настоящимъ образомъ не видятъ. У нихъ нѣтъ интереса къ лицамъ, и они удѣляютъ имъ лишь только поверхностное вниманіе. Законъ, согласно которому „малый интересъ, малое вниманіе означаютъ скудную память“, приложимъ и здѣсь. Лицо, которое желало бы развить эту способность, должно было бы начать съ изученія лицъ, заинтересоваться ими и посвятить имъ свое вниманіе. Такимъ образомъ наблюдательность будетъ направлена на черты лица и на фигуру, и въ короткое время обнаружится большой успѣхъ. Мы рекомендуемъ такимъ лицамъ изученіе элементарной книжки о фізіономіяхъ, что доставитъ изученію лицъ новый интересъ и даетъ въ результатъ значительно исправленную память этого рода.

Чтобы воспитать наблюдательность въ примѣненіи къ лицамъ и чертамъ лица (понятно послѣ того, какъ былъ пріобрѣтенъ къ нимъ интересъ), слѣдовало бы изучать лицо каждаго встрѣчающагося вамъ человѣка, отмѣчать общую форму головы и лица, глазъ, носа, рта, подбородка и лба, удерживая одновременно мысль: „я хочу узнать васъ на слѣдующій разъ, когда увижу васъ; каковая

мысль побудить волю приобрести ясное и отчетливое впечатлѣніе. Приобрѣтеніе интереса къ ученію и направленіе вниманія на изученіе человѣческаго лица вознаградитъ каждого за потраченные имъ на это трудъ и усилія, такъ какъ этимъ не только будутъ воспитаны его вниманіе и его память, но онъ получитъ также знанія по физиономистикѣ, особенно, если онъ воспользуется элементарною книжкою о послѣднемъ предметѣ, какъ мы уже совѣтовали ему. Существуетъ немного людей, которые могли бы вспомнить лицо отсутствующаго друга, и очень забавно видѣть, какъ нѣкоторые люди пытаются описать наружность человѣка, съ которымъ они яко бы хорошо знакомы. Попробуйте и вы это, и будете поражены тѣмъ, какъ вы мало, въ самомъ дѣлѣ, можете припомнить; и все же вамъ не будетъ трудно узнать друга, когда вы съ нимъ встрѣтитесь. Опишите на память, если можете, глаза, носъ, ротъ вашего лучшаго друга. Посмотрите на перваго человѣка, какого вы встрѣтите, обратите вниманіе на то, высокъ или низокъ его лобъ, широкъ ли онъ или узокъ; густы или рѣдки его рѣсницы, прямы ли онѣ или изогнуты и какого цвѣта; какого рода у него носъ—орлиный, римскій, греческій, курносый ли онъ или еще что-нибудь другое; большой или маленькій у него ротъ, хороши или плохи, большіе или мелкіе его зубы; носить ли онъ бороду или усы, длинные или короткіе и т. д. И въ этомъ духѣ продолжайте, въ каждомъ пунктѣ подмѣчая детали, какъ если бы вамъ поручили сообщить о нихъ въ вашей конторѣ и какъ бы ваша карьера зависѣла отъ правильнаго и полнаго доклада. Изученное такимъ способомъ лицо вы не забудете. Нѣсколько упражненій такого рода полезны для

развитія недостаточной способности. Вы начнете классифицировать черты лица и естественно воспринимать ихъ, такъ какъ въ васъ пробудится къ нимъ интересъ. А пробудившійся интересъ означаетъ ясное впечатлѣніе, ясное же впечатлѣніе означаетъ легкое вспоминаніе.

Затѣмъ, поупражняйтесь въ запоминаніи встречающихся вамъ людей, формулируя ихъ умственный образъ. Усвоивъ искусство получать хорошія впечатлѣнія лицъ, вы будете въ состояніи, вызывая часто въ память умственный образъ кого-нибудь встрѣтившагося вамъ, узнавать данное лицо по прошествіи значительнаго времени. Повторенное освѣженіе умственнаго образа почти равносильно неоднократной встрѣчѣ съ даннымъ лицомъ. Вы, навѣрное, замѣчали, какъ легко составить себѣ и запомнить умственный образъ лица, какимъ оно представляется на фотографіи или на картинѣ, и насколько труднѣе запомнить лицо той же персоны такимъ, какъ оно выглядитъ, когда вы видите ее лично. Однако, все дѣло въ привычкѣ и при нѣкоторомъ упражненіи вы будете въ состояніи припомнить такъ же ясно живое лицо, какъ и написанное.

Мы слышали исторію одного „быстро набрасывающаго художника“, который классифицировалъ носы, глаза, уши, рты, подбородки, рѣсницы, формы лица и т. д. и каждый классъ обозначалъ цифрой. Онъ бросалъ продолжительный взглядъ на лицо позирующаго передъ нимъ, чтобы воспринять выраженіе и сдѣлать общій эскизъ, и быстро отмѣчалъ себѣ въ умѣ классъ каждой черты, какъ то: „форму лица 4, глаза—6—8, рѣсницы—2, рта—4, подбородка—7“ и т. д. Ваше изученіе лицъ скоро познакомитъ васъ съ разными классами и видами

каждой черты лица и, если вы изучите физиономіи, какъ вамъ совѣтовалось, то найдете, что знаніе значенія каждаго класса чертъ лица сильно увеличитъ интересъ и удовольствіе задачи. Мы дали рядъ примѣровъ удивительныхъ памятей на лица и на черты лица въ другихъ главахъ этой книги.

Подводя итоги, мы сказали бы, что способность замѣчать лица такъ же можетъ быть развита, какъ и всякая умственная способность, и тайна этого развитія такова: *воспитывай интересъ къ лицамъ, изучай ихъ; вниманіе послѣдуетъ за интересомъ и память будетъ служить вниманію.*

ГЛАВА XVI.

Память на имена.

Говорится объ этомъ очень важномъ отдѣлѣ въ дѣлѣ образованія памяти.—Воспитаніе зрительной памяти.—Эта способность очень важна въ дѣловой и общественной жизни и слабая память о лицахъ имѣла часто послѣдствіемъ дурныя чувства со стороны тѣхъ, о которыхъ забыли.—Эта способность можетъ быть воспитана и развита, какъ всякая другая, и въ этой главѣ обсуждается данный отдѣлъ воспитанія, указываются причины плохой памяти такого рода и лучшіе методы для ея укрѣпленія путемъ воспитанія и развитія той же способности.—Прибавлены примѣры и упражненія, которые столь же интересны, сколько и поучительны.

Способность отмѣчать себѣ имена очень различна у разныхъ людей. Многимъ трудно замѣтить даже имя самаго интимнаго друга, тогда какъ другіе обнаруживаютъ удивительную способность запоминать имя почти каждаго лица, съ которымъ имъ приходилось встрѣчаться. Это умѣніе — важный факторъ въ успѣхѣ многихъ общественныхъ дѣятелей. Про нѣкоторыхъ изъ послѣднихъ разсказываютъ почти невѣроятные случаи обширнаго обладанія этого дара.

Въ другихъ главахъ этой книги мы сообщили рядъ примѣровъ о людяхъ, имѣвшихъ удивительную память на имена. Къ нимъ можно бы присоединить сотни общеизвѣстныхъ случаевъ. Джэмсъ Б. Блэнъ и Генри Клэри обязаны своей популярностью способности запоминать имена случайныхъ своихъ знакомыхъ и называть ихъ по имени, послѣ того, какъ они только разъ встрѣтились съ ними.

О Томасъ Уортонъ Маколей говоритъ: „было почти невозможно бороться съ этимъ человѣкомъ, который называлъ даже башмачника по имени“. Удивительная память Наполеона на лица и имена породила у солдатъ любовь къ нему. У Аристотеля была поразительно ясная память на имена, а Перикль, какъ говорятъ, зналъ имена всѣхъ гражданъ.

У человѣка, легко запоминающаго имена, есть мощное орудіе, чтобы завоевать себѣ благорасположеніе народа, и развитіе этой способности достойно труда. Память на имена можетъ быть совершенно также развита, какъ и другая умственная способность или извѣстная часть тѣла, т. е., путемъ вниманія и упражненія. Многіе люди удовлетворяются оплакиваніемъ того факта, что у нихъ слабая память на какой-нибудь предметъ, и не дѣлаютъ усилій для укрѣпленія ея. Если человѣкъ пойметъ, что онъ можетъ преобразовать себя постепеннымъ развитіемъ и упражненіемъ, тогда для него откроется дверь въ великое будущее.

Первое требованіе для развитія памяти на имена, это, понятно,— записываніе ясныхъ и отчетливыхъ впечатлѣній. Часто испытаннымъ подспорьемъ является громкое произнесеніе имени лица, только что вамъ представленнаго, причемъ взываютъ къ слуховой памяти, какъ повтореннымъ звуковымъ впечатлѣніемъ, такъ и къ отвлеченнымъ общимъ впечатлѣніямъ имени. Ошибка многихъ людей заключается въ томъ, что они не думаютъ объ именахъ встрѣчаемыхъ ими лицъ. Они не даютъ именамъ запечатлѣться самостоятельно въ умѣ, мало удѣляютъ вниманія фигурѣ или общей внѣшности незнакомаго, его дѣйствіямъ, побужденіямъ и т. д. Равнодушіе въ этомъ отношеніи, безъ исключенія,

приведетъ къ тому результату, что мы будемъ неспособны вспомнить имя. Это еще не самое худшее. Позволяя себѣ равнодушно относиться къ именамъ другихъ, мы практически теряемъ ту малую память на имена, какую мы имѣли, ибо ни кѣмъ такъ скоро не наказывается равнодушіе вниманія, какъ памятью, которая, какъ будто, дѣйствуетъ по принципу, что если обладатель ея не даетъ себѣ труда интересоваться предметомъ, то ей тоже нечего трудиться надъ сколько-нибудь заботливымъ воспріятіемъ впечатлѣній.

Если вамъ было трудно оживить заново впечатлѣнія именъ, то можете быть увѣрены; это было оттого, что вы посвятили лишь малое вниманіе именамъ людей. Начните сейчасъ же пріобрѣтать интересъ къ именамъ. Расчлените имена, подумайте надъ ними, обратите вниманіе на ихъ особенности, ихъ точки сходства и различія и т. д. Есть книги, излагающія происхожденіе именъ, даваемыхъ при крещеніи, которыя читаются нѣкоторыми людьми съ значительнымъ интересомъ. Мы утверждаемъ, что никто изъ читавшихъ такую книгу съ интересомъ, не окажется когда-либо въ затрудненіи при вспоминаніи именъ. Онъ запомнитъ ихъ, потому что для него они будутъ имѣть значеніе. Онъ ихъ отмѣтитъ, какъ онъ отмѣчаетъ себѣ имена товаровъ, которые продаетъ или, какъ имена чего-либо другого, представляющаго для него интересъ. У cadaго имени есть свое происхожденіе и значеніе и интересно провести какое-нибудь имя черезъ всѣ его варианты къ его происхожденію. Мы помнимъ семью въ Пенсильваніи, предки которой, носившіе имя Buchley, пріѣхали изъ Германіи. Внуки разсѣялись по землѣ и постепенно усвоили произношеніе своихъ англій-

скихъ сосѣдей, вслѣдствіе чего, у разныхъ вѣтвей семьи водворились различные варианты ихъ фамиліи. Теперь, когда семья сѣзжается, она составляется изъ Beachleys, Beachlys, Beechlys, Beechleys, Beckleys, Bickleys, Bockleys, Backleys, Buckleys, Beechys, Beachys, Beachleys, Beachlys, Beechlys, Beeklys, Beckleys, Bicklys, Buckles, Peachys, Peaches и Pecks. Еще пройдетъ одно такое поколѣніе, и сходство совершенно утратится, такъ какъ пропускъ одной буквы измѣняетъ правописаніе и этимъ уничтожается всякая связь. Вотъ намъ было очень трудно, замѣтить себѣ первоначальное имя, когда мы услышали его въ первый разъ; но послѣ того, какъ мы услышали исторію семьи отъ одного ея стараго члена, намъ не представляло ни малѣйшаго труда замѣтить имя кого-либо изъ носящихъ первоначальное имя или одинъ изъ его вариантовъ. Намъ было тоже очень трудно замѣтить себѣ длиннѣйшее имя одного нѣмецкаго купца, съ которымъ мы находились въ дѣловыхъ отношеніяхъ, пока мы не открыли, что имя его было равнозначущимъ англійскому „rabbitskin“ (кроличья шкура); съ этихъ поръ всѣ трудности для насъ исчезли и имя этого человѣка мы также легко запомнили, какъ имя Смита.

Мы упоминаемъ эти примѣры только для того, чтобы дать вамъ понятіе о перемѣнахъ, какія происходятъ, когда пріобрѣтаешь интересъ къ извѣстному имени. Если вы запомните что-нибудь, указывающее на данное имя, то вамъ, навѣрное, не представитъ труда запомнить и его. Человѣка, котораго зовутъ Мельниковымъ, можно запомнить, думая о мельникѣ за работою Булочниковыхъ, Малияровыхъ, Столяровыхъ и т. д., можно запомнить такимъ же образомъ: Имена, происходящія отъ

названія животныхъ, какъ Львовъ, Лисицынъ, Барановъ, могутъ тоже легко быть отмѣчены по ассоціаціи идей. Имена, произведенныя отъ названія растений, запоминаются по тому же принципу. Господинъ Яблочкинъ приводится въ связь съ соответствующимъ плодомъ. Черновъ, Сѣровъ, Зеленевъ, Бѣлый легко ассоциируются. Палкинъ, Стрѣлковъ, Стекловъ и т. д. могутъ легко быть запоминаемы. Мы знали женщину, которая не могла запомнить имени нѣкоего г-на Hawk (Ястреба), пока она запомнила себѣ о большой любви этого человѣка (кстати сказать, священника) къ курамъ; когда въ ея головѣ совершилась ассоціація между ястребомъ и курицей, она не встрѣчала больше затрудненій. Комическая ассоціація иногда гораздо лучше, особенно, когда человѣкъ настроенъ юмористически.

Но всѣ вышеприведенные методы, въ лучшемъ случаѣ, лишь помощь въ бѣдѣ. Лучшій путь—это, если вы начнете обращать вниманіе на имена людей, съ которыми вы встрѣчаетесь, и такъ воспитаете свой умъ, чтобы онъ заинтересовался ими и воспринималъ о нихъ ясныя впечатлѣнія. Обратите насильно ваше вниманіе на имя и запечатлѣйте его актомъ воли въ вашей памяти. Пріобрѣтите интересъ къ имени, думайте о немъ и посвятите ему ваше вниманіе. Затѣмъ, постарайтесь связать его съ впечатлѣніемъ внѣшняго вида этого лица. Мы знали человѣка, который, обыкновенно, приводилъ имена въ связь съ носами, такъ какъ его умъ, повидимому, былъ доступенъ такой ассоціаціи идей. Результатомъ было то, что, когда онъ видѣлъ носъ человѣка, то вспоминалъ его имя, а когда онъ думалъ объ имени человѣка, то невольно рисовалъ въ своемъ умѣ образъ его носа. Послѣ того, какъ вы разстанетесь съ человѣкомъ, поста-

райтесь припомнить его внѣшній видъ, постоянно въ связи съ его именемъ. Образуйте возможно болѣе прочное соединеніе между видомъ и именемъ при томъ, такъ, чтобы они слились въ одно цѣлое. Представьте себѣ образъ г-на Штрауса, съ которымъ вы только что встрѣтились и повторите нѣсколько разъ его имя: „Штраусъ, Штраусъ, Штраусъ“, тщательно навязывая при помощи вашей воли имя представляемаго вами образа. Вы увидите, что эта практика скоро дастъ тотъ результатъ, что вы пріобрѣтете необыкновенный интересъ къ именамъ лицъ и, проистекающее отсюда вниманіе, дастъ ясныя впечатлѣнія. Разъ получены ясныя впечатлѣнія, то способность подмѣчать и память легко послѣдуютъ за этимъ.

Мы нашли легкимъ замѣтить себѣ имена писателей, возстановляя въ умѣ образъ книги или стихотворенія и прикрѣпляя къ нему имя автора. Этотъ методъ можетъ быть подкрѣпленъ постояннымъ соединеніемъ имени автора съ заглавіемъ книги или стиха тѣмъ, что вы постоянно будете произносить: „Колоколь Шиллера“, „Потерянный рай“ „Мильтона“ и т. д. Эта ассоціація идеи доведетъ васъ до того, что вамъ трудно будетъ говорить или думать когда-либо о сочиненіи, не вспоминая въ тотъ же моментъ и имени автора.

Многіе считаютъ полезнымъ использовать также выгоду отъ воспріятія впечатлѣній зрѣніемъ и поэтому записываютъ, если возможно, имя и смотрятъ на него минуту, потомъ откладываютъ это въ сторону. Такимъ образомъ они въ состояніи и видѣть имя своимъ „умственнымъ окомъ“ и помнить звукъ его и другія впечатлѣнія. Хорошо получать впечатлѣнія отъ возможно большого числа способностей заразъ. Луи Наполеонъ, говорятъ, пріо-

брѣлъ свою большую память на имена этимъ методомъ записыванія. Его великій дядя не нуждался въ этой помощи, такъ какъ онъ всегда связывалъ звукъ имени съ видомъ человѣка. Но его племянникъ находилъ невозможнымъ сдѣлать это, и долженъ былъ прибѣгнуть къ названному методу, и постояннымъ упражненіемъ онъ скоро пріобрѣлъ славу въ томъ, будто онъ успѣдывалъ отъ дяди его способность. Иногда можно вызвать обратно въ память ускользающее отъ насъ имя тѣмъ, что оно связывается съ сходнымъ именемъ или съ чѣмъ-нибудь, что находится съ нимъ въ дѣйствительной или воображаемой связи. Мы помнимъ, что встрѣтились разъ съ адвокатомъ изъ Филадельфіи, котораго звали Тоунсендомъ и имя котораго почему-то не оставалось у насъ въ памяти, хотя мы знали другихъ людей съ тѣмъ же именемъ. По какой-то причинѣ мы никогда не могли думать о немъ, какъ о „г-ну Таунсендѣ“. Однако намъ случилось, наконецъ, подумать объ извѣстномъ журналистѣ Джорджѣ Альфредѣ Таунсендѣ, псевдонимъ котораго „Sath“. Мы тогда стали называть нашего г-на Таунсенда по псевдониму его тѣзки, и больше не затруднялись запомнить его имя. Нужно было только мгновеніе, чтобы связать между собою „Gath“ и „Townsend“. Много лѣтъ прошло съ тѣхъ поръ, какъ мы думали о г-нѣ Townsend'ѣ, но какъ мы только стали писать вышеприведенныя строчки, его образъ ясно предсталъ передъ нашимъ умомъ, но въ связи съ „Gath“ а, не сразу съ его настоящимъ именемъ. Методы такого рода обыкновенно — не самыя лучшіе и должны употребляться лишь въ исключительныхъ случаяхъ. Лучшій методъ — это пріобрѣсти интересъ къ именамъ. Изучайте ихъ, расчленяйте ихъ, и Вы увидите, что увеличен-

ный интересъ дастъ болѣе ясныя впечатлѣнія и легкую память.

Другой методъ, предпочитаемый нѣкоторыми, когда имъ случается „забыть“ имя, это—перебрать медленно въ умѣ азбуку отъ А до Я, посвящая минуту вниманія поочередно каждой буквѣ. Когда достигается Л, то забытое имя „Лѣсковъ“ приходитъ въ область сознанія, принесенное туда воскрешеніемъ въ памяти начальной буквы и связью ея съ остальными частями имени.

Другіе отступаютъ отъ этого, выписывая буквы поочередно, пока желаемая начальная буква не будетъ узнана. При послѣднемъ вариантѣ зрительная память помогаетъ вспомнить имя.

Тотъ же принципъ примѣняется, чтобы обнаружить неправильную орфографію написаннаго слова, посредствомъ чувства звука и общей памяти, если мы забыли, какъ оно пишется.

Иные находили полезнымъ стараться припомнить мѣсто, гдѣ они встрѣтились съ обладателемъ даннаго имени, и обстоятельства, сопровождавшія эту встрѣчу и т. д. Другими словами, они старались въ умѣ перенестись туда, гдѣ они были, когда встрѣтились съ лицомъ, и такимъ образомъ имъ было легко вспомнить имя, которое, очевидно, вступало въ область сознанія одновременно съ умственнымъ образомъ.

Другіе достигали той же цѣли, создавая передъ своимъ умственнымъ глазомъ образъ какой-нибудь особенности, замѣченной имъ въ наружности или одеждѣ чловѣка.

ГЛАВА XVII.

Искусственные системы.

Говорится о многихъ искусственныхъ системахъ воспитанія памяти, которыя предлагались публикѣ во все времена и у всехъ народовъ, указывается сущность наиболѣе выдающихся системъ и обращается вниманіе на ихъ слабые пункты. Исторія этихъ системъ уводитъ читателя ко временамъ Симонида за 500 лѣтъ до Р. Хр. и показываетъ, какъ старыя системы одѣваются въ новый нарядъ и предлагаются въ качествѣ новыхъ разными „изобрѣтателями“.— Эта глава покажется очень интересной тѣмъ, которые охотно изслѣдуютъ самый корень вещей и затѣмъ прослѣживаютъ все развитіе ихъ. Чтеніе этой главы даетъ читателю возможность понять притязанія многихъ предлагаемыхъ въ газетахъ системъ, и покажетъ, что „нѣтъ ничего новаго подъ луною“, поскольку это касается „патентованныхъ системъ заучиванія наизусть“.

Въ теченіе болѣе чѣмъ двухъ тысячъ лѣтъ появлялись многочисленныя и горячо рекомендуемыя различными покровителями и приверженцами „методы“ заучиванія наизусть, причемъ многія системы были долгое время очень популярны и принесли своимъ покровителямъ много славы и денегъ. Эти методы, искусныя въ теоріи и обстоятельныя на практикѣ, поразительно сходны между собою, несмотря на то, что они возникли въ далеко отстоящихъ другъ отъ друга странахъ, и раздѣлены между собою вѣками. Все они основаны на законахъ ассоціаціи идей, сходствѣ, на сограниченіи, контрастѣ, и т. д., которыхъ мы коснулись въ разныхъ главахъ этой книги. Нѣкоторыя изъ этихъ системъ очень остроумны, и приверженцы ихъ часто были въ состояніи заучить наизусть массу разнообразныхъ предметовъ.

Результатъ казался удивительнымъ, пока не освѣдомлялись о методѣ и не бросали взгляда за кулисы. Иной можетъ учить на память даже при маломъ знакомствѣ съ законами, лежащими въ основѣ этихъ системъ, но, въ концѣ концовъ, результатъ получается неудовлетворительный, такъ какъ системы искусственны, и, не смотря на утверженія ихъ распространителей, болѣе или менѣе похожи на „методы съ трикомъ“. Онѣ могутъ оказать пользу при заучиваніи на память особыхъ предметовъ, но не усиливаютъ и не развиваютъ памяти, какъ цѣлаго, и въ концѣ концовъ ведутъ къ тому, что запутываютъ и ошеломяютъ умъ и ослабляютъ обыкновенные способности памяти: Въ результатѣ перепутываются „цѣпи“, „звенья“ и „вѣхи“ и т. д., которыми изучаемый предметъ связанъ съ какимъ-нибудь инымъ. Это все работаетъ только нѣкоторое время и, затѣмъ, ученику труднѣе вспомнить связующее звено, чѣмъ самую вещь; или связующія звенья такъ поглощаютъ его вниманіе, что онъ забываетъ первоначальный фактъ.

Первая „искусственная“ система заучиванія наизусть или мнемоника была составлена Симонидомъ, греческимъ поэтомъ, жившимъ около 500 г. до Р. Хр. Поэтъ былъ приглашенъ на пиръ, на которомъ онъ прочиталъ стихотвореніе. Передъ концомъ праздника онъ былъ отозванъ гонцомъ и съ сожалѣніемъ оставилъ залъ. Какъ только онъ переступилъ за порогъ ея, крыша провалилась и стѣны рушились и раздавили хозяина со всѣми гостями. Трупы были такъ ужасно обезображены, что казалось невозможнымъ узнать ихъ и родные и друзья ихъ были очень опечалены и обнаруживали большое горе. Симонидъ нашелъ выходъ изъ этого положенія, сказавши, что онъ замѣтилъ, гдѣ сидѣло

каждое лицо и, что онъ ясно помнитъ это. Онъ нарисовалъ планъ зала, обозначилъ мѣсто каждого гостя, и, такъ какъ трупы были еще на тѣхъ же мѣстахъ, личность ихъ была установлена по этой картѣ. Думаютъ, что этотъ случай, долженъ быть объясненъ многочисленными системами заучиванія наизусть, обыкновенно объединеными подъ именемъ „мнемоники“. Недолго послѣ упомянутаго событія Симонидъ открылъ искусную систему заучиванія наизусть, которая нашла у грековъ большое сочувствіе; онъ основалъ свою систему на представленіи о томъ, какъ сидѣли гости на пиру.

Его система учила ученика построить умственный образъ дома, раздѣленнаго на верхнія и нижнія отдѣленія, состоящія изъ комнатъ, корридоровъ, сѣней и т. д. Эти комнаты и т. д. основательно заучивались на память и другія вещи приводились въ соотношеніе съ ними. Каждая комната нумеровалась, и въ ней сохранялось воспоминаніе о какой-нибудь вещи или части предмета. Затѣмъ заполнялась слѣдующая комната и т. д. Когда ученикъ хотѣлъ имѣть передъ собою замѣченные предметы, онъ умственно переходилъ изъ одной комнаты въ другую и вызывалъ въ память содержаніе каждой изъ нихъ. Расширеніе этой идеи требовало постройку второго дома, потомъ цѣлой улицы и т. д. Нѣкоторые современные представители этой системы совѣтовали ученикамъ отмѣтить мѣсто мебели въ ихъ квартирѣ и затѣмъ приводить въ связь съ этой мебелью предметы, которые они желаютъ выучить наизусть, переходя отъ стола къ стулу, отъ стула къ горшку и т. д. Система Симонида была позднѣе развита дальше Метродонисомъ въ Римѣ и составила основу безчисленныхъ системъ въ старыя и новыя времена, причемъ, каждый про-

должатель что-нибудь прибавлялъ или въ какомъ-нибудь отдѣльномъ пунктѣ производилъ измѣненія, провозглашая затѣмъ, что онъ „открылъ“ новую систему. Нѣсколько вѣковъ тому назадъ Конрадъ Цельтесъ основалъ систему, достигшую много успѣха и представлявшую на самомъ дѣлѣ видоизмѣненіе метода Симонида съ тѣмъ лишь исключеніемъ, что употреблялись буквы азбуки вмѣсто комматъ системы греческаго поэта.

Къ концу XVI вѣка Томасъ Уотсонъ, англійскій поэтъ, выступилъ со сходной системой, только что онъ вмѣсто комматъ или буквъ употреблялъ умственную стѣну, которую раздѣлил на многочисленные соотвѣтственно нумерованные отдѣлы. Шенкель, нѣмецъ, также преподавалъ вариантъ той же системы и, вслѣдствіе этого, едва миновалъ опасности быть казненнымъ, какъ чародѣй. Онъ нажилъ много денегъ, въ качествѣ преподавателя своей системы, пока она не была выдана однимъ его ученикомъ въ 1619 г.

Въ 1648 г. Станиславъ Винкельманъ сдѣлалъ новое открытіе въ области мнемоники и его система употреблялась съ тѣхъ поръ, какъ основа безчисленныхъ системъ. Хотя онъ отчасти использовалъ видоизмѣненную форму Симонидовой системы, все же онъ пошелъ дальше и создалъ то, что теперь называютъ „азбукой чиселъ“. Каждый изъ послѣдующихъ „изобрѣтателей“ употреблялъ иную „азбуку чиселъ“, но для нашей цѣли достаточно привести ее въ начальномъ видѣ.

Азбука чиселъ Винкельмана.

1	2	3	4	5	6	7	8	9	0
B	C	F	G	L	M	N	R	S	T
P	K	V	J					Z	D
W									

(пропущены гласныя, нѣмыя буквы и „Н“. Двѣ соединяющіяся буквы принимаются за одну. Слова передаются такъ, какъ произносятся, а не такъ, какъ они пишутся). Эта таблица основательно заучивалась, и, затѣмъ, слова переводились на числа или числа на буквы. Буквы, образованныя изъ цифръ, обращаются въ слова посредствомъ прибавленія гласныхъ и конструируется слово или предложеніе, которое имѣетъ какое-нибудь дѣйствительное или воображаемое отношеніе къ заученной датѣ. Нѣкоторые изъ послѣдователей Винкельмана установили гораздо лучшія формы „численной азбуки“, но принципъ остался тотъ же. Приверженцы этой системы заучиванія датъ прибѣгали къ самымъ бессмысленнымъ построеніямъ. Одинъ другъ пишущаго эти строки запомнилъ дату битвы при Ватерлоо, руководясь вышеприведенной табличкой, посредствомъ словъ „Bonaparte Licked“ (Бонапартъ побитъ). Первые буквы обоихъ словъ: В(1) и L(5) составляютъ 15—годъ битвы. Онъ запомнилъ битву при Юрктаунѣ посредствомъ словъ „Brave Novices Routed British“, начальныя буквы „B, N, R, V“ означаютъ 1781. Нужно гораздо больше труда нашему уму, чтобы учить эти связывающія слова, нежели для того, чтобы запомнить самую дату. Винкельманъ употреблялъ слова „BiG“, „RaT“, чтобы обозначить 1480 г., хотя мы раньше будемъ знать событіе 1840 г., которое слѣдуетъ запомнить, прежде чѣмъ намъ станетъ понятнымъ отношеніе между обоими. Другіе авторы выработали много остроумныхъ комбинацій этой „численной азбуки“, но для цѣли этого сочиненія достаточно и вышеприведенныхъ примѣровъ, такъ какъ вся штука болѣе своеобразна, чѣмъ полезна.

Въ 1840 г. полякъ Бенъовскій преподавалъ систему, въ которой впервые были введены „взаимно-относящиеся“ и подобныя теоріи, составившія важную часть многихъ широко-расхваливаемыхъ въ послѣдніе годы системъ.

Въ 1845 году американецъ Нейлесъ распространялъ свою собственную систему, въ которой между прочимъ употреблялъ предложенія, содержащія событіе, которое нужно было заучить, и послѣднее слово которыхъ содержало дату. Онъ преподавалъ также оригинальный методъ заучиванія именъ важныхъ мѣстъ и событій, связывая послѣднія съ извѣстными предметами, напримѣръ, „Borodino“ запоминалось посредствомъ „Borrow a dinner“ (беря въ долгъ обѣдъ); „Saskatche wan“ посредствомъ „Sis, catch a swan“ (Сись, поймай лебедя) и т. д. Его самымъ важнымъ нововведеніемъ была, однако, его „номенклатурная таблица“, занявшая мѣсто старой „азбуки чиселъ“. Эта таблица была рядомъ словъ, причемъ каждое слово обозначало цифру отъ 1 до 100. Этотъ заученный списокъ примѣнялся такъ, что каждое слово помогало запомнить соответствующее число, т. е. дату, которую слѣдовало заучить.

Въ 1848 году нѣмецъ д-ръ Коте открылъ систему, много употребляемую съ тѣхъ поръ другими людьми, и главная характеристика которой состояла въ соединеніи словъ, не имѣвшихъ другъ къ другу никакого отношенія, путемъ отысканія слова, имѣющаго отношеніе къ первымъ обоимъ. Напр., слова „труба“ и „листь“ могутъ быть связаны такъ: „труба — копящее дерево, дерево — листъ“. Слова „подушка“ и „чернила“ могли быть соединены такимъ образомъ: „подушка — перья, перо — для писанія — чернила“. Эта система съ тѣхъ

поръ была перенята не однимъ учителемъ. Обыкновенно эти системы затруднительны и приводятъ ученика къ разочарованію, такъ какъ онъ все-таки хотѣлъ бы развить свою память. Возьмите, напр., извѣстное сопоставленіе, которымъ учатъ англичанина слову „Apfel“ (яблоко), значущее по-нѣмецки то же, что по-англійски „Apple“; вотъ оно: „Apple—Windfall (плоды, сброшенные вѣтромъ). Wind—Storm—wrap well“ (закутайся отъ вѣтра); послѣднее слово звучитъ почти какъ „Apfel“. Но намъ казалось всегда легче сразу запечатлѣть въ умѣ слово „Apfel“, чѣмъ запомнить цѣпь посредствующихъ словъ.

Приблизительно въ 1878 году Джонъ Сэмрокъ училъ и опубликовалъ въ Англии систему, которая между прочимъ устанавливала тотъ принципъ, что числа могутъ легко быть заучены, употребляя слова, гласныя которыхъ соответствуютъ по звуку числамъ. Онъ обращаетъ вниманіе на то, что гласная каждого числа (въ англійскомъ языкѣ) отлична отъ другого. За исключеніемъ длиннаго звука „I“ (ei), который встрѣчается и въ словѣ „Five“ (пять) и въ „Nine“ (девять). Послѣднее неудобство онъ устранилъ тѣмъ, что замѣнилъ въ „Nine“ длинное „i“ (эй) короткимъ (и), какъ будто бы оно писалось „Nin“. По этому принципу онъ построилъ осмысленную систему заучиванія чиселъ. Слѣдующія слова дадутъ понятіе о характерѣ словъ, употребляемыхъ при заучиваніи чиселъ отъ 1 до 9; понятно, каждое слово съ тѣмъ же звукомъ могло бы замѣнить любое изъ приводимыхъ словъ:

1	2	3	4	5	6	7	8	9
---	---	---	---	---	---	---	---	---

Gun Tooth Tree Floor Hive Stick Sexton Gate Pin

При заучиваніи 1492 г. (открытіе Америки Колумбомъ) нужно бы построить предложеніе, относящееся какимъ-нибудь образомъ къ Колумбу и содержащее слова Gun (1), Floor (4), Pin (9), Tooth (2) въ указанномъ порядкѣ или надо было бы найти слово, въ которомъ оказались бы всѣ эти гласныя въ томъ же порядкѣ и т. д. Это интересно, но едва ли полезно для развитія памяти.

Система „Shedd“, въ качествѣ легкаго метода заучиванія наизусть, предписываетъ образованіе слова или предложенія, число буквъ котораго соотвѣтствовало бы числу, которое слѣдуетъ замѣтить. Такимъ образомъ, чтобы вспомнить годъ пожара Рима—64 г. до Р. Хр. слѣдуетъ замѣтить предложеніе „Burned Rome“, первое слово котораго имѣетъ 6 буквъ, а второе—4. Рожденіе Наполеона (1769) можно бы отмѣтить предложеніемъ: „A strange, mighty conqueror“ (чужеземный, могучій завоеватель), а его пораженіе при Ватерлоо (1815) предложеніемъ „A Waterloo I found“ (я нашелъ Ватерлоо).

Другіе писатели распространяли системы, по которымъ событія, лица, правила, даты и т. д. легко запоминались съ помощью стишковъ.

Въ нашей главѣ о памяти на даты, мы упоминали о системѣ стишковъ, которые могутъ быть при случаѣ употреблены, какъ легкое средство связать имена, событія и т. д. У студентовъ права и медицины имѣются много такихъ рифмъ всякаго рода, которыми они группируютъ части учебныхъ предметовъ, опредѣленія и т. д.

Азбука чиселъ иногда употребляется для выполненія „триковъ заучиванія наизусть“ слѣдующимъ образомъ: выписывается извѣстное количество чиселъ, сто или больше, и списокъ отдается другу. Затѣмъ записавшій очень быстро произно-

ситъ ихъ. Онъ повторяетъ этотъ кунштюкъ съ разными цифрами угодное ему число разъ. Здѣсь объясненіе заключается въ томъ, что онъ выучилъ на память „азбуку чиселъ“ и, беря слова извѣстной пѣсни или стихотворенія, переводитъ буквы на числа, которыя и записываетъ. Чтобы передать (устно) числа, онъ дѣлаетъ въ умѣ то же самое, что сейчасъ сдѣлалъ на бумагѣ и, переводя тѣ же слова на числа, онъ, естественно, произноситъ то, что передъ тѣмъ написалъ. Это—очень просто, но, какъ фокусъ, очень поражаетъ.

Иногда примѣняется законъ ассоціаціи идей, чтобы простымъ образомъ связать между собою (съ цѣлью запоминанія ихъ) разныя вещи, находящіяся въ какомъ-нибудь соотношеніи другъ къ другу. Такъ д-ръ Уоттсъ отмѣтилъ слово „VIBGYOR“, какъ средство легко замѣтить имена и порядокъ основныхъ красокъ; слово составлено изъ начальныхъ буквъ каждой краски въ ихъ правильномъ порядкѣ: Violet, indigo, blue, green, yellow, orange, red. Слово „News“ (новость) составлено изъ начальныхъ буквъ четырехъ странъ свѣта: North, East, West, South. Имя вице-президента, служившаго вначалѣ съ Линкольномъ, можно замѣтить, представивши себѣ имя Линкольна въ такомъ видѣ „abra HAMLINcoln. Франклинъ Пирса былъ 14-мъ президентомъ, что можно запомнить посредствомъ начальныхъ буквъ „F“ (ourteenth — fourteenth) и „P“ (resident—preudent)—14. Мы указываемъ на эти вещи только для того, чтобы показать сколько существуетъ путей, которыми можно запомнить вещи, привѣсивая ихъ къ „деревяннѣмъ гвоздямъ“. Большое зло при этомъ то, что тогда какъ этимъ образомъ можно запомнить лишь малое число предметовъ, гораздо труднѣе запом-

нить самые „деревянные гвозди“ послѣ того, какъ обременилъ себя извѣстнымъ ихъ количествомъ. Они искусственны и, въ концѣ концовъ, природа возстаетъ противъ нихъ.

Обозрѣвая пройденный путь, кажется, будто методъ Симонида или „теоретическая (мѣстная) система“, какъ ее иногда называютъ, первая выступила на арену еще и теперь обнаруживаетъ признаки жизни. Затѣмъ пришла „азбука фигуръ“, которая еще пользуется большимъ вліяніемъ, являясь въ очень развитой формѣ и почти потерявши первоначальный свой обликъ. Эта система въ началѣ очаровываетъ,—но попробуйте ее! Методъ заучивать даты посредствомъ словъ, содержащихъ извѣстное число буквъ, выглядитъ легкимъ, но онъ скоро надоѣдаетъ и возможно, что Вы перепугаете слова и этимъ измѣните числа столѣтій. Очень ужъ искусственно! Третій по очереди „соединяющій или взаимно относящій“ методъ—интересенъ, но онъ способенъ привести къ умственному катарру желудка, если его употреблять, какъ обыкновенную діету памяти. Даже, если бы эти системы были практичны, онѣ немного сдѣлали бы, не больше того, что помогали только бы припоминать даты, предоставляя другимъ методамъ развивать прочія умственные способности.

Лучшій методъ состоитъ въ развитіи различныхъ способностей къ тому, чтобы онѣ дѣльно воспринимали впечатлѣнія и сохраняли ихъ, и въ такомъ воспитаніи памяти упражненіемъ, чтобы прежде полученное впечатлѣніе могло быть быстро освѣжено. Мы пытались указать въ настоящей книгѣ путь къ этому и надѣемся, что каждый прочитавшій ее, примѣнитъ на практикѣ изложенные въ ней принципы.

К о н е ц ъ .